

(1903-1962), педагог, политссыльная (1941-1946, Нарым, Томская обл.). Репатриация в Польшу (1946).

Публикация дневника Елены Ишутиной начинается с мемуарного текста:

Это было так давно, а в ушах часто повторяется жуткий стук, раздавшийся ночью в дверь нашего дома. Николай открыл, и небольшую спальню заполнили трое вооруженных людей, один в штатском. Обыск. «Мы ищем оружия!» — «У нас нет оружия». — «Если бы не было, — мы бы не пришли». Прежде всего были изъяты все документы, некоторые фотографии и некоторые вещи, как например, фотографический аппарат. Все было разбросано, опрокинуто. Короткая реплика: «Жене можно объявить: — ваш муж переводится в другой район, будет работать по специальности, сможет писать письма и посылать посылки, адрес оставим, а теперь, приготовьте зимнее белье, одеяло».

Я уложила всё что можно в чемодан и связала ремнями постель. В пустой бумажник Ника положил выброшенную ими иконку Николая Угодника и мой любительский снимок. Простились тихо, не зная, что прощаемся навсегда. Проводить или помочь снести багаж не разрешили. Был уже рассвет. Через полчаса один из военных вернулся и спросил — хочу ли быть вместе с мужем? Я сразу согласилась. «Собираться — 20 минут». Стала машинально класть в раскрытый чемодан белье и платья с деревянной вешалкой. — «Да что ты деревяшки берешь — бери что получше», — указал на висевший ковер. Поднял с пола один из разбросанных альбомов и положил в чемодан со словами: «захочется своих посмотреть». Сборы продолжались коротко — надо было спешить. Мама плакала, умоляя остаться: «ведь мы больше с тобой не увидимся». И мы простились тоже навсегда, не зная этого. Мама умерла через 2 года. Уходя из дома, я увидела в передней пальто Ники. Разрешил взять. Придя на станцию ж. д., увидела вдоль ж. д. полотна массу людей с вещами. Меня присоединили. На вопрос, где муж, ответил: «потом будете вместе». Очередь росла, ежеминутно увеличиваясь. Подходили в одиночку, семьями, с большим багажом. Вскоре настал рассвет, но Нику я нигде не могла увидеть. Отойти было нельзя — нас окружали вооруженные люди. Недалеко от меня остановились знакомые — лесничий с женой. Мы обменялись взглядами. Через несколько минут лесничего очень вежливо увели, чтобы «дал несколько необходимых сведений». Когда он уходил, я обратила внимание, что одет он был крайне наспех, в истоптанной обуви. Примерно через час я вдруг увидела грузовой автомобиль с мужчинами и среди них успела различить нашего лесничего. Ники не видала. Мужчин изолировали. Но нас все время успокаивали, что по приезде мы все будем вместе. А

вереница людей, в большинстве женщин и детей — все росла. Подъезжали подводами, на автомобилях.

Через несколько часов были поданы товарные вагоны-теплушки, со специальным отверстием вместо уборной. Громадный состав. Началась посадка и погрузка багажа. У многих было много вещей. Я была налегке. Я соединилась с О.И., и мы заняли место рядом, на верхней полке у узкого оконца за железной решеткой, которая мешала видеть происходящее на станции. «Пассажиры» продолжали прибывать, и число охраны увеличивалось. По мере наступления дня, к нам стали приходить родные и знакомые «осужденных людей», приносили вещи, еду, «передачи». Постепенно число пришедших превратилось в большую толпу, стоявшую вдоль поезда. Но это были люди без оружия и их легко было остановить и отогнать оружием. Сестра моя получила разрешение у властей принести мне дополнительный багаж, в который она вложила все, что было в то время дома — деньгами, продуктами, платьем, бельем и даже дамский велосипед, оставленный у нас на хранение двоюродным братом. Этот велосипед впоследствии был обменен на хлеб, пополнивший нашу небольшую норму.

После проверки людей в вагоне, оказалось, что я лишняя, не числюсь. И только после того, как я категорически заявила, что я еду вместе с мужем — меня оставили. Двери вагонов снаружи заперли, ни войти, ни выйти было нельзя. Толпу провожавших заставили разойтись. Надо было как-то устраиваться в новом жилище. Благодаря заботам сестры у меня оказался матрац, постельное белье. Разложив постель, мы лежали или сидели на ней. Внизу, под нами были жильцы нижнего этажа. Из сундуков, чемоданов и простынь была сооружена уборная. Стояла ужасная жара, вагон был загружен людьми и вещами. Воздуха не было, а в уборной беспрерывно кто-то был. В вагоне судьба соединила людей с самыми разнообразными привычками и манерами и надо было ко всему приспособляться.

Происшедшее всех оглушило и первую ночь многие пролежали, с открытыми глазами. Не спала и я с О.И. Мы с ней были мало знакомы — сблизило сразу общее горе. Хотя тогда мы еще верили, что по приезде «в другой район» нас соединят с мужьями, но случившееся было сильнее нас и сон не приходил. На следующий день — это была суббота — с самого утра стали приходить родные и знакомые с утренними завтраками. Я сидела на своей постели у окна. Из толпы вышел молодой крестьянин и, получив разрешение, подошел к нашему вагону, протянув мне в оконце булку. Нервы были напряжены и, принимая булку от незнакомого человека, я заплакала. Это были последние минуты перед отъездом, часов около трех пополудни.

Многолюдная толпа провожавших была отделена от вагонов густым строем военных. Раздался сигнал, поезд медленно начал двигаться и в

вагоне и а толпе остающихся раздался плач, последние слова, люди осеняли себя крестным знамением, отдавая свою судьбу Тому, кто скрылся от нас на много дней. Ночевали в Волковыске. В воскресенье проехали Слоним, Барановичи, Столбцы. 19 июня в Минске во время остановки, неподалеку от товарной станции, по два человека, под конвоем вышли за кипятком. Раздалась стрельба, какие-то взрывы. Нас вернули без воды и поезд пошел с невероятной скоростью. Мы думали, что это маневры, т. к. не знали, что война началась, и что наш эшелон бомбардировали немцы. Нас обгоняли многочисленные поезда с мелькавшими в оконцах человеческими лицами. 24 июня мы были в Смоленской области, ночевали в Вязьме. 25-го в Калуге была остановка, получили второй кипяток. Из встретившегося военного эшелона узнала о войне, бомбардировке Бреста. Кто-то из мобилизованных бросил нам в вагон газету. В час ночи была первая горячая пища и хлеб. 26 июня ночевали в Калуге. Второй горячий обед. Я была в числе выходящих по два из вагона за водой и хлебом. На наши вопросы, где мужья — нам отвечали, что из Вязьмы мужчины уехали вперед к месту назначения, чтобы приготовить жилище. Появились поезда с беженцами, видевшими ужасы войны. А что же там дома с оставшимися?!

Эшелонов с беженцами встречалось все больше. Раненые, перепуганные люди, плач детей, мысль о судьбе близких, оставшихся там, неизвестная собственная судьба и тех, что уехали вперед, тревога за них, — не давала ни минуты покоя. Ехали с необычной скоростью для товарных поездов, нас невероятно толкало, подбрасывало и особенно чувствительно было ночью, в лежачем положении, когда вагоны с лязгом ударялись буферами, налетая друг на друга. Казалось, что поезд вот-вот сойдет с рельс.

В Туле встретили жителей из Волковыска, известие о боях в Бресте, Ломже, Минске. Ехали без воды и еды; в вагоне больные. К вечеру 28-го дали воду. 29 июня — Ряжск, Рязанской области. В 2 ч. ночи ходили на станцию с ведрами за обедом. Купили молока. В Пензенской области на станции простояли целый день. Ночь ехали, днем стояли. В Пензе никакого обеда не получили — поехали дальше. В нашем вагоне были брат с сестрой — оба подростка лет 15-16-ти, у них ничего не было, и вагон их подкармливал.

1-го июля были в Куйбышевской области на ст. Образцовое. В ларьке-вагоне покупали продукты. Из Сызрани тронулись вдоль Волги. На рассвете переезжали реку. В Самаре наш вагон купил подсолнечных лепешек и по ½ [нераспознанно] кг. хлеба на человека. Во время остановки к поезду никого не пускали и жел. дорожные служащие на вопросы, на какой мы станции — не отвечали. Два раза мне удалось написать открытку домой, и добрый смазчик спрятал открытку в шапку. Но открыткам этим не суждено было дойти по назначению.

5-го июля приехали в Омск, а накануне видели эшелон с знакомыми людьми из наших краев. Еще вчера были на краю Европы. Ехали с головокружительной быстротой. Мне порой казалось, что наш поезд слетит с рельс и упадет в реку (в каком-то месте мы ехали гористым высоким берегом, а внизу вилась река). В 9 ч. вечера пошли за 2 км. за обедом. Вернулись в 1.40 ночи. Все спали уже не надо было их будить есть остывшую бурду. Через несколько минут поезд тронется и от толчков расплещется всё, что есть. В течение 4-х часов полочки обеда удалось перекинуться несколькими словами с весовщиком на станции. Сказал, что едем далеко на Восток.

1941 г.

7 июля.

Утром приехали в Новосибирск. Простояли целый день и узнали, что дальше поедем пароходом. В 11 ч. вечера выгрузились из вагонов на пристань, погрузка продолжалась до 4-х ч. утра. Встречали восход солнца. Конвоя не было. Обедали на пристани. Все вздохнули свежим воздухом, вымылись, постирались, побывали у парикмахера. Погрузились в трюм большого парохода. 8-го тронулись, взяв на буксир большую крытую баржу, переполненную людьми. У многих началась морская болезнь. Свернули по притоку к югу, забрали пассажиров: гуралей, румын, евреев и вернулись на Обь. За деньги удалось получить ванну, прошла усталость, опухоль ноги уменьшилась. В трюме было переполнено, душно. Нестерпимая головная боль и рвота. За деньги мне удалось поспать на палубе всю ночь до половины 4-го, стало лучше. Утром вымылась, постиралась, высушилась и пошла за обедом и хлебом для нашего бывшего вагона (я была старшиной вагона). Прошли слухи, что первоначальное место назначения изменено, получено новое распоряжение, и поедем еще дальше. Никто ничего не знает и никто не скажет. Тревога за судьбу матери смешивалась с радостью, что по прибытии на какое-то место назначения, мы соединимся с мужьями. Мы терпеливо сносили все невзгоды путешествия. Кто-то из прислуги парохода сказал, что мы в 670 км от Новосибирска. Вторую ночь за деньги ехала на палубе 1 кл., сидя, затем до 7 ч. утра дремала в трюме. Ноги, руки и лица у всех невероятно распухли. На палубе разговорилась с бригадным машинного отделения — сибиряком. На вопрос: куда мы едем, ответил: «жаль тебя, заест мошка... через 10 лет выйдешь за остяка...» Но голова, как оглушенная обухом, не работает и предсказание не понятно.

Утро — стоим — маршрут неизвестен. Вдруг объявлена разгрузка людей частично с парохода, частично с баржи, около шести вагонов,

плюс семейства, давшие подписку добровольного выезда (ремесленники): слесаря, кузнецы, часовых дел мастера и две еврейских семьи. Наше путешествие продолжается еще день-два. Там по прибытии на место узнаем о мужьях и соединимся с ними. Пристань, где стоим, называется Парабель. Городок около 500 домов. Среди пассажиров баржи есть проститутки и уголовные преступники из Риги. Во время постоев они стали ночью пробираться на пароход, начались кражи, хулиганство. Чемоданы моментально перекрашивались и отыскать их было нельзя. Установили дежурства, особенно ночью. Узнали о месте назначения: от пристани пойдем уже по притоку, по реке Парабель катером и там будем распределены по сельским советам. Там можно будет хлопотать о соединении с мужьями. Сведения о Нарымском крае: август лучше июля, сентябрь холодный, зима шесть месяцев, мороз 40°.

13 июля.

5 ч. утра. Опять мое дежурство. Ночью были кражи, спать негде, отправки нет, теснота, вши, воду надо брать из реки: к колодцу не пускают. День без кипятка и горячей пищи. Люди расположились на барже и в катере на 2-х этажах. Сверху сыплется песок, вши, проливают ночные горшки, падают дети, льет дождь. Кругом густая вязкая грязь, глина, ноги скользят. На сходнях нельзя удержаться.

14 июля.

Сегодня день рождения Ники... Где же ты?! Ночь прошла в дежурстве по 3 часа, опять была кража. Пришел пароход. Ходили за кипятком. У меня ангина, лечь негде. Собрала после ночи вшей. Тоска, хочется уйти от гомона, грязи, ругани, крика детей, хочется лечь, протянуть ноющее тело. Ужас перед наступающей ночью, которая опять прошла в дежурстве по три часа. С прибывшим пароходом отправили наихудших по здоровью латышей, «о еще не всех; готовили в котелках, горшках на берегу горячую еду, кто что мог. Удалось купить килограмм мяса у местных колхозников из Барнаула. Их сюда привезли 10 лет тому назад. Купили молока. Обещали уже отpravку. Записывают желающих остаться в колхозе. В 7 ч. вечера тронулись. Баржу тянул катер. Те же чайки, такие же жаворонки и вороны. Вода в Оби мутная, с глиной, в Парабели с виду совсем черная. Пароходом ехали 16-18 км. в час, баржей едем 5-6 в час. Где-то на пристани брали дрова. Бросили все вещи и все спали где и как кто мог, если это можно назвать сном. Все дети больны, плач и крик не смолкает. У меня видимо грипп, достала газету. Идут ожесточенные бои. Что с мамой? На барже переписывают семьи. Днем часа два стояли в лесу, набирали топлива. Кругом березовый лес, уже не мошки, а комары. Я первый раз за время дороги сошла по трапу из одной доски на берег в лес. Кругом цветы, аромат шиповника. Вдохнула душистый воздух, почувствовала под ногами землю; кругом чудесный мир природы, прекрасный, забыла о конвое... Ника, где же ты?! Перепись дошла и до нас. Переписали опять, уже который раз за время пути.

Кругом разговоры, разные слухи... от них душно, хочется уйти от этого крика, а уйти некуда.

На барже тесно и только на палубе воздух чистый. Бесконечная очередь в уборную. Вечером помогала рулевой вертеть колесо руля. Она уже 8 лет ездит — украинка. Год тому назад в Новосибирске разминулась со своей дочкой, и не могут найти друг друга.
...закрыть

17 июля.

Вышли на палубу баржи. Пасмурно, но тепло, днем было солнце. Завтракали в 12 ч. дня. Около 4-х часов пожевали хлеба и стали складывать вещи — осталось часа два езды до места неизвестной новой пристани. В Парабели осталось 11 вагонов. Приехали в колхоз Тарск. Тяжелые вещи (у людей были тяжелые сундуки) привозили с берега на арбах, что можно люди таскали сами. Всех перевести не успели и несколько семейств, в том числе и я — остались на ночь на берегу реки. Зажгли костер, пекли картофель. От комаров прятались в клубах дыма. Бродившие лошади тоже приходили к нашему дыму, спасаясь от укусов комаров. Перевезенных людей поместили в здании школы с тем, что отсюда будут распределены по колхозам. Так выглядел «переезд в другой район и работа по специальности»... Записывали, набирали, отбирали, прибавляли, убавляли, а время шло. Томила неразбериха, усталость и сознание беспомощности и бессилия. Было горько, обидно. Пять раз меняли названия поселков, куда назначать. Часть вещей была в школе, остальное у реки.

19 июля.

Утром объявили, что нас отправят за 40 км. Вещи на возах, сами пешком. Ни реки, ни почты там нет — это последний поселок, дальше в глубь — тайга. Туда уже отправили латышей. Я не хотела попасть туда — это еще больше и надолго затеряться. Там не будет возможности писать, действовать. И я, подавив свое чувство, попросила оставить меня здесь, где есть недалеко пристань, ходят пароходы. Ответили неопределенно — подождать до вечера. Делать нечего. Мы спали с О. И. по очереди, карауля вещи. Обещали оставить нас здесь, в Тарске. И, наконец, около 9 ч. вечера в класс вошел, как потом оказалось, представитель колхоза, человек весь в веснушках, с птичьим лицом — Петр Ильич Кушнерюк. Он остановил свой взгляд на нас, внимательно оценивая наши пожитки (у обеих было по велосипеду), потом быстро посмотрев на нас, сказал военному: я беру эту — и указал на меня... а брат возьмет ту. Судьба наша была решена. Мы ждали. Через 2 часа наши пожитки были перетащены под новую крышу.

Это была суббота. Братья жили в домах совхоза, и мы радовались с О. И., что будем вместе. Прошел ровно месяц с начала нашего пути. Мы вымылись с наслаждением в бане, был устроен общий ужин с

хозяевами. Была водка и хмельная брага. После месячного конвоя, унижений, всего пережитого мы особенно почувствовали ласковую и сердечную атмосферу и гостеприимность хозяев, их русское радушие. В нас поднялся дух, мы почувствовали себя людьми. Следующий день — воскресенье из-за собрания вышел выходным. В понедельник хозяйка пошла косить. Председатель по своим делам, а нам новоприбывшим надо записываться в колхоз и идти на работу, можно жить свободной, за свой счет, если есть на что, но хлеба купить у единоличников почти нельзя.

Подали заявление о соединении с мужьями и отцами. Написали коллективное письмо и кроме того я отдельно. Хозяева уходят на работу. Я остаюсь дома хозяйничать: помогаю как могу и умею. Занялась своей стиркой. Июль, а вечера и ночи очень холодные. Днем неожиданно дует «северный» ветер. Закаты солнца необыкновенно красивы. К вечеру был сооружен мой топчан, т. к. я спала на полу в сенях. Меня приглашали в избу, но я предпочла спать в сенях одна, да и в избе, несмотря на чистоту, была масса прусаков (рыжие тараканы), ноги у детей были в ранах. Моя простуда (еще с Новосибирска) не проходила и спать в сенях было свежо, но я упорствовала.

24 июля.

Устроила свою спальню в углу сеней, отделив ситцевой ширмой. Парила кипятком в избе тараканов, но много их еще осталось. Под вечер пошла поучиться «тяпать» картофель (окучивать), тяпала 3 часа и уже все болит. Завтра пойдем с хозяйкой с утра. Здесь нет людей без работы.

Первый раз за все время видела во сне Николеньку. Весь день был какой-то радостный — сон был настолько ясный, точно наяву видела Нику. Из соседнего поселка несколько человек удрало, устроили ночную перепись.

25 июля.

Сегодня я «тяпала» картофель с хозяйкой 7 часов. Почва — сухая глина. Писать больше не могу. Двое детей заблудились в тайге. Искали всю ночь. Нашли утром. Ядовитая мошка впивается в тело (за уши, в уголки глаз, губ, носа) разъедает, тело пухнет и невероятно чешется. У меня все ноги в крови. Спасает сетка на голове и лице, смоченная скипидаром. Теперь нет в колхозе выходных дней, работают все в воскресенье. Подарила хозяйке чулки, подвязки и бусы (бисеры) и крестик.

28 июля.

Хозяйка пошла в сельсовет за 20 км. получать посылку. Я хозяйничаю дома. Отвела детей (две девочки) в ясли, накормила хозяина и иду в огород «тяпать» лук. Новое слово «шкурять» — ходить; пустить сало в

суп — воду «утеплить». Мой кашель превращается в коклюш. Послушаю советов — пойду в субботу лечить простуду в бане... Захолустная газета доходит с опозданием два раза в неделю. Какая глушь! Сегодня просмотрела газеты за 5 дней. Пробовала удить рыбу, но в конце концов пришла с купленной, так делают многие охотники. Почти всегда во время еды я думаю: что ест и ест ли Ника? Бедный ты мой! Завтра иду в тайгу за ягодами. Надо переправиться через реку лодкой, оттуда км. 7 необычной дорогой: овраги, кручи, навалены горы леса, крутые подъемы. Я ходила в сапогах. Вернулась почти без памяти от усталости. Ходила компания в 23 человека. Что-то укусило — распухла рука и все лицо. Кожа со спины вся сошла (окучивание картофеля).

1 августа.

Комендант поселка и милиционер призваны, а в поселке безвластье.

2 августа.

Все на работе. Я работаю дома; всяких заданий больше, чем времени. Чувствую себя очень усталой. Духота — будет гроза. Две недели жизни здесь, а мне кажется, что я здесь год. Убирала дома, работала на огороде, мыла детей, кормила свиней (колхозники имеют право иметь свою корову, кусочек огорода, держать свиней), била масло, носила воду из колодца, единственного на весь поселок. Чтоб достать воду — надо иметь не малую физическую силу, и мы с О. И. делали это сообща, т. к. в одиночку не хватало сил. Мы попали в водоворот спешки. Все работают, все заняты, утомлены. В колхозе каждый старается выработать большую норму: от этого зависит его заработок; работают все мужчины и женщины и дети. Жители нашего поселка обосновались здесь 10 лет тому назад. Были как мы сняты с насиженных мест и сброшены с барж по реке. А наш «соседний район» оказался за 700 км. Хозяева, пережив свою трагедию 10 лет тому назад, понимали нас, и относились к нам очень сочувственно. Наш поселок составляли так наз. «спецпереселенцы» и никто из мужчин призван не был (раскулаченные кулаки). Десять лет тому назад они были выброшены на берегу реки и предоставлены себе. Кто выжил — срубил избу. Так и появился поселок. Теперь нас добавили в качестве дешевой рабочей силы, только поселили в уже существующие квартиры. Работающий в колхозе получает 400 гр. хлеба, а так как данную норму непривыкшему выполнить невозможно, то заработок получается грошевый. Большинство из нас сразу были вынуждены пойти на работу, т. к. если кто и имел немного привезенных денег, все равно купить было негде, а есть что-то надо. Я пока-что помогала своим «хозяевам» в их частном хозяйстве: у них была корова, свиньи, кусочек огорода. Делала, что умела и как умела. Корову доить не научилась. Рассчитывала, что скоро все выяснится и, несмотря на войну, я с Николаем в Тарске жить не будем.

Начавшаяся война брала на свои плечи всю необычность обстановки, и я переживала второй, даже третий раз военную неразбериху. И, может быть, поэтому очутившись в этой необычной обстановке я не падала духом, стараясь преодолеть все трудности и невзгоды, волнуясь больше за судьбу матери и мужа. Любовь, молитва и большой еще запас энергии давали мне нравственную силу (физических сил было немного — я не привыкла к физическому труду). Я удивлялась выносливости местных женщин: в тайге они собирали массу ягод, тогда как мы самую малость. Туда и обратно мы едва успевали бегом идти за ними, боясь отстать, чтобы не сбиться с дороги в непроходимой тайге. Мы возвращались почти без памяти от усталости. Оставаясь дома хозяйничать, я к вечеру едва двигалась, а день начинался с восходом солнца и кончался после заката. После 2-х недель жизни в поселке мне казалось, что я здесь прожила год. Но работа кипела, все спешили и отдыха не было. А я, не имея своего хлеба — ела хлеб хозяев, объедая их — и потому, не желая оставаться в долгу, работала как умела изо всех сил (убирала избу, мыла детей кормила свиней, надо было собирать зеленый корм), носила воду, била масло в деревянной маслобойке и научилась печь хлеб, собирала в тайге ягоды на зиму для хозяев.

3 августа.

Хоронили 18-тилетнего мальчика-колхозника: воспаление легких, лихорадка, свирепствующая здесь, и надорвался на непосильной работе. Из больницы выписали и больной умер дома... Моя простуда всё тянется: кашель, насморк, но, наконец, сегодня вернулось обоняние, почувствовала вкус пищи и различаю все запахи. После сбора ягод хожу вся распухшая. В местном ларьке купила для Николая меховую шапку и меховые рукавицы и есть у меня большой запас разных папирос для него, которые покупала еще в пути.

6 августа.

Уже несколько дней окучивала картофель, отдыхая простудилась и к вечеру поднялась температура (40°). Никого дома, лекарств нет. Картофель надо кончать. Попала под дождь. Вечером пошла в баню «лечиться». Сплю уже в холодном и сыром коридоре. Нарым... и вспомнила я, как в начале июня 41 года дома был разговор о летнем отдыхе. Я сказала, что хотела бы очутиться в Крыму. Николай посмеялся и сказал: «Крым? А не угодно ли в Нарым?..» Получилось как в сказке, сказки бывают разные. Прошло еще дня два с температурой. Хозяйка привела свою старушку мать, чтобы заговорить «жабу» (ангина). Я на ночь сделала себе компресс и бабка застала меня с компрессом на шее. Поставила меня посреди избы, взяла с печки из загнетка деревянную солонку с солью и стала ходить вокруг меня, сначала читая молитвы, потом стала тыкать солонкой вокруг шеи, приговаривая: на девять, на восемь, на семь, на шесть, на четыре, на три, на один... и так три раза. Я едва выдержала, чтобы не рассмеяться, тем более, что старушка

вначале молилась. Ангине моей было уже несколько дней, достала и приняла аспирин, согрелась в бане, ну и на 9, на 8, на 7... Через два дня мне стало лучше. Продолжаю работать, настроение поправилось... Прошли слухи, что заключено соглашение (Сикорский), что нас могут в ближайший солнечный день забрать отсюда катером. Я теперь, окучивая картофель, с бьющимся сердцем смотрела на всякий катер, проходивший мимо нашего поселка. Здесь, в глуши, в тайге — вид парохода или катера вызывает чувство радости: пароход — это связь с миром, с людьми — это возможность неожиданной встречи с Николаем.

13 августа.

Была гостя — сестра нашего Петра Ильича с семьей, приехала из Средней Азии. Было много разных новостей. Газеты приходят с большим опозданием. Ужасно глухо. Сегодня я вместе с хозяйкой пошла в колхоз вязать зеленые веники — корм на зиму для скота. В тайге в этом месте всякая почва — я часто проваливаюсь, вязала свои веники неумело и связала гораздо меньше, чем полагается. Звук катера волновал меня. Все хотелось бросить веники и бежать к берегу...

16 августа.

Шила на машине что-то для хозяйки. По газетным сведениям — оставлен Смоленск.

17 августа.

Уже месяц жизни в Тарске и через три дня — 2 месяца, как из дому. Когда в Сараево погиб наследник трона, во Владимире был просто летний день. Никто не знал, что Бог скрывается на много-много дней. Слухи о бомбардировке Москвы.

22 августа.

Почты не было две недели газет нет. Оставлен Смоленск.

23 августа.

Приехал начальник Угрозыска (почему уголовного розыска?). Собрание. Нам вручил удостоверения с печатями о том, что мы ссыльные, в течение 20 лет не можем оставить Парабельского района. Я приняла это за шутку и сострила: «Как для начала — это не много»... Мне ответили — вы совершенно правильно смотрите на вещи: сегодня один документ, а завтра — другой. Когда я шла с собрания в голове прояснилось, и я опять вспомнила рифму «Крым — Нарым» и слова Ники — «а не угодно ли в Нарым?». Итак исполнилось. На большом печатном листе значилось: ссыльная ... сроком на 20 лет. «За что? А где же Ника? Что с ним? Сразу же, придя домой, от руки написала новое заявление о соединении с мужем, в виду того, что я добровольно за ним последовала. И эту ночь многие из нас провели не смыкая глаз. Утром

было составлено коллективное заявление о соединении с мужьями всех женщин поселка. Было только 2-3 замужества вместе. Заявление принял тот же «уголовный» начальник, был не только вежлив, но даже любезен, обнадежил, успокоил, принимая наши заявления. В нашем поселке была пожилая женщина из наших мест, жена адвоката. Она доставала от своих знакомых, заброшенных теперь в другие поселки, адреса, где можно было искать наших мужей, мы, не щадя денег (часто последних) стали посылать письма коллективные и отдельные в разные места и концы, не зная того, что все наши заявления аккуратно складывались в личные папки каждой из нас. Мы обязаны были являться для регистрации и тем же начальником были «изъяты» 8-9 велосипедов в нашем поселке; желавших записаться в колхоз не приняли. Желавшим переселиться в другой поселок, без ведома милиции, не разрешили.

27 августа.

Уже очень холодно. Обменяла купленные для Ники полуботинки на... подседельник из грубого фильца, чтобы потом переделать на валенки. Температура ниже нуля. В моем коридоре холодно, оконце без стекла, у меня хрипка.

29 августа.

Мороз заморозил всю зелень, не успевший отцвести картофель. В этом году разлив реки не позволил засеять, расположенные на берегу реки огороды поселка.

30 августа.

Ходили в тайгу за брусникой. В тайгу надо всегда переезжать на «душегубке» (малая, остроносая лодочка) поперек реки. Река глубокая, вода жуткая (7-8 метров), перевозят случайные 8-11 летние рыболовы. Вернувшись из тайги, пошли на регистрацию. Это была суббота. Люди мылись в бане. Мы с О.И. всегда ходили последними, не будучи в состоянии мыться в такой высокой температуре. Мы предварительно проветрили и оставили дверь открытой, но подливая, конечно, воды в печь, чтобы «поддать пару». Когда возвращались слышно было треньканье на балалайке и подобие песен-частушек. Все были слишком усталые и даже молодежь хотела отдыхать, так как ни выходных, ни воскресений не было — война, и тыл это тоже фронт. Николенька, где же ты? Откликнись!

31 августа.

Воскресенье. Все на работе. Я работаю дома что надо, шелушила кедровые орехи. С ужасом думала о предстоящей зиме. Где я буду? Купить борной кислоты, чтобы вывести тараканов нельзя, своей у меня было мало, и я предпочитала не думать о дальнейшей перспективе...

1 сентября.

Принесла из тайги с трудом собранные полтора ведра брусники (несла в кузове на спине и в руках), устала смертельно. Брусника на зиму заливается водой в бочке. Опять простуда, почты не было, а шла домой с сумасшедшей надеждой застать хотя бы открытку со знакомым почерком... Записи короткие: нету керосина, негде писать, запас свечей у меня кончился, в ларьке больше нет, нет и бумаги.

2 сентября.

Обычный день. Убирала лен, оставленный на огороде. Спецы бегут. Почему я не ясновидящая? Ничего не знаю, не чувствую, не предвижу. Порой, под влиянием постоянной физической усталости одолевает состояние нравственной омертвелости. Минутами ясно представляется весь ужас действительности, которого не способны заглушить даже стахановские темпы. Спешка, усталость — некогда и негде мыться, сопливые дети. Не хочу думать о зиме. Еще много времени. Кончаю — свеча заметно уменьшается. Хозяева спят.

3 сентября.

Известие о мире, увы, отвергнуто врагом. День бесконечно долог. Хочется видеть людей, а не двуногих. И несмотря на душевное состояние надо нормально изо дня в день приступать и добровольно выполнять, принятые на себя обязанности. Надо идти в тайгу за брусникой — ее все меньше. Ник, где ты?

4 сентября.

Поздняя ночь. После тайги. Говорят массовый призыв в нашем сельском совете, — газеты будут завтра и молодой картофель.

5 сентября.

Чуть не утонули, переезжая «обласком» (душегубкой). Ветер, холодный дождь, опять простуда. Нарымскую простуду лечу по-нарымски — в курной бане — начинаю выдерживать температуру. Все стены в саже, но я начинаю — акли... акли... аклиматизироваться... в смысле чистоты, акуратности и т. д. «Заедят тебя мошки, выйдешь за остяка!» Начинает быть понятным смысл этих слов...

7 сентября.

Роды в Нарыме: роженица, чувствуя приближение родов, начинает носить воду из реки под гору, топит баню, моется, затем рождает... Всё около трех часов. Пьет водку и ест за четверых... Написала прокурору о возвращении велосипедов. Известия о бомбардировке Томска — 500 км. на юг от нас. Много беженцев.

8 сентября.

После обычного тяжелого дня вдруг вечером запретили готовить на воздухе (жечь костры). На радостях купила 1 кг. мяса. Люди продают последние запасы. Настроение приподнятое, несмотря на то, что хожу распухшая от мошки (лицо, руки, ноги). Какое-то предчувствие. Хожу ставить банки больной из Беловежи (калека). Говорят, кругом много раненых и эвакуированных. Газет нет. Все только говорят.

10 сентября.

Поселок в темноте. Свеча догорает. Опять регистрировались. Неподалеку ловят какую-то банду — говорят удравшие латыши-уголовники. Едва пишу от усталости, мучит кашель. Через месяц зима.

11 сентября.

Ночь без сна — все болит. Просмотрела газеты за 3-6 сентября — пустые. Убираем картофель из огорода. Пришел кум хозяйки и говорит: «Тебе вот хорошо с прислугой — придешь с работы — все поправлено». — «Ну, да как понять», был ответ. Речь была, конечно, обо мне. Слух, что за 300 км. от нас вверх по реке одновременно с нами было привезено много мужчин. Нет ответа ни на одно из многочисленных розысков, заявлений. Так может пройти 10-20 лет!?

14 сентября.

Еда постная. Жиров нет. Купила 4 кг. меду. Одеваю все шерстяное и холодно. Хозяйка недовольна, что собрала только одно ведро брусники. Бессильная досада, горечь, плакала.

15 сентября.

Услышали об объявлении полякам амнистии.

16 сентября.

Приехало начальство в час ночи. Поляки, белорусы и украинцы свободны! Завтра собрание — все уезжаем. Латышам амнистии нет. Спать не могу.

17 сентября.

12 часов ночи, после собрания. Мы амнистированы, надо выбрать место жительства (только в Новосибирской области). О местонахождении мужа — обращаться к польскому послу.

18 сентября.

Меня и других в списке амнистированных не оказалось, но я почему-то спокойна. За ночь пока решила остаться на месте. В конторе колхоза обещана работа (умственная).

19 сентября.

Велосипеды возвращены. Вторую ночь не сплю, еле на ногах. Надо выбрать подданство: польское, советское или бесподданная. Не с кем посоветоваться. Ники! Как легче мне найти тебя?! Где ты?! «И некому руку подать в минуту душевной тревоги!»

20 сентября.

Были в тайге, но в первый раз не могли собирать ягод. Тайга залита золотом и солнцем, тысячи оттенков и можно было бы радоваться этой красоте в других условиях. Почему я не получила амнистии? По паспорту я русская по мужу, а Ник за 2-3 дня до отъезда получил паспорт бесподданного. Что выбрать? Где остаться жить? Идет война, уходит время, уходит жизнь... А я тут бессильна, кормлю чужих свиней.

22 сентября.

Амнистию получу, когда придут документы из Москвы. Пока могу выехать в Парабель и получить работу. Говорила с кем-то из района из НКВД. Кроме того, приняла место бухгалтера в Парабели (за 180 км) в конторе «Загот-живсырье», говорила с директором конторы, бывшим здесь в командировке. Дал мне записку, сам поехал дальше. Я дождусь катера и поеду на работу, квартира полагается. Еду с О.И. Директор советовал не ждать катера — ехать лодкой с грузом, в 3-5 дней доедем. Согласились.

24 сентября.

Собираюсь из Тарска в Парабель, там буду работать в конторе (в бухгалтерии), там почта, все же это не такая безумная глушь, там, м.б. больше встречу людей, с которыми можно посоветоваться, что предпринять, как искать, где искать мужей. Что означает выбор подданства? (на собрании, при объявлении амнистии было сказано, что мы можем выбрать подданство: польское, советское или бесподданство). Что это значит? Я теряюсь, не ем, не сплю, и хоть во сне Ника мне ясно сказал, что надо оставаться в Тарске — отсюда надо скорее трогаться. Подходит зима суровая, неизведанная, навигация прекратится на несколько месяцев. Надо скорее выбираться. Река уже обмелела, катера перестают ходить — остались весла. Мне обещана весельная лодка с грузом (сырьем того предприятия, где буду работать: заготовживсырье). Получила записку от директора к главному бухгалтеру о том, что принята в качестве бухгалтера в его контору; до его возвращения просит поместить меня в его квартире (а квартира мне полагается). Директор дал мне эту записку в Тарске, а сам поехал дальше по области. По возвращении из командировки все устроится. Произвел весьма положительное впечатление. Я воспрянула духом! Будет сдвиг, шаг вперед к цели, к тебе, Ника! Опять и опять возвращаюсь мыслью к подданству. Бесподданство Николая меня

беспокоит, за несколько дней до ареста у Ники отобрали паспорт с 11 параграфом (и у меня был такой же; в НКВД, когда Ника пытался получить хоть для меня без параграфа — сказали: «муж и жена — одна сатана, вы параграф получили правильно», и выдали паспорт бесподданного)... почему не все получили амнистию?! Чем больше думала об этом, тем больше радовала мысль, что хорошо делаю, покидая Тарск. Там можно будет действовать, и я лихорадочно собираюсь. Денег у меня всего 12 руб. 50 к., но я уже не ссыльная и скоро смогу передвигаться — начнется «новая эра» жизни: м.б. мы с Никой еще начнем где-нибудь здесь жить и работать? Со мной едет О.И.. Вот я буду иметь свою квартиру (комната с кухней, какой комфорт!) А когда и она получит работу, возьмем к себе калеку с малым мальчиком из Беловежи. Она бедная плачет оттого, что мы уезжаем. Мы чем могли помогали ей.

25 сентября.

Сплю все еще в коридоре и, несмотря на холод, сырость и сквозняк — не простужаюсь, — значит победила Нарым в 3 месяца! Сегодня видела во сне покойную сестру и Нику. Из соседней комнаты слышала как пели панихиду и кто-то сказал — война! Когда все это кончится?! Сегодня первый снег, потом дождь, холод. Ехать будем с остановками 3-5 дней. Надела все самое теплое — буду разогреваться веслами. Оставила велосипед у хозяина (где живу), оценив его в 700 руб. и одолжив у него 60 руб. Наличными буду иметь 5-6 пудов хлебной муки. Лодка не приехала. Надо ночевать, а я, несмотря на ужасную погоду, предпочла бы быть уже в дороге.

26 сентября.

Лодка опять не пришла — опять ночевка уже на хозяйской постели... Ели меня тараканы. От сквозняка распухло лицо и голова.

27 сентября.

Суббота. Пишу, сидя уже в лодке — 19-тонная, крытая. Везем бруснику, свиные кожи, соленые утки, валенки и проч. Заготовка сырья. Наш Макарушка-бригадир привез нас к пристани. В последний момент нашлись еще желающие выбраться до холодов из Тарска (из наших людей). Едем уже часа два. Солнце, снега ни следа, золото берез, виды берегов тайги просятся на полотно. Николенька! Где ты? Будь мы вместе, ты мог бы запечатлеть эту красоту... Скорее, скорее вперед! Горе выехавшим в субботу. Что день грядущий нам готовит... Нас в лодке 3 человека команды и 10 пассажиров. Сегодня Вознесение. Река Парабель у истока начинается 2-мя реками: Чузиком и Пенгой, и при слиянии уже называется Парабелю, что по-остяцки означает две реки.

28 сентября.

Ночью был дождь. Промокли, полулежа кто как мог. Была остановка, варили завтрак. Мы с О.И. поспорили о сибиряках по Гребенщикову и в действительности. Наш «корабль» около 20 метров длины. Наш путь 250 км., а если бы трактором, то 70 км. Перед вечером раздалась команда: «до витру» и 10 пассажиров поспешили спрятаться в камышах и только макушки голов торчали то тут, то там. Вечером сидели у костра. Я запаслась бутылкой водки и гребцы повеселели.

29 сентября.

Моросит дождь, пишу на берегу; уже отправляемся, оставляя на берегу массу черной смородины и кедровых орехов. Во время пути нельзя оторвать глаз от красоты тайги, одетой во все оттенки золота и пурпура. Заметки свои я пишу в записной книжке-блокноте... и, начав его в вагоне, в пути я задумала — хватит ли мне блокнота до встречи с Никой. И вот осталось несколько страничек!!

30 сентября.

Ночевать в лодке было невозможно. Я бодрствовала на борту, костер поддерживала; после завтрака тронулись, около часа сидели на мели.

1 октября.

К вечеру заморосило. В лодке тесно и... смрадно. В каком-то поселке пытались купить хлеба. Увы — купили только картофель. Весь день дождь.

2 октября.

Еще ночь промучилась. Путь к концу. Что-то с нами будет? Осталось 5 км. Опять сели на мель. Пришлось обходить это место пешком. Тягучая, свойственная Нарыму, глина. Я в валенках и калошах Ники. А чайки тут серые. 7 часов вечера. Часть наших вещей на базе, с остальными мы пришли на квартиру бухгалтера, которую уже успел занять сырьевщик с женой и двумя племянницами-ученицами. Мы заняли комнату и сидим на связанном багаже. Приготовили постель на полу.

5 октября.

Кое-как устраиваемся, продала материю на платье. Была где надо — документов моих (амнистии) еще нет. Хлеба получаем по 500 грамм. Обе ноги в нарывах от мошки. Чем лечить?

7 октября.

Два дня моей службы. Питаемся в столовой, частью дома. Вопрос квартиры не выяснен. Продаю, что можно, и на это живем. Невероятная, непролазная грязь на улицах, и все ходят огородами, разгородив их.

8 октября.

Главный бухгалтер Михаил Михайлович, убедившись, что я о работе имею понятие — запил, а мне поручил: работать, работать и еще раз работать. Надо было закончить запоздавший отчет (баланс). Работала по вечерам, брала на дом из-за грязи и холода в канцелярии. Нетоплено.

12 октября.

Оставлены Орел, Вязьма и Брянск. Сырьевщик уходит в армию. Главный бухгалтер под предлогом, посмотреть как я устроилась в своей квартире, — пришел вечером и принес литр водки... Делать было нечего, пришлось нам с О.И. принимать гостя и угощать. Пришел в восторг от «польского сала» (еще у нее были остатки). Мы провели кошмарную ночь. Оба, и сырьевщик и бухгалтер, быстро «наклюкались» и гл. бухгалтер объявил, что он не намерен идти к себе домой... Мне удалось уложить пьяного медведя в кухне вместе с сырьевщиком. А мы «продежурили» в страхе остаток ночи. Разговоры за столом были приблизительно такие: «Мих. Михайлович! Вам пора домой, вас ждет жена и уже поздно!» «Голубушка! Сегодня ты моя жена и никуда я не пойду! Я завтра буду спать, а ты смотри иди работай — не пожалеешь — все у тебя будет». Утром я ушла на работу, несмотря на воскресенье, а гости... опохмелялись. Посещения стали повторяться, я мы стали подыскивать частную квартиру. Я взяла аванс, продала шерстяной платок, сделала необходимые покупки. В конторе работала день и ночь, чтобы успеть закончить отчет. Гл. бухгалтер днем ходит как туча, угрожая, и молчаливо куда-то уходит, а вся работа была так невероятно запутана, что три дня невероятных усилий, с сиденьем до часа ночи измотали меня. Наконец удалось найти в соседнем поселке (1 км.) Костарево избу в хорошем, добром пятистенном доме. Изба из круглых бревен. Хозяева нарымчане, старуха и сын. После работы, достав с большим трудом лошадь, мы переехали с О. И. в новое жилище. За эти три месяца разгрузки и погрузки нашего «скарба» — пожитки эти опротивели мне до крайности. О.И. физически слабее меня, с хромой ногой, мало могла помочь, и я была главным носильщиком. Сегодня у меня опять был подъем: удираю от пьяницы, там разложимся и отдохнем, т. к. все это время спали на полу кое-как, не развязывая как следует пожитки. Две недели мучений, визитов, увещаний пьяного или навеселе «начальника». Не весело началась новая эра! Амнистию все еще не получила. Но последнюю неделю мысль была занята одним — удрать скорее отсюда! Директор все еще не возвращается из командировки. Велики пространства Новосибирской области. Много места, а уйти некуда... И опять перетащившись в новое жилье и увидев весело шумящий самовар, мы почувствовали, как в Тарске, что, наконец, мы... почти дома! Стало весело на душе. Бабушка оказалась очень «сибирская», но, кажется, хорошая. Приглашала к большому самовару: чая у нее не было, а воду белила молоком, вместо сахара хлеб макала в кучку соли на столе. Мы заняли большую, просторную избу с 4-мя окнами, вместо двери — занавеска к бабушке; но разостлав свои

постели почувствовали, что мы живем. О.И. устроила свою «кровать» на чемоданах, а я на двух ящиках положила 4 доски и на них свой матрац — королевское ложе! Давно так не спали! На работу пришлось ходить 2 раза в день (и на вечерние занятия). Пришлось купить большой керосиновый фонарь, т. к. вечером непроглядная нарымская тьма и непролазная грязь. Главбух и сюда в Костырево возобновил свои посещения вечером (приезжал на подводе) в обществе своего друга (из расчета, что нас с О. И. две). Мой блокнот кончился... раздобыла тетрадь и буду хоть по несколько слов отмечать дни, приближающие к встрече с тобой, Ника!..

22 октября.

Закончила свою бухгалтерскую карьеру «подав в отставку». Работать с Мих. Мих. невыносимо. Это пьяница, пьет по неделям, не работает, требует, чтобы я за него все делала, посещениям нет конца и нет выхода. На счастье вернулся директор и так как действительно оказался порядочным и умным человеком — (я ему сказала в чем дело) дал мне увольнение (вопрос в военное время очень сложный).

26 октября.

Сибирская бабушка, найдя более выгодного жильца (пообещал ей нужный материал) попросила освободить квартиру.

Нашли в том же поселке у радушных людей (рыбак), но уже только угол т. к. в маленькой комнатухе ютилась семья хозяев, а в большой избе уже жили наши люди: мать с 13-летним сыном, молодая женщина (только что вышла замуж) и мы две... В избе, где поселились, в подвале, в земле была кухня с русской печкой. В кухню можно было попасть по лестнице, держась за постель О. И., моя постель была у этого же входа с другой стороны. Хозяева — молодые люди, здешние уроженцы, Антон Иванович, жена его Феня и двое детей. Утешали нас, что их изба счастливая для поляков, т. к. все сосланные сюда поляки, в царское время жившие у них, благополучно отбывали свои ссылки и возвращались на родину. Будучи в ссылке они были в лучших условиях: семей не разделяли и если хотели, то жили тут вместе, получая в месяц 3 рубля. А жизнь была в то время очень дешевая. Рыбу добывали сами, мясо и мука стоили дешево. Нас обнадежили: «поживете и вы, да и вернетесь... Только тогда было одно, а теперь — другое», заключила Феня, подперев щеку ладонью. Ее Иваныч (муж) уезжал на целую неделю рыбачить. Сдавал пойманную рыбу и в зависимости от количества рыбы получал определенное число продуктов (хлеб, жиры, сахар). Себе мог оставить только мелкую рыбешку (тут преобладает стерлядь и навага). Сдача рыбного улова завершается «отовариванием» (сдаешь рыбу — получаешь за нее товар).

29 декабря.

У Антона Ивановича живем с 2.XII. Прошел месяц нарымской зимы — 52-56 градусов мороза. Раз я пошла за водой и не заметила, что отморозила щеку. Я уже прекрасно приношу по 6 ведер воды на коромыслах (не раз я возвращалась покрытая льдом). На ходу разливаю воду и сразу на мне леденеет. Колодца в поселке нет, и все носят воду из реки. Ежедневно прорубается «прорубь», до которой добрых 1/4 км. Подъем по крутому берегу, метров 4-5. Все это пустыки. Нарым уже не новость! Понемногу «освоили!» Писать нет возможности. Когда была объявлена амнистия, многие получили ее на руки и уехали, кто, куда. А кто остался — записался в колхоз, в артели. Я, в числе других не получивших амнистии, желая вырваться перед зимой из глухого угла — просила приехавшее в Тарск начальство (кто-то из района, как объяснил мне мой хозяин) о разрешении уехать в районный центр — город Парабель, чтобы получить там какую-нибудь работу. Получила разрешение. А работу я получила неожиданно сама еще в Тарске у директора конторы по заготовке сырья. Когда проработав полтора месяца, я была вынуждена оставить прежнюю работу, надо было начать подыскивать новую, т. к. кто не работает, тот не ест. Однажды явившись в «паспортный отдел» (там же помещается Народный Комиссариат Внутренних Дел) узнать, пришла ли уже из Москвы моя амнистия, я встретила то начальство, которое обещало мне в Тарске работу. — «Документы из Москвы еще не пришли». — Начался разговор о просимой когда-то работе... «Нам нужны люди, умеющие отличить черное от белого и знающие русский язык». — После нескольких посещений «стола», я поняла, чего от меня хотели. Мне предложили 600 гр. хлеба (двойная порция, т. к. наши люди получали по 300 гр.). Я наотрез отказалась, сказав, что пока мне хватает 300 гр., а когда буду работать — получу больше — пока что хочу получать столько, сколько все. В следующий раз мне предложили место кассира — удобное, т. к. я, де, смогу днем уходить с работы. Я отказалась, ссылаясь, что никогда не имела дела с деньгами и боюсь этой работы. Но время шло, петля затягивалась: сидеть без работы становилось все труднее. Спасал хлеб, полученный (частично) за велосипед. Амнистия, без которой нельзя никуда тронуться, не приходила, а разговоры в «паспортном столе» становились все неприятнее. Мне было сказано, что я должна знать о том, что я здесь не для поправки здоровья, не на курорте и только добросовестной работой могу доказать свою лояльность. Я лояльна! У вас по глазам видно вашу лояльность. Разговор стал затягиваться все дальше. Животный страх овладевал мною, когда при входе в кабинет дверь механически защелкивалась. Начались анкеты. Оказалось, что я с 1906 года жила за границей до момента освобождения Западной Белоруссии. Однажды, когда перелистывалось мое «дело» (личная папка), — я увидела все свои заявления о розысках мужа. За все время, сколько я их не посылала (я узнала свой почерк и свою бумагу из блокнота) они из почтовых ящиков попадали сюда... Стало быть я напрасно высчитывала дни и недели, ожидая ответа (его не могло

быть...) Ника — бесподданный, и я — жена бесподданного и потому моя амнистия не приходит из Москвы. Я поняла всю безвыходность моего положения. Надежду сменило отчаяние. Без амнистии никуда нельзя тронуться, предо мной только — 20 лет ссылки, нет никакого личного документа, не имею польского подданства. Я просто ссыльная: попала в западню, как беспомощный зверек...

1942 г.

3 января.

Больна гриппом, состарилась будто на 20 лет, учусь ходить.

6 января.

Сочельник. Слух о переезде в южные районы. По польско-советскому договору — мужа, разделенные с семьями, где-то в рядах польской армии на территории Сов. Союза. Снова разыскиваем, пишем в польское посольство в Куйбышев, уже возникают представительства в областных и районных городах, а среди нас выбрана уполномоченная, акушерка из Волковыска. Приезжали поляки, переписывали людей, считали, составляли списки, делегат призывал всех к труду, объединению и роздал иконки с молитвой.

Воспрянули духом — кто-то, где-то знает о нашем существовании! До сих пор никто из женщин не получили ответа на свои розыски. До возобновления навигации еще 4-5 долгих месяцев. А может быть поедем до железнодорожных пунктов санным путем? Гадаем, мечтаем в зимние темные вечера. Мало керосина, мало бумаги, всего не напишешь! Военные успехи перешли на нашу сторону: отбиты Керчь, Феодосия, на юге успех и на других фронтах. Дома есть радио, но репродуктор очень плохой, почти ничего не слышим, газеты бывают два раза в неделю с опозданием. Сведения очень скудные. Проходят тяжелые, полные неизвестности дни.

25 марта.

Завтра пойдем копать могилу. Мать с молодым сыном-мальчиком (наши люди) полторы недели назад прошли тайгой 130 верст. Ослабевшая женщина свалилась и через несколько дней умерла в больнице. Тело лежит в мертвецкой уже несколько дней. Кое-как соорудили подобие гроба. Тело можно только завернуть в простыню т. к. зачоченело. Четыре человека копали могилу почти день — мы идем помочь. День уже заметно длиннее. Утром, в 7.30 светло. Пишу в кровати. В избе, вторую ночь какие-то путешественники (супружество с ребенком) и сегодня моя очередь стеречь дом. Записываю нарымский быт и обычаи. Здесь принято «чавкать серу». Сера — это кедровая смола, продается в виде разноцветных подушечек и кто-то из наших людей, решив попить чайку с конфетами — купил этих «подушечек» за

последние 7 рублей. Оказалась сера. Откуда этот обычай? От предков? А может «смола» укрепляет десна и очищает зубы, которых тут никто никогда не чистит!

«А кто его знает», — говорят здесь нарымчанки. В свободные минуты они ищут друг у дружки паразитов в голове, истребляя их при помощи ножа, которым режут хлеб. Увидев это, я запрятала свой единственный нож на дно чемодана, наотрез отказавшись одолжить его в праздник, чтобы «поискать»... Мать поругивает 4-хлетнюю дочь: «Гадюка, зачем у тебя подол? Вытри сопли...»

Ужасный сон предшествовал страшному дню. Кого-то хоронят, и я в числе несущих гроб (нас несет больше, чем четверо). Гроб давит мне плечо. Я не выдерживаю тяжести — падаю, падает и гроб. Я чувствую страшный трупный запах, задыхаюсь от него и просыпаюсь.

На следующий день меня вызвали в паспортный «стол». И я после нескольких часов, как во сне, не выдержала тяжести и подписала согласие... на «лояльное сотрудничество». Не в состоянии передать содержания многих и долгих допросов, вопросов, исписанных анкет, касающихся мужа, родных, меня (в детстве) десятое поколение. Такова судьба бесподданных. Я усиленно разыскиваю мужа и если хочу его найти — должна «добросовестно» работать. Работа самая обыкновенная: сообщать, кто из окружающих не лоялен, напр., мои хозяева-рыбаки, мои товарищи, живущие теперь со мной и т. д. Что говорил ваш представитель из посольства, что это за молитва, которую нам раздавали и т. д. На собрании присутствовали работники «паспортного стола» (НКВД), прекрасно владеющие польским языком. После нескольких часов пытки (нравственной) я не выдержала, как во сне упала, дав согласие. Подписала присягу о сохранении тайны под угрозой смерти. Но смерть уже пришла: мне было все равно. Я хотела скорее выйти на воздух. Была ночь темная, как только бывает в Нарыме. Жуть абсолютной темноты была ничем по сравнению с пережитыми часами. Я ощупью отыскивала дорогу, каждый шаг. Да! Сон был в руку.

Когда прошла полдороги, осенила мысль — выход из безвыходного положения всегда есть: Обь глубока и широка, в трудный момент всегда примет. А пока можно надо защищаться и бороться. Необходимо получить амнистию. Боже мой! За что? Помоги мне! Ника! Где ты? Прежде чем придти домой, я разбудила спящих уже друзей, невзирая на письменную клятву сохранить тайну, — рассказала о случившемся, чтобы они не попали в такую же западню. Мне стало тогда легче, как будто поделившись, я сняла часть давившей тяжести. Дома у себя не могла в общей избе ночью сказать об этом О. И., а душевное состояние требовало участия, поддержки.

Я получила псевдоним «Катя» и в указанные дни должна была встречаться в библиотеке или ином месте (чтоб не возбудить подозрений) в разное время, передавая своему «покровителю» (связки) сводки на бумаге за подписью. План у меня был таков: не обострять отношений в паспортном столе, давая неверные, безвредные сведения,

как например: «что говорит мой хозяин-рыбак — коренной нарымчанин, слушая радио-сводки о победах на фронте». Конечно радуется победе Красной Армии. А коренной нарымчанин в действительности, как манна небесной, ждал перемены условий своей жизни. Я стала редко выходить из дому, а уж в городе, издали обходила знакомую улицу и жуткий дом. Стали приходить справки из НКВД с извещением, что разыскиваемый мной за ними не числится.

1 марта.

Последний день марта. По счету некоторых это страстной вторник — иные говорят, что Пасха не вместе с католической, а через неделю. Старые календари кончились, люди не совсем потеряли счет, а церковный купол, со снятым колоколом, стоит поруганный и одинокий, не будучи в состоянии возвестить о Светлом Празднике.

1 апреля.

Еще не было ни одной оттепели, но днем уже теплее. Ходим еще в пимах и калошах (у кого есть). Я научилась полоскать белье в проруби и уже дважды в феврале и марте самостоятельно проделала эту операцию. Действовать надо очень быстро, т. к. белье быстро замерзает, а руки надо вытереть, сунуть в рукавицы и ударить по-ямщицки раз 15-20 — разогреются. Колодца в поселке нет. И вода только из реки. Если православные нарымчане не спутались в исчислении — то сегодня Страстной Четверг. «Слава Страстям Твоим, Господи!» В доме праздничная уборка. Благодаря тому, что все время на людях — предпраздничное настроение нас всех объединило: общее горе, одинаковая судьба и хотя часто было крайне тяжело быть все время среди чужих людей, — с другой стороны, со своими мыслями можно было оставаться только ложась в постель. Теперь суэта хозяйки, творог и все приготовления — навеяли воспоминания о прежних праздниках, о близких и о их теперешней судьбе. Живы ли они и как готовятся к празднику? Наши приготовления были не сложны: из крупной хлебной муки на молоке и соде. Все мы пекли почему-то пряники, которые вышли у нас твердые, как камни. У кого-то из нашего ссыльного брата св. вода. На 6 человек случайно было 1/2 яйца. О. И., Феня и я разговелись в подвале-кухне, попробовав всех сортов неудавшихся печений с калиной, брусникой и картофелем. Легли в три часа... Пасха святая, Пасха Христова нам днесь показа-ся...

Погода уже весенняя, 26° мороза, но днем солнце, и снег начинает быстро рыхлеть.

5 апреля.

День пасмурный, нехолодный. А где же ты Николенька? Суждено ли нам увидеться? Есть дни, когда хочется написать много, излить массу

разнообразных чувств, мыслей, записать пережитое за все это время. Но писать в такие минуты или некогда или негде, а потом настроение меняется. Порой так хочется быть одной, не среди чужих по духу, посторонних людей. Минутами

13 апреля.

Я получила письмо из Бийска, что из Самарканда наше Новосибирское представительство переехало в Барнаул и обслуживает две области. Получили телеграмму, что все мужчины, разделенные с семьями в июне 41 года, находятся в Самарканде. Сегодня же дала телеграмму с запросом, на следующий день вышлю заказное со всеми фамилиями нашего поселка. В первую минуту была острая радость, потом заполз в сердце холод сомнения. Но ответы все же пришли из разных мест. Неделю я писала в Главное Управление лагерей. Завтра, 20-го апреля — десять месяцев нашей разлуки. Сибирская острота: «долго тянутся только первые 10 лет...»

19 апреля.

Сообщили по радио о новом выпуске займа. В Румынии, говорят, этот заем провалился, а тут прошел... в 62 часа. Голова болит от вечной брехни, а хозяйка не выключает громкоговоритель. Цены быстро поднялись. Продала на базаре свое шелковое платье за 1 кг масла и 2 кг мяса. Определяют на службу, подала заявление, постирала, приготовилась.

22 апреля.

узнала, что работы не будет, т. к. выяснилось: 1) женщина, 2) ссыльная, 3) слишком энергичная. Пусть ищет работы в других местах. Сегодня, идя за водой, провалилась вместе с клёпкой в воду; промочила ноги: полоскание белья не прошло даром — кашель...

Носится скворушка. Они поселились у нашего соседа, недалеко от нашей избы. Хозяин прибил скворешник на самой верхушке дерева, Я загадала: поселятся или нет, связав это с встречей с Никой. И вдруг испугалась того, что загадала. Вспомнила слова стихотворения «и совершилось какое-то чудо, возвратились опять из... сам не знаю, как и откуда, и цветы и мечты и любовь». Однажды на скворешне завозились скворцы и радостью затеплилась душа. Скворцы целыми стаями несутся в воздухе. Откуда вы прилетели, свободные птицы? Какие вы счастливые, что у вас крылья! Поселятся или нет? Начинаю быть суеверной до смешного, но вот не так давно в один день я разбила много посуды, а О.И. нашла подкову и в короткий срок столько новостей. «Жизнь моя, иль ты приснилась мне? Будто я весенней гулкой ранью проскакал на розовом коне!»

А теперь немного нарымской прозы. Давно хотела описать моих хозяев. Он рыбак. Всегда, когда есть кое-какая рыбешка — варят уху

стерляжью, налимым, из окуней и щук, без каких бы то ни было приправ. Зимой рубят или режут мерзлую рыбу и варят с небольшим количеством картофеля. К весне рыбы нет и ее заменяет картофель в мундире с солью. Утром кипяток с хлебом, на обед картофель. Вечером опять кипяток с хлебом. Из хлебного теста пекут пироги, в середину кладут или сырой картофель или вареный мятый, а летом морковь («пироги картофельные, морковные»). Здесь говорят: «небось промялась и захотела есть». Обувь: бахилы, чирки. Простыла — простудилась. Собачья «ёжа», давай не ори! «Сам, как взревет на меня». «Идешь — возьми за путем хлеб». На приветствие — «здравствуйте» — отвечают: «пожалуйста». «Да ты, дочь, что же это? Ты чего же это, девка?» Жаль бумаги — остальное запишу позже.

23 апреля.

День такой пасмурный. Дождь, но не весенний — холодно, сыро. Хочется лечь и уснуть надолго. Но я хочу проснуться теплым летом, в яркий солнечный день! До весны еще далеко. За эти дни видела несколько раз маму и Нику. Мама была плохо одета, и я во сне помнила, что уже променяла на картофель имевшийся у меня отрез. Сегодня видела Нику в незнакомом доме, и я почему-то должна была его оставить и уйти. Он только болен чем-то и мне особенно не хочется идти, и я медлю с уходом. А недели три тому назад я видела Нику так ясно, хорошо и крепко целовала его. Снился мне и о. Павел; во сне не помнила, что его уже нет в живых. Он, как наяву, нараспев поговаривал: «а вы посеете ржи, посадите картофель и не будете «бедовать». Вокруг меня были женщины. Еще раз видела о. Павла в светлой ризе, где-то на вокзале, среди массы поющих людей. Я бежала к нему, звала его: «о. Павел! о. Павел! Благословите меня и Николая!» Хотя я и помнила, что Ники со мной нет, что я одна. Но о. Павел не услышал, не оглянулся и ушел в здание вокзала. Я проснулась. Иногда сны бывают такие ясные, что запечатлеваются в памяти, их нельзя забыть и оставляют они в душе какой-то след, живут. Если сон приятный, радостный, то следующие дни я живу под его впечатлением. О. Павел во сне сказал мне сажать картофель, сеять рожь. Неужели отсюда мы не уедем? Нас в 2-х комнатах живет и спит (часто кто-то еще ночует) 15-17 человек и собака. Воздух ночью убийственный.

25 апреля.

За последние дни снег почти исчез. Река вот-вот тронется. Поверх льда стоит вода. Днем так тепло, что можно было бы ходить в костюме, если бы он был. Солнце ярче, скворцы неистовствуют, воздух по-весеннему опьяняет. На минуту перенеслась в Беловежскую Пущу, залитую солнцем и, казалось, почувствовала тот особенный весенний запах земли, еще без зелени, но уже по-весеннему пьянящий после зимы. Воздух оглашен музыкой вернувшихся птиц. Получена из Куйбышева телеграмма, что 3-го мая — день труда и только после

работы можно отметить праздник. Около 5-10 мая предполагается первый паром. Теперь распутье — ни проехать, ни пройти. Почта из далеких поселков, где живут наши люди, приходит не будет. Зимой был санный путь, теперь бездорожье. Беда с водой: снега нет, пройти к реке невозможно; топили снег, брали воду из углублений в поле, из ямок, теперь пока с половодьем не придет вода из Оби — весь поселок вынужден пить воду из луж. Колодца нет. Железной дороги нет. Девственный Нарым...

27 апреля.

Получила извещение из Гулага через НКВД о местожительстве мужа: Астрахань, Тюрма № 2. Вызывали в «паспортный стол» и там мне объявили, на руки ничего не получила, мою знакомую тоже вызывали. Ее муж в Саратове, тюрма № 1. Больше никто не получил.

28 апреля.

Послала телеграмму. В тюрму № 2, возможна ли переписка. Телеграмма с оплаченным ответом.

29 апреля.

Послала заказное письмо на имя начальника тюрмы «с просьбой» передать короткую записку Нике. Вложила в середину готовый заадресованный конверт для ответа. Николенька! Бедный ты мой! Чувствуешь ли ты, что я нашла тебя! Видишь ли во сне? Нас разделяет такое пространство! Теперь буду ждать! А все же совершилось какое-то чудо, что я несмотря на тысячи километров, вернее сибирских верст, — нашла след! Известие: ничего существенного не произошло. В воскресенье 26.IV я раскладывала кабалу: и радость и горе и все заботы и известит трефовый король. А вечером сосед сказал: а вас ждет известие — паучок около... в понедельник меня вызвали. В этот же день в церкви в Парабеле, после многих усилий был, наконец, снят крест с купола и вместо креста взвился красный флаг. Снимавшему крест подали гармошку и он сыграл плясовую. Внизу плясали, готовясь к празднику мая. Опять выпал снег.

30 апреля.

Мороз, яркое солнце, сухо. Рано утром ушла далеко в поле, к кустарникам, там еще много снега, оттуда недалеко до кудрявого соснового леса. Зелень приняла новый оттенок. Запиликала знакомая, маленькая пичужка. В груди проснулось какое-то легкое, радостное, молодое чувство. Нахлынули воспоминания. Стало весело смотреть вокруг, дышать полной грудью и сильн

1 мая.

Я зачислена на работу в Рыбный кооператив (расценка рыбы).

3 мая.

Воскресенье. Завтра выхожу на работу. Опять снег и сногшибательный ветер. Река стоит, но говорят — на воскресенье уже есть пароход из Барнаула.

7 мая.

Работаю, довольна. Работу понимаю. Сегодня тронулась река Парабель. Пошла из Оби светлая вода. Все время живу в напряженном состоянии. Всякий раз, когда открывается дверь, мне кажется, что мне письмо, но его все нет. Известит ли начальник тюрьмы Нику о моем письме, передаст ли мою записку. Ведь Ника не на свободе, как мы. Неужели он все это время сидел в тюрьме?!

9 мая.

Семь человек принимало участие в спиритическом сеансе. Впечатление слабое, т. к. публика сомнительная и, наверное, невольно управляли столиком и потому вышло по желанию участвующих: вопросы о конце войны и встрече с близкими, как у Толстого во «Власти тьмы». В Парабеле, а вернее во всем Нарыме и коренные, и ссыльные, и амнистированные, и спецпереселенцы (много будет гробов людских) — все с нетерпением ждут весной первого парохода. Так, выброшенные бурей на безлюдный остров ждут появления судна. Суровая долгая зима отрезает людей в Нарыме от мира. А тут война, ждут вестей, писем, раненых. Приход парохода — большое событие, повторяется из уст в уста название парохода и навстречу ему не идут, а бегут все, кто прожил девятимесячную зиму. Первый лед сошел, пошла чистая вода, но сегодня реку опять загромождали глыбы льда. Зима, по словам старожилов, была малоснежная, и воды мало, разливов почти нет.

11 мая.

Несмотря на воскресенье, вчера весь день ходили на пристань, не пришел ли буксирный катер. Я присутствовала в комиссии при передаче магазина другому продавцу. Больше писать некогда...

Пришли пароходы: «Пролетарий», «Шевченко», «Победа», «Дзержинский». Пассажиров мало, раненые. На пристань прибежавший народ не пустили.

13 мая.

Опять выслала заказное в Куйбышев.

14 мая.

Вчера вернули из Сталинграда деньги, высланные в тюрьму. Значит ни переписка, ни передача, очевидно, невозможны. Ответа на телеграмму нет. Уже 16 дней. Не могу теперь передать того, что чувствовала и пережила вчера, и записать все новости, настолько душа

непосредственна и нет возможности. На фронте ничего особенного не происходит, хотя есть много трофеев и гибнет ежедневно 75 неприятельских самолетов (в сводках не говорится уязвимы ли наши), о гибели людей тех и других не говорится. Газет нет. Радио слушать некогда.

18 мая.

На Керченском полуострове идут наступательные бои. На харьковском направлении войска успешно продвигаются вперед, на Кишеневском идут бои. Пишу в обеденный перерыв. Снег, град, ветер, холод. Река поднялась, наполнилась водой из Оби. Езда на обласке — жуткая. Ни писем, ни известий. На юг не поедем! Уехавшие туда переехали в подмосковные колонии и мои деньги, высланные в тюрьму, — вернули. Ответа нет и будет ли? Из Ташкента приехали в район Колпашева два польских офицера за своими семьями. Оба в английских мундирах.

19 мая.

Лежит свежий снег. Бушует ветер. Все в шубах, на рыбалку выезжать нельзя. Когда я была при передаче магазина продавцу, здешняя уроженка первый раз в жизни увидела зонтик, открыть его не умеет. «— Что это? Из Риги навезли: и кто его знает, чего он моргает». Позавтракала: хлеб и горячая вода в термосе — пригодилась. А что же ты, Николенька!? Чем позавтракал? Почему не приснился во сне? Приснись! Вчера выловили труп женщины. Говорят, сама бросилась. Но мне еще рано! Я хочу жить! Опять набор людей на смерть. В Томске и вообще по Сов. Союзу берут девушек и женщин, детям которых исполнилось 9 лет.

21 мая.

Опять снег, все в шубах, холодно дома, холодно в Рыбкооперативе, но на душе еще холоднее. Работаем с короткими обеденными перерывами до 10-11 ч. вечера и прихожу опять смертельно утомленная от цифр и сидения. Некогда остаться с мыслями, Николенька, солнышко мое! Так хочется излиться, все рассказать и даже это недоступно. «Ах, сбейте оковы, дайте мне волю!»

То, что я работаю, — большой плюс: у меня нет времени для другой работы. Время военное, все мобилизованы, опаздывать нельзя. За это под суд, как за большое преступление, а свою... работу в Рыбкоопе я ревностно выполняю и больше от меня ничего не получить.

22 мая.

Снег опять. Река широкая, жуткая, зловещая. Вчера чуть не послали в командировку на несколько дней. Холодно, «туфельки» мало греют.

24 мая.

Сегодня Троица. Вместо зеленых березок Феня украсила избу кедровой зеленью, похожей на американскую сосну. Вчера латышкам и еврейкам было объявлено, что их мужья в Соликамске, Молотовской области, в исправительном лагере.

Нет у меня карты. А на мои телеграммы ответа все нет. М.б. отослали в Гулаг? Утром сообщили по радио: по приказу командования наши войска оставили Керченский полуостров. На Изюм-Барвенковском направлении наши войска ведут ожесточенные бои и закрепились на новых позициях.

26 мая.

С 10-го мая отнят хлеб — дается только малолетним и от 55 лет. Сегодня умерла одна из наших женщин — 25 лет. Порок сердца и воспаление легких. Умерла в больнице. Дали знать на 4-ый день после смерти... Остался ребенок 4-5 лет. Тело выдали голое, не разрешили обмыть и одеть в мертвецкой. Началось разложение, тело вздулось, голый труп положили на открытый воз, прикрыли платком и повезли — 3 км. до избы. После многих усилий была устроена «долина» — гроб артелью, где покойная работала, одели, покрыли простыней и похоронили на том кладбище, где зимой ломами долбили могилу в мерзлой земле. Поставили крест с надписью химическим карандашом, что обрела вечное упокоение в Нарыме. Покойная была из Польши. На кладбище нашли 3-4 детских гробика, вырытых свиньями. Тел нет — их съели свиньи или собаки... Зимой, в большие морозы могилы выкопали мелкие, забросав снегом, а к весне не удосужились поправить. Гробик стоит открытый, пустой, на подушке кровяные следы. В Парабеле, на теперешней базарной площади только четыре года назад, еще было кладбище, на котором хоронили и еще заметны незатоптанные бугорки могил и кое-где остатки полуживых кустов. Ни крестов, ни могил, ни деревьев. Кто же заставил превратить это место в базарную площадь?! Ведь земли здесь больше чем людей...

Рассказала мне об этом хозяйка. На этой площади могила любимого ее сына, умершего 4 года тому назад. Она к зиме делает себе «метинку» искусственным кустиком. В былое время кладбище не осквернялось. Непостижимо жутко. Почему это?

1 июня.

Было несколько дней тепла.

2 июня.

Сегодня опять надевай шубу и хотя все зазеленело, но северный ветер морозит все. Видела тебя, Ника, во сне так ясно!

4 июня.

Уже около недели кукует кукушка, и вчера я ее слышала в 2 часа ночи из театра (Беспокойная старость). Почти белые ночи. Все оделось зеленью, цветет черемуха, носятся ласточки, вывелись молодые скворцы, вода в реке убывает. Все работают в огороде, сажают, сеют. После долгой зимы весна особенно хороша. Старожилы говорят, что в этом году исключительно холодная. А как хороши здесь закаты и восходы солнца. Уже пять недель я все жду ответа из Астрахани. Молчит и Куйбышев.

8 июня.

Несколько дней маленькой жары. Была гроза. Уже купаются. Пароходы усиленно курсируют, но частной публике и в частности нам всем передвигаться нельзя. Опять составлялись наши списки. Приезжал представитель польского посольства. Говорила с ним лично, еще раз передала свою просьбу о их интервенции по этому делу. Просила помощи и рассказала о себе лично (работа в «паспортном столе»). «Я лично в таком же положении. Лавируйте — ничем помочь не могу: если ездите на лыжах — удирайте». Если бы даже ходила — куда удирать? Передвижение очень ограничено, особенно теперь. Совет этот показался мне несерьезным, а лавирую я уже с самого начала... Стали призывать «спецов» (специально переселенные), которых до сих пор не призывали. Завтра уезжает наш Тарский хозяин, — он тоже «спец», можно подумать — специалист. Мобилизуют женщин на заводы... У меня кровавый понос или какая-нибудь неизвестная сибирская... прелесть... Но не хочу, о други, умирать! Я жить хочу! О.И. пошла в театр (Островский), а я после работы улеглась. Пишу на своей «койке», вечер, совсем темно.

25 июня.

Четверг. Но что же такое! Опять столько дней и ни звука! Сколько еще будет четвергов? Мы с О.И. вскопали в поле под лесом землю, заросшую дерном и посадили 1 1/2-2 ведра картофеля, земля не паханая, дерно отрывает заступами. Комары и мошка засыпали глаза, жгли лицо, ноги, руки. Мошка — это соль Нарыма. Не будь ее — Нарым потерял бы свою «прелесть»! Нет места, куда она не проникает. Разъедает тело до крови — за ушами, в уголках рта, около носа. Сажали картофель и думали: кто будет собирать урожай — мы или хозяйка? Вспомнился сон и слова о Павла: «Посейте вы, рожь, посадите картофель и не будете бедовать...»

26 июня.

Дождь. Ноги и шея распухли от мошки. Наши люди не получают хлеба, за исключением имеющих справку о нетрудоспособности, но в Нарыме все трудоспособны. Работа по желанию и способностям: артели металлистов, сапожные, портняжные, кузнечный цех, пекарня, артель инвалидов — шитье, пряжа, плетение корзин, рыбачьих сетей, витье веревок. В колхозах можно вязать веники для скота на зиму, полоть, косить, жать, молотить. Одним словом все! Собирают за 20 км отсюда

колбу — растение с листьями очень похожими на ландыши, а вкус чеснока. Эти листья солят, как лук или едят свежую с солью. Так вот за 20 км. надо собрать в мешок 40 кг. 3/4 колбы сдать и тогда получишь 600 гр. хлеба и 20 рублей. Надо связать 5 метров рыбацкой сети, 100 клеток в ширину, чтобы получить 500 гр. хлеба и 1 р. 15 коп. за метр. Ни одна первоклассная пряжа не может напрясть 1 кг за день (ни прялка, вернее, с помощью веретена) и тогда получишь 1 кг. хлеба. А хлеба нет ни у кого, хлеба нигде нельзя купить и выходит, что надо по-настоящему проработать натошак и только сдав работу, получить хлеб. Во истину: «в поте лица своего вкусишь хлеб свой». Все голодны и способны думать только об утолении голода. Поэтому — все фронтом к труду!

Наши войска оставили сегодня гор. Купянск, Харьковской обл. Немцы идут вперед. Конца войны не видно.

28 июня.

Посадили свой последний, имевшийся картофель. Все лицо, руки, ноги распухли. Неужели и выкапывать придется? Забыла отметить 20.VI.42 первую годовщину сибирской ссылки: недурно для начала, сказал турок, когда его посадили на кол. Говорят, дальше время пойдет быстрее... Еще не так плохо, если шутишь! Держись, девка!

3 июля.

Утопающий хватается за соломинку. Вернулась знакомая нарымчанка из Нарыма, с которой я передала карточку Ники — там есть хиромантка из Риги (новые ссыльные). Я дала маленькую, самую позднюю. Гадать отказалась, т. к. не видны глаза, нужен снимок «en face». На усиленную просьбу, посмотрев в лупу, сказала — виден только один глаз, определенно не могу сказать — точно не живет уже — не знаю. Вестей надо ждать еще полгода. Я прожила год на свободе, если это можно назвать свободой, а Ника в тюрьме, где тоже есть «паспортные столы», анкеты и разговоры «по душам». Мне однажды было сказано: «Я хочу, чтобы вы вышли отсюда с просветленной душой». Боже, спаси Николая !

4 июля.

После 8-ми месячной обороны пал Севастополь.

12 июля.

Петра и Павла. Полоса дождей и холода. Уже говорят о признаках осени. Николенька, идут тяжелые бои на подступах твоего Воронежа. Где же ты, страдалец? Какая смута на твоей земле. Взят немцами Ростов. А может быть немцы открывают тюрьмы, переполненные людьми, способными носить оружие?

19 июля.

Работаем по 15-17 часов в сутки. Сегодня дали выходной день. Надо дома все сделать, окучить картофель, постирать, вымыться. Вчера год

как приехали в Тарск. Надежда в жизни — это всё! Пока живет надежда — есть бодрость. Кому нужны страдания стольких людей? Сегодня каждый польский подданный получил через польское посольство американские подарки: по 2 кг. белоснежной муки, 25 дкг. смальцу и мерочку настоящего кофе. С транспортом пришла теплая одежда, обувь, белье. Распределять будут, когда приедет делегат из Новосибирска. В Рыбкоопе прошел сбор на новосибирскую добровольческую армию — Сталинскую дивизию. Отчислили 2-х дневный заработок. Воронеж все еще защищается.

24 июля.

Сегодня один из сослуживцев, человек лет 60-ти, пришел в новых «тапочках» янтарного цвета с лиловыми крестами. В клубе (церкви) делили церковную утварь, и он из покровов или риз сшил «тапочки». Человек был старый, уже седой, с беззубым ртом. Мне стало и страшно и жутко и мерзко смотреть на его лицо, напоминающее череп. Он был доволен и обувью и еще больше тем, что сделал. Активист! Его зять в свое время изъясил наши велосипеды. Победили и делят ризы и трофейное имущество.

27 июля.

Зимой — 52° мороза, лето знойное — нечем дышать. В Рыбкоопе уже ночные дежурства. В мое дежурство была сильнейшая гроза. На весь двухэтажный дом конторы — я одна. Зрелище жуткое, сильный ураган. Ударило в соседний дом. Громоотвод с церкви снят. Жара стоит уже две недели; ежедневно купаюсь — единственно приятные минуты. Ночью духота, клопы, комары. Вчера, в воскресенье стирала на реке. Вода освежает, чувствую себя после купанья бодрой — в жару изнемогаю. Завидую умеющим плавать. Я стала очень раздражительной, забывчивой. Если не могу записать переживаний сразу — потом всё забываю и не пишу. А если, когда-нибудь под другим небом, — быть может, эти строки напомнят пережитое. А может быть некому будет и читать... Ведь я совсем одна здесь, а может быть и вообще одна. Прошел один год, а прожито будто 10 лет. По словам делегата — нас здесь около 400.000! Пять воеводств завезено в один день! Нельзя не признать организованности и железной дисциплины. Сколько бесчеловечности во всем этом плане, сколько жестокости! Ведь было сказано: переезжаете в другой район, будете работать по специальности — возьмите инструменты. Здесь и в других районах живут такие же несчастные из Румынии и Латвии. Их привезли месяцем раньше — в мае 41 года и тоже всех в один день. Из Риги много интеллигенции (судьи, адвокаты). Нас много, но от этого никому не легче. А может быть легче? Не знаю: говорят — на миру и смерть красна. Так ли это?

1 августа.

Проснулась от радостного возбуждения во сне. Услышала мощный, явственный удар громадного колокола и одновременно из церкви раздался какой-то возглас. Я бросилась туда, чтобы узнать, бежала, плакала, и плакали все кругом меня. Мне стали объяснять, что возглас был такой: народ побеждавший египтян и побежденный — призывался к чему-то. Проснулась и не запомнила, но осталось сильное впечатление, что-то радостное. Были все рады. И я под этим впечатлением весь день, в каком-то нервном подъеме. По радио о Воронеже — ни звука. Опять был сбор теплых вещей на добровольческую, новосибирскую. Я купила рукавицы, не тронув всего того, что берегу для Ники. Я сотни раз думала — в чем он? — не отобрали ли всего того, что взял с собой? Год тюрьмы — это очень много. А на юге — фронт. Завтра воскресенье — пойдем пилить дрова или собирать ягоды.

5 августа.

Из Ленинграда приехала труппа артистов (120 человек). Среди них Симонов, играющий в фильме — «Петр Великий». Артисты приехали на своем катере. Играли под открытым небом, и мошки «ели» одинаково как публику, так и артистов.

6 августа.

Сильная гроза, были жертвы. Говорили об осени. Мне страшно думать об этом. Я отгоняю от себя все мысли, и хоть хочется побыть одной, избегаю этого. Я уподобляюсь страусу: голову под крыло; от усталости сразу засыпаю, а когда кусают паразиты — думать нельзя. Сегодня слышала, что в лагерях Астраханском и Соликамском свирепствует цынга и... большая смертность. Значит — голод... Ежедневно на фронте гибнет множество жизней, но у каждого человека одна жизнь и она дороже всего, жизнь другого бывает дороже своей. Если бы можно было отдать свою жизнь за другую. Не хочу больше писать. Артисты играют в церкви. Мы не пошли, хотя голод книжный очень ощущается, и приезду артистов обрадовались.

11 августа.

Вчера был воскресник по сбору черной смородины в тайге. Нас около 80 человек посадили в большие лодки, и катер на буксире повез нас вверх по Оби, по сердитой реке. Был сильный ветер, поднялась высокая волна; лодки стали наполняться водой, а вылить воду нечем; среднюю лодку залило водой наполовину. Раздались раздирающие душу крики и люди в смертельной панике стали перепрыгивать в две другие лодки (лодки были связаны и шли параллельно), становясь ногами на борт лодок. Лодки накренились к самой поверхности разбушевавшейся воды — одно движение и лодка опрокинется. Молниеносная мысль — конец всему — все будет кончено, т.к. на спасение рассчитывать нельзя: Обь достаточно многоводна и быстра. Но крики людей докатились до катера,

он замедлил ход, лодка пошла спокойнее и вслед за катером подошли ближе к берегу, где течение спокойнее. Налетела гроза со страшным ветром, проливным дождем, после которого мы все промокли до последней нитки. Все посинели от холода и страха. Под дождем причалили к берегу реки, около трех рыбацких избушек. Кругом промокшая тайга. Все пошли с проводником на сбор. Я была назначена (как счетный работник) приемщицей для учета собранных ягод. Сушила все на себе. Сегодня кашель, температура, едва досидела до 6 часов.

17 августа.

Майкоп пал. Мы все мобилизованы на уборку урожая. Работаем 4 дня в колхозе, 3 дня в конторе. Назначены в соседний колхоз... Вечер. Уже вернулись теми лошадьми, которыми свозили пшеницу. До обеда вязали снопы. Привезли немцев с Поволжья, и лошади пошли за ними. Уже полтора месяца не можем отправить в Томск сирот в Польское Посольство, т. к. назначенные для сопровождения детей наши люди — все не подходят. Сегодня отказали К. — почему?

19 августа.

Преображение Господне. Вчера ходили опять на сенокос. К вечеру холодный дождь. Сегодня тоже. Снарядились во все то тряпье, в котором можно ходить. Одежда у многих из нас поизносилась и истрепалась... Взят Краснодар... а что дальше?

21 августа.

После 4-х дней колхозной работы (вязали снопы ячменя, люцерны...), сегодня до 12 работала в конторе, с часу до 9-ти собирала грибы, вечером надо было еще идти в контору, но я уже не могла — ноги не шли. Больше писать некогда — темно и свечи кончаются.

23 августа.

Ночью дождь. Воскресенье. Опять сбор грибов под дождем. Заблудились, не нашли «стана» (сборный пункт) — 6-8 км плюс то, что блуждали по тайге, тащим собранные грибы на себе в кузовах, и несмотря на физическую усталость, я в тайге чувствую себя лучше, чем в противной атмосфере нашей конторы. Царит развал, анархия, сослуживцы циничны, сыплют двусмысленностями, плоскими и грубыми шутками. Весь день галдят, во всякую свободную минуту щелкают кедровые орешки или «чавкают» серу в любое время дня, среди занятий, когда челюсти устают, — смолу вынимают изо рта и приклеивают комочком на краю стола до следующего раза. Желающие «чавкать» шарят руками, ища эти комочки (оставленные кем-то) у любого стола... и 17-летние девушки и женщины... бухгалтеры пересыпают свои разговоры двухэтажной бранью. Однажды, когда не было посетителей женщина-бухгалтер говорит соседке по столу: «Лида, поищи-ка вшей, что-то голова у меня чешется». И началась... выметайка... Не удивительно, что

в тайге я отдыхала. Все расходятся, не слышно окриков и наступает полная тишина. Уже около двух недель, как повеяло осенью, много желтых листьев, золота, пурпура и особенно в лесу осенняя тишина. Однажды я с сослуживцем по Рыбкоопу заблудились, но зато встретились с артелью немцев с Волги тоже собиравших грибы для государства (госдоставка). Исходив много по тайге, утоляли жажду водой из углубления от конского копыта на дороге. Еле дотащились до дома, собрав по 6-7 кг. грибов.

На фронте ожесточенные бои под Сталинградом и Краснодаром. Иду спать — уже глухая ночь.

29 августа.

Суббота. Была в колхозной бане. Украли рубашку, принесла вшей... больше не пойду. Завтра работаем. В тайге, когда заблудилась, встретила рижанку. Положила мне карты, как страшно легли карты: нет встречи ни у тебя, Ника, ни у меня. Ты очень болен. Будешь дома, но меня не встретишь. Где же твой дом? Конечно глупо верить, но здесь, в тайге сибирской так страшно думать, что все кончено,.. В этом бедламе я пропустила твой день рождения... Сирот в Томск до сих пор не отвезли. На днях должна ехать очередная делегатка. Уже не верится в ее отъезд. Дали ей письма и телеграммы, т.к. отсюда не идут. Завидую людям, получающим письма от живых людей. Уже год и 3 месяца! Сообщалось по радио, что бомбардируется Варшава.

6 сентября.

Из-за дождя воскресник грибной отменен. Дома столько всякой работы! Все грязное, дырявое, незачищенное. Дров у хозяйки нет и не топится. Питаемся хлебом, есть огурцы, помидоры, соленая рыба, кипяток из самовара. После 2-х недель ненастья и холода опять хорошие солнечные дни. Гремит где-то. Река по погоде: то жуткая, то ласковая. Уже накопили 3 ведра своего картофеля. Вырос, увы, очень мелкий — плохие семена. Голодный народ. Пользуясь тем, что поле наше далеко, под лесом — без зазрения совести копают наш урожай. Копаем вместе с О.И., как я называю, со своей старухой. Ника! Если ты жив, наверное, ты голодаешь, томишься в тюрьме. Беспомощен, слаб и бессилён свободный человек. Что, если бы я знала будущее?! Порой так жаль, что жизнь прошла уже. Все чаще чувствую вечер, а полдень где? Не было. Сердце стало напоминать о себе. Не могу ходить легко и быстро, как раньше, а пьесу придется смотреть до конца, до занавеса. Вчера встретила с коллегой-учителем. В 1926-28 году были вместе на педагогических курсах. Теперь это 50-ти летний старик. Борода, как у Толстого, как тайга непроходимая. Сказал, что сбреет ее, только если вернется в Польшу. Пригласила на ужин; хлеб свой без ограничений, салат из огурцов и помидоров и даже со сметаной — роскошь (молоко меняли на тряпье). За берет получила полтора ведра картофеля. Да, вся свободная мысль здесь вокруг картофеля и хлеба. Вспомнила экспромт

Ники: «Лишь стоит захотеть и мой талант, как птица встрепелется»... Коллега-учитель накануне пешком пришел из поселка, в котором живет за 120 км. от Парабели. Его младшей девочке около 6 лет... Отсюда из Парабели их будут тоже отправлять в Томск. Посылают будто бы знакомую (жену начальника почты) и когда, наконец, получено, разрешение она едет неохотно, почти со страхом. Ей жутко оторваться от стада сбившихся овец и очутиться в водовороте военных ужасов. Немцы подходят к Новороссийску. На Ленинградском фронте тоже активные действия. Все новый и новый набор людей. Везде масса военных инвалидов. В Новосибирске есть палаты отдельно с инвалидами без правой, отдельно без левой руки; отдельно люди без рук, без ног, умоляющие прикончить их... Кому все это нужно?! Зачем столько страдающих людей на земле? Столько смертей? Одновременно с набором новых людей, с фронта все больше приходит извещений о смерти. Такое извещение получила и моя сослуживица-нарымчанка, вернее из Новосибирска. На нее тяжело смотреть — она навсегда потеряла самого близкого человека. Утешать ее нечем! И сколько таких извещений приносит каждая почта! А новые парни, почти дети, уезжают. Как все это непостижимо жутко...

7 сентября.

Я только что вернулась с работы (20 минут второго ночи). Хоть Парабель в глухом Нарыме, далеко от фронта, но атмосфера пропитана ужасами войны, народного бедствия и потому наша работа настроена на военный лад. Хорошо, что я не боюсь темноты, но все же глухой, темной ночью, шаг за шагом ощупывать ногой Нарымскую дорогу — жутковато. Напрягая зрение, стараясь хоть немного привыкнуть к темноте, я шла и думала о тебе, Ника! Мне так нужно знать — думаешь ли ты обо мне, нужна ли я тебе? Шагая ощупью, я вспомнила светлую, лунную ночь, когда ты приехал за мной на линейке к нам в городок, и было жаль, что 8 км. проехали так скоро. Ничто не повторяется, не повторится и эта красивая ночь, но воспоминание о ней сделало незаметной эту жуткую, беспросветную, темную дорогу в одиночестве, я шла точно вдвоем с тобой красивым сосновым знакомым лесом и не видела темноты... Не могу и не надо раскрывать своей души до дна. Ночью придет пароход, с которым уедут, наконец, наши сироты в Томск. В избе все спят. Воздух тяжелый, дышать трудно, но «выпускать тепла» из избы нельзя.

9 сентября.

Дети с К. уехали. День первых заморозков. Опять приближается 7-9 месячная сибирская зима и еще худшее — полная оторванность. Второй год. План выполнен еще только на 5% и надо «настроиться на военный лад... и... выполнять и перевыполнять...» Сегодня первый раз в жизни я была в суде, да еще советском, в качестве свидетельницы по делу продавца, одного из многочисленных магазинов предприятия, где я работаю. Слушалось много дел: прогулы, спекуляция. Судили

председателя колхоза, «кулака» по происхождению, в настоящем спецпереселенца. Работал в колхозе «Обжитие Севера». Судили за преступное, халатное отношение к социалистической собственности: 1) спец-пчеловод не досмотрел и умерли в 20 ульях пчелы, только не установлена причина: перекормили или корм был плохого качества; 2) животновод допустил падеж 64 овец (они от истощения овшивели и пали); 3) абортировались по невыясненной причине две лошади-матки (причина: тяжелые работы по выполнению плана по лесозаготовке); председатель утопил в омуте, во время переправы через весеннюю разлившуюся речку 2-х лошадей и не привлек к ответственности 2-х людей, не явившихся на его зов о помощи. Подсудимый признал сам себя виновным в «мягкотелости». Прокурор сказал: «раз не посадил на скамью подсудимых настоящих виновников — изволь отвечать сам»... Адвокат говорил бледно, не убедительно, боясь защищать несчастного. Засудили на 2 года заключения с непосредственным взятием под стражу. Моя «подзащитная» оправдана. Я пробыла в суде с 9 ч. утра до 8 вечера. Видимо от усталости я не поднялась с места при возгласе: «Суд идет!» Или м.б. потому, что «суд» не производил впечатления того суда, о котором мне рассказывал в 1920 году знакомый адвокат; он говорил, что у него всякий раз при словах «Суд идет» — мороз проходил по спине — сегодня видела судью-женщину без тоги. Народные заседатели — колхозницы, секретарь — безграмотная девушка, читающая обвинение по слогам. Дела разбирались быстро, было их очень много и к концу дня голова отупела, хотелось на чистый, свежий воздух и... мороз прошел по спине при мысли: быть судимой таким судом...

16 сентября.

Опять солнце светит ласково. На берегах золото, кругом какая-то успокоительная тишина, примиряющая со всем. Прощальная краса, как говорит Пушкин. Я возвращалась с работы и вдруг внезапно, углубленная в себя, я пережила радостные минуты возможной встречи с Никой здесь, в Нарыме. И Нарым мог бы быть прекрасным! В мыслях я с ног до головы одевала Нику в припасенные теплые одежды, вместо махорки припасенный за все время запас папирос из хорошего южного табака... шла и улыбалась. И, может быть, не даром приехала сюда. Ведь есть у людей радости, могут они быть и у меня. И все плохое отойдет вдаль, останется настоящее. Вдруг вспомнила пустую, незанятую скворцами скворешню. А я весной загадала: если поселятся, все кончится благополучно... Скворцы не поселились... Свои настроения я могу сравнить с здешним климатом. В общем я упорна, как здешняя зима, но минутные душевные состояния меняются резко и часто, как погода в Нарыме — несколько раз в течение дня — от яркого солнца к буре и холодному дождливому ненастью... Утром иду с водой сильная физически и бодрая душевно, верю в себя, в победный конец... Вдруг усталость, немощь тела и духа и полное отсутствие веры. В недалеком соседстве две сестры-латышки. Одна из них неожиданно получила

письмо от своего мужа, о котором год ничего не знала и не искала. Он ее нашел. Осужден на 5 лет и соединится с ней. Какое счастье!.. Второй брат умер осенью. Написал из Красноярска куда приехал, предварительно пройдя 4 лагеря. Сегодня уехала в Куйбышев, по вызову нашего посла, молодая девушка из нашего Костарева. Делегат посольства, будучи у нас, разговаривал с нею и, видимо, захотел помочь ей. У нее мать здесь и младший брат и сестра. Я отнесла ей хлеб, сухарей, конвертов и бумаги на письма и завещала быть энергичной, действовать в посольстве. Ее отец разделил участь всех мужчин. Кончаю. Нет времени: обед, за водой, дрова и на работу до 1-2 часов ночи.

21 сентября.

(8 сентября). Рождество Пресвятой Богородицы. Солнце. Золото осени. Богатство красок. Нарымчане суеются в огородах: копают, таскают на спине, а кто возиком свои урожаи. Готовятся к зиме. К 7-9 месяцам спячки. У всех на языке: бочки, соленые грибы, капуста и сибирская «картофель». Шла, смотрела и думала свое. Вдруг под ногами пес, вроде нашего Барса. А где же ты, Барс? Живы ли твои хозяйки, жив ли твой хозяин? Плохая и тебе выпала старость.

23 сентября.

Теперь я понимаю, что значит, когда говорят: не видно ни зги... Сегодня так было. Несмотря на холод и ветер мне от напряжения стало жарко. Почти рядом, шлепая по вязкой грязи, шел еще кто-то, но силуэта различить было нельзя, стало первый раз жутко. Нервы дают о себе знать. Я остановилась и дала опередить себя. Возможно, что это последняя запись. Завтра еду в командировку: везу нового продавца в магазин за 20-25 км. А в магазине старого надо удалить (т. е. проверить отчет и принять остатки товара, передавая их новому). В ту сторону еду катером, а назад вернусь обласком... иначе говоря душегубкой. Если суждено вернуться.

1 октября.

Вернулась! Сколько еще «1» октября мне положено!? Первый мороз сковал землю — стучит. За водой ходила в полушубке и рукавицах. Воды в Оби много, а достать подчас невозможно: берега вязкие, кладок нет, как в украинском проклятии: «коб ты по гори ходыв и сонца не бачыв, коб ты на воду дывывся та и напытыся не миг». Теперь о поездке. Три дня я ждала попутного катера, паузки, наводника или лодки, словом okazji. Наконец уехала лодкой с грузом. Везли камень. В лодке 8 человек, если считать и меня за человека. 20 верст вверх по Оби, против течения. Два весла, иначе говоря: пара гребцов. Едем ближе к берегу, где меньшее сопротивление. Там, где берег отлогий и не топкий, двое сходят и идя берегом, тащат лодку на бечеве. Гребцы отдыхают и едем быстрее, чем на веслах. Ехали 8 1/2 часов. Приехали в сумерки, и 4 км до ларька я

пошла с продавцом, которого надо было водворить в поселке Ласкино. Там живут остяки. Домов 20. Утром я разглядела и хорошие дома, и отлогий песчаный берег, и рощи берез и тальника. В день приезда мы шли при луне. Остяки народ очень грязный, нечистоплотный. Есть, конечно, исключения. Три дня я делала инвентаризацию товаров. Когда пришло время новому принимать — он вдруг одумался и отказался принимать за «малограмотностью». И на самом деле жаль его было — ведь через месяц он попал бы под суд как растратчик. Он говорил вместо пломбир — бомбир. Делать было нечего. Я опечатала магазин и во вторник решила возвратиться с тем же отказавшимся продавцом... душегубкой. Другого выхода не было, оказии не предвиделось. Я условилась за 30 рублей с 26-тилетней остячкой Груней, возившей почту. Выехать удалось только в 3 ч. дня. Садилась я с мыслью: конец сегодня или еще не суждено? Село нас трое да еще маленький сундучок — багаж неудачника кандидата. Обласок почти до краев погрузился в воду. Стоит неосторожно пошевелиться и вода зальет «судно» — «какюк» нам. Оказалось, что мой спутник никогда, нигде, ни на чем не плававший, выросший вдалеке от воды, — боялся еще больше меня. Я уже наездила и лодками и обласком, по скромной, по сравнению с Обью, Парабели. Онемев от страха, он даже не курил. И я много раз озиралась с опаской вокруг: — вода, вода и еще вода... А мы в ничтожной скорлупке несемся по волнам. Берега далеко, кругом волны и при мысли о глубине становится жутко, сердце пугливо трепыхается. Сидим неподвижно, перестаю смотреть на воду, осторожно поднимаю глаза вверх, боясь неосторожным движением вывести из равновесия душегубку. Мой спутник, мне кажется, еще больше скован страхом. Стоило бы нас «заснять», как говорят здесь, на память, таких «храбрых орденоносцев». Меня подбодрял самоуверенный вид и свободные движения Груни. Она пела, свободно говорила и смотрела по сторонам. Я завидовала ей.

Через некоторое время, просидев несколько часов в неподвижном напряжении, я очень устала и продрогла. Я взмолилась и меня высадили, спутник тоже попросился на «волю». Несколько километров мы шли берегом реки — крутым яром. Оттуда наш обласок на реке казался жалкой скорлупкой. Согревшись и распрямив члены, нашли удобный причал и опять сели. Надо было торопиться. Груня затащила безбрежную как Обь, заунывную остяцкую песню. Добрались до Парабели, где Обь соединяется, т. е. принимает воды Парабели. Там буквальный водоворот. Поднялся ветер, волны стали захлестывать, в обласок налилась вода, и я приготовилась к смерти. Даже Груня присмирела и приказала нам не шевелиться (мы и без того были скованы страхом). Мгновение и всё кончено. Опять хлестнуло. Я инстинктивно вскинула руки. Вода бушевала, ничего не было слышно за шумом воды. Были уже густые сумерки и Груня с трудом нашла место, где можно было высадиться — значит суждено было доехать.

1 октября. Снег. А в Сталинграде все ожесточенные бои (уличные).

7 октября.

Из Куйбышева запросили Изу (ее ли это муж, имена и даты), находящийся в Иране? Значит часть в Иране? А остальные томятся где-то, если еще живы. Из Томска запросят Куйбышев пока через НКВД дождусь известия...

14 октября.

(1-го октября старого стиля — Покрова Пресвятой Богородицы). Земля замерзла и к вечеру покрылась снегом. Торопятся последние пароходы. Впереди 7 месяцев полного заключения. То, чего ждем, о чем думаем, чем живем — можем узнать только по почте. Никто приехать не может.

Говорят, что перед смертью в короткое мгновение видишь всю жизнь. А у меня теперь так часто в одно мгновение, как свет магния, вспыхивают в памяти все лучшие моменты моей жизни. Вспыхивают и... гаснут. Может быть конец уже близок? Стойко думаю о зиме, запасах, надо купить бочку для капусты. Продавать почти нечего, работаем очень много, по ночам, никогда нет выходных, не остается времени для себя. Эти строки пишу уже на второй день т. к. уже без лампы, 2 часа ночи. Богородица! Покрой нас святым своим омофором! всех страждущих, плененных...

18 октября.

Зима. Ударил мороз. Надела валенки, а у многих их нет. Уже два раза присылался благотворительный груз из посольства (мука, папиросы, рис, какао, суп, лекарства, теплая одежда, белье, рукавицы, носки и др.). Нужды много, больше чем груза. Жалобы, нарекания на польских доверенных... Сегодня, взбираясь на крутой берег с водой в ведрах — споткнулась, упала, облилась и ушиблась. Не забуду я воды! А Сталинград все еще в военном огне. К. уже послала из Томска мое письмо и телеграмму. Радуюсь. О.И. сегодня первый раз высказала мысль, что мы отсюда не уедем... и тетрадь кончилась. Падать духом нельзя — это наше спасение.

25 октября.

Четыре дня назад я получила из Куйбышева сообщение, что в связи с моей телеграммой от апреля 42 г. посольство запросило 24 мая. По получении ответа о результате этого запроса — я буду извещена. Теперь жду известий от знакомого из Ирана. В Парабель пришла на зиму баржа с 1.200 тоннами муки. Чтобы не платить простоев, мобилизовали служащих и рабочих всех учреждений, и я разгружаю уже два дня. Носим вдвоем на носилках по 75 кг. с баржи по трапу, потом вверх, на крутой берег, около 200 метров. Вчера я вынесла 50 кулей, сегодня 64. Прогресс. Скажу только, что физически очень окрепла, а запас душевной бодрости — исчерпывается, а мне ее нужно так много! Хочу все

выдержать и победить! Сегодня после работы рубила еще дрова, ходила за водой, вымыла пол на кухне, свою буйную голову, поела и привела в порядок ногти (уже 2-ой год, а я хоть немного, а слежу еще за руками — им достается не мало!). Напоследок записала события дня. Когда я шла носить муку, то толстой бечевой, на которой держатся носилки, подпоясала свой полушубок, чтобы руки во время дороги отдохали. По дороге встретились новобранцы (дети). Один, поглядев на мой «кушак», сказал: «да ты, тетка, никак повеситься задумала?»

27 октября.

Бой в районе Туапсе. У нас метели. Прозябла, спасают валенки, надевая теплые вещи, в тысячный раз думаю, что носит Ника? У него отмороженные на войне ноги... Лучше не думать! Но мыслей отогнать нельзя. Верю и знаю, и живу с мыслью о том, что и ты, Ника, выдержишь, и мы встретимся. Я физически все вынесу, может быть это будет наш «поздний вечер». Если бы хоть на одно мгновение взглянуть на приговор Судьбы! А может быть завеса — это мудрость... Надо крепиться.

1 ноября.

Бой в районе Нальчика. Дополнительный заем и новый сбор теплой одежды для Добровольческой дивизии. Война принимает народный характер, но очень многие ждут перемен сегодня. День всех святых (праздник ушедших). Везде на кладбищах живые цветы и до полуночи все кладбища освещены, а здесь в течение 4 лет кладбище превращалось в базарную площадь! 28° мороз. Баржа с благотворительным грузом, очевидно, дойти не успеет и где-то зазимует. От переутомления и работы по 18 часов в сутки по ночам чувствую большую слабость.

5 ноября.

Оставлен Нальчик.

6 ноября.

30° мороза. Канун годовщины октябрьской революции. Получила приглашение на торжество, но не воспользовалась, т. к. единственный свободный от работы вечер надо было использовать и пойти в баню (к хозяевам, не колхозную). Надо было вырубить во льду ступеньки, чтобы пробраться туда в моих боксах. Появился брюшной тиф. Наехало всякого народа. Дома нетоплено, холодно; надо скорее лечь, моя старуха — О.И. уже похрапывает.

16 ноября.

Все время работаем и по ночам, до 1-2 ч. ночи. Наконец квартальный отчет был отослан по телеграфу, и воскресенье, после долгих месяцев (с июля) стало теперь свободным. Дольше поспала. Ника во сне был веселый, смеющийся и раздеваясь, сказал: ух как я замерз! Быть может,

ты действительно мерзнешь и вспомнил обо мне? Почты давно не было. Ждем самолета — могут быть письма от Кавки и Изы, которая осталась в Томске. По слухам Колпашевская тюрьма переполнена до отказа. По радио ничего существенного не произошло, а в Сталинграде все еще уличные и рукопашные бои. В Костареве несколько случаев тифа. Перестая пить сырую воду, не хочу умереть! Вчера у нас у обеих с О. И. появились вши... Дожили на втором году! Год и 4 месяца, но это пустяки... Выдержим!

20 ноября.

Возвращалась с ночного дежурства. 7 часов. Еще темно. Мало снега, тепло, сухо. После бессонной ночи (я всю ночь с наслаждением читала, дорвавшись до книги — Пушкинская эпоха — из рыбокооповской библиотеки). Я с удовольствием вдыхала чистый воздух. Намеренно шла медленно, т. к. дома уже все на ногах. Не кутаясь в воротник, я свободно обращала лицо к небу, вернее куда-то, в чистую, свободную высь. Молилась о тебе, Ника, за тебя, как давно не молилась. Состояние было особенное, необычное, было хорошо, хотелось долго идти куда-то далеко, только не в душную, смрадную избу, особенно тяжелую после ночи. Позавтракав, ушла опять на работу к 9 часам (два часа на отдых и завтрак после дежурства). Возвратясь вечером, я нашла письмо из посольства о том, что ты, Ника, жив, только.

Радость моя! Быть может, ты недалеко! В Астрахани, конечно, тебя уже нет. Но ты жив! Когда же конец войне?!

Год и 5 месяцев. Теперь опять не знаю, где ты! Но вся надежда на посольство, а я счастлива уже тем, что ты жив и буду верить, что, мы встретимся. Я разыщу тебя!

21 ноября.

Под Орджоникидзе (Владикавказ) наши войска сделали прорыв фронта и продвинулись на 60-70 км. Много трофеев, отбито много городов и населенных пунктов. У нас — тифозная прививка.

22 ноября.

Физически чувствую себя плоховато, но нравственно бодро. Физически в Сибири я как-то окрепла. Здесь в общем народ здоровый, румяный, в частности, женщины очень сильны и выносливы. С завистью смотрю на 65-летних старушек, легко поднимающихся с полными ведрами воды на коромыслах по крутому, скользкому ото льда берегу. А я неоднократно возвращалась без воды — не в состоянии взобраться с водой вверх. Правда, они обуты в нарымскую мягкую обувь — чирки, а я или в валенках или в больших скользких калошах Ники, — но лет через 10-20 и я, очевидно, буду грациознее. А пока часто падаю, обливаюсь замерзающей водой, простуживаюсь, но не болею долго — никогда не унываю...

24 ноября.

Глухая ночь. Вернулась домой. Все спят, храпят, свистят, всяк на свой лад. А я теперь ночью всегда иду вместе с Никой. Он всегда рядом. Я его чувствую и мне не страшно. Я даже привыкла и полюбила эти путешествия с ним вдвоем: никто не мешает вспоминать все хорошее... «и как вино — радость минувших дней, в душе моей, чем старе, — тем сильней!»

25 ноября.

Наши войска продолжают вести успешное наступление в районе Сталинграда, 14 тысяч трупов, отбиты города и населенные пункты. Враг застигнут врасплох. Союзные войска в Африке одерживают блестящие успехи. Всё та же картина. Сегодня О.И. прочла в появившейся у нас польской газете подробное описание немецких зверств в Анине, около Варшавы, где в числе 200 поляков был расстрелян дядя ее мужа. Это была месть за гибель 2-х немцев. Их выстроили в ряды и расстреляли. А я сегодня думала о бесподданстве Ники. Он получил его перед самым отъездом. Отняли паспорт с параграфом и дали бесподданство. Посольство хлопотало об освобождении из тюрьмы, как польского гражданина, но на основании заключенного договора (амнистия) с тем, что освобожденные вступят в ряды польской армии. Хлопоты не дали результатов. Мою радость сменила тревога.

29 ноября.

Четвертый день успехов на фронте. Наступление союзников в Африке: заняты Марокко, Тунис и Алжир. Немцы оккупировали остальную Францию (Виши). В Сталинграде прорвана линия фронта на 40-60 км. Часть города очищена, бои на улицах. Наступление советских войск продолжается. Голос спикера глухой, какой-то жуткий, когда он говорит: в последний час наступление

5 декабря.

Пишу на рассвете, на ночном дежурстве. До 2 час. ночи работала, чтобы убить время, потом думала, затопила печь, погрелась у огня: есть книги, но не могу читать. Здешняя зима без снега и мороза похожа на польскую зиму. Начинается тиф. В нашем поселке 2 смертных случая и много больных. Карантин. Смотрела фильм: «Ленинград в обороне». Кошмар! Рядом со мной сидела эвакуированная женщина, муж которой второй год под Ленинградом. И она ждет известий, но ее муж защищает Ленинград. А Николенька томится в тюрьме за то, что русский и не хотел в течение 20 лет принять другое подданство, несмотря на мои увещания. Мать и сестры О.И., живущие в Ленинграде, с июля не пишут. Как нас всех судьба разбросала, разделила и что-то будет?

14 декабря.

Начались морозы. Выпал снег. У нас в Рыбкоопе корпение над годовым отчетом. Мне подчас так тягостно считать, подсчитывать и выводить итоги, такая бессмыслица, такая ненужная трата дней и ночей на фоне всего, что происходит вокруг и тут и на всем свете.

Гибнут миллионы людей разных наций, одни убивают других, так называемых врагов. И свои убивают своих. Ни понять, ни простить этого безумия невозможно! Все более жутко становится на душе.

Около месяца назад, у нас в конторе я слышала разговор о том, что многие сотрудники нашего и других НКВД заняты истреблением «банд» где-то в тайге. Туда уехал и мой «телохранитель». Начальник нашего Рыбкоопа является одновременно тоже сотрудником НКВД. (Я узнала об этом не так давно). И однажды он, принес показать трофеи, добытые у побежденных «бандитов». Это были спички старого русского времени с двуглавым орлом... Нашли у «бандитов» этих спичек большие запасы, нашли бочки топленого масла, мед... и оружие. «Бандиты» долго не сдавались, пришлось прибегнуть к лучше вооруженной и многочисленной силе регулярных войск с пулеметами. И наконец «враг был истреблен». Что же оказалось? Русские староверы, те, которых описывал Гребенщиков, — не хотели признавать советскую власть, не хотели вступать в ряды, красной армии и в течение 25 лет укрывались в непроходимых дебрях Сибирской тайги, вырастив и воспитав в своем духе новое поколение. Не хотели воевать, не хотели проливать кровь. Но когда пришел критический момент — добыли оружие. Не знаю, где все это было и сколько людей погибло. Своими глазами я видела наднях, как через наш поселок Костарево вооруженные отряды советских войск провели этапом сотни две мужчин, со скованными руками. Был трескучий мороз. Среди шедших были раненые, хромые, кое-как одетые люди, прошедшие в таком виде, со скованными голыми руками, должно быть много километров. За этапом ехало 3-4 воза саней с ранеными или ослабевшими... «бандитами». По рассказам — живыми сдались немногие — большинство последний заряд оставили себе. Женщин в этапе не было. А что же с ними? Боже мой! Как жутко! Что ждет этих скованных, обмороженных людей?! Их повели в Парабель, в... «паспортный стол». Не могу забыть этого зрелища в сумерках зимнего дня. Узнала, что узников отправили этапом в Колпашевскую тюрьму (за много километров), так как здесь нет места.

Виделась с знакомой из Риги. Она получила известие, что ее сын умер в Соликамских лагерях от истощения... Он умер, а она седая, беспомощная в своем капоре ходит, плачет и зачем-то живет! Как страшно жить без цели и надежды в этом жутком водовороте. Я и многие еще из нас живем надеждой. Приближается второе Рождество. Я устала и нравственно и физически. Систематически не досыпаю. Мысли притупляются, круг их суживается, порой находит апатия, хочется только заснуть, уйти совсем. Испортились мои часы (старенькие, сестрины, она бросила их мне уже в вагон). Если не удастся их еще починить —

придется трудно — погубят прогулы (минутное опоздание на работу). За прогулы судят быстро и сурово. Война!

19 декабря.

В 6 час. утра еще темно. Скрипучий мороз. Тихо, только снег под ногами скрипит, как крахмал. Было ночное дежурство, топила печи, думала, писала письмо, грелась у огня, длинная ночь... Под утро сообразила, что сегодня твой день, родной Николинъка? Где же ты?! Откликнись! Когда же я и где найду тебя? Когда? Или никогда? Верю, верю твердо, что найду, дождусь, все вынесу, встречу. Хочу, чтобы ты сейчас это почувствовал и тоже верил. Господи! Пошли Нике силу и бодрость! Бывают дни, когда в душе и ясно и тепло... Но дней таких становится все меньше, и нету сил.

Вчера нас четверых в конторе судили самосудом на заседании Организационного Бюро за то, что мы взяли из магазина за деньги сверх нормы по 2 кг. скотского жиру (соя). Постановили: предать суду... но, в конце концов, приговор смягчили и ограничились строгим выговором с предупреждением. Все чаще становится нестерпимо тяжело...

20 декабря.

«Наши войска прорвали неприятельский фронт в среднем течении Дона, освободили населенные пункты. Взяты трофеи. Враг понес большие потери». Из газеты.

1943 г.

19 февраля.

Поселок Костырево, Новосибирской области. Нарымский край. Глухая ночь. Собственно говоря уже 1-го марта, т. к. теперь без 20 минут 2 часа ночи. До 9 ч. вечера работала в конторе, потом у себя дома. За окнами буран. Порывистый ветер засыпает окна сухим снегом. Все в доме спят, похрапывает и мой товарищ по Нарыму О.И., свернувшись маленьким калачиком. Такая она жалкая, маленькая, беспомощная, поседевшая. Мы точно загнанные в капкан зверьки. Несмотря на пимы, и ноги и нос у меня холодные. Сегодня часа 2 была у нас «молодая мать» К.Л.. Она решила найти себе цель в жизни — усыновила 3-летнюю девочку, проделав все формальности. В соседнем поселке была мать (из нашего этапа), имевшая, кажется, 10 или 9 детей. Конечно у нее нужда, а К.Л. здесь одна и, по сравнению с многими нами, — «помещица». Поэтому и решила позволить себе эту роскошь — приобрести в Нарыме готовую дочурку, которая скрасит ее одиночество, даст цель жизни (детей у них не было) и... оградит ее от мобилизационных работ в отъезд, т. к. матерей с детьми до 7-летнего возраста не брали. Мать, имевшая 9-10 детей, в Нарыме без мужа — охотно отдала девочку, так как видела, что ребенок попадет в хорошие руки и иные условия. Согласилась не посещать и не напоминать ребенку о себе. К.Л. преобразилась.

Помолодела, повеселела. Занялась ребенком. Нашила богатое для Нарыма приданое и «дочка» не сходила у нее с рук. «Молодая мать» могла часами рассказывать о «дочке», прожившей у нее еще только несколько дней. Мы назвали ее «нашей» нарымской общей дочкой. Я устала и хочу скорей лечь, но хочу и записать, а вдруг когда-нибудь придется прочесть эти строчки и, может быть, с кем-нибудь родными и близким вместе воскресить в памяти минувшее. Когда-нибудь! Когда? С кем-нибудь — с кем? Быть может никогда. А всё же пишу. Говорю не шутя: я прожила 40 лет! (Обычно я прибавляла себе годы) и страшнее всего теперь слово — итоги. Сорок лет! Много! Когда же это промелькнули эти сорок лет? С ними навсегда ушло всё лучшее в жизни. Ушли у меня: молодость, энергия, подъем, душевные порывы, пережитые радости, которые уже никогда не повторятся и останутся только в воспоминаниях! А что еще выпадет на мою долю?! «Жизнь моя! Иль ты приснилась мне? Будто я весенней гулкой ранью проскакал ва розовом коне». Сегодня отмечаю уже некоторые особенности «солидного» бальзаковского возраста: отяжелевшие ноги... это первый сигнал, моя бедная старушка! Теперь я понимаю тебя, мама, что ноги могут быть тяжелые, а до сих пор я брала твои слова так — на «веру». Понимаю, что значит опухоль ног. «Память — из рук вон плохая», — мама, случилось, говорила, забыв о приготовленном соусе за ужином. Тогда мне было это непонятно, а мама говорила: «доживешь до моих лет — поймешь». И вот я поняла и поняла многое другое, что важнее: «увяданья золотом охваченный, — я не буду больше молодым». Сегодня я осознала, что мне 40, а тебе, мамуленок, теперь уже так много! Моя ты седенькая, беззубая старушка! Кстати, я здесь теряю уже третий зуб. Лечить нечем — можно только ужасно «драть». Вот ослабели и глаза — особенно один — вижу всё, как через дымку. Печальные итоги! Время безмилостно отсчитывает дни, а тебя, Николенька, всё нет и нет весточки о тебе. Неужели всё еще томишься в тюрьме? Чем больше я загадываю и гадаю, — тем гадается всё хуже. И я умолкаю; решу, что это недостойно меня и опять невольно забываю. Ну, довольно! С завтрашнего дня опять будем много и допоздна работать и писать будет некогда. Совсем превращаемся в бездушных роботов. Покойной ночи, Николенька! Ты бы посмеялся, как я вырвала в Нарыме третий зуб. Случилась у нас ссыльная, как и мы, рижанка-дантистка. Она живет от нас километров за 40, и к нам пришла без своей козьей ножки. Я рассказала ей о своем визите к местному «дантисту». Она сама предложила мне посмотреть зуб и в два счета вынула его мастерски при помощи... взятых у меня небольших ножниц и своих ловких сильных пальцев. Я держала себя «геройски» и не позволила держать меня, как она предложила соседке, думая, что я пущу в ход руки!

4 марта.

Слова украинского стихотворения: «За скулы думы, сердце спить, чы я жыву, чыг доживаю, чы можэ так по свити волочусь... бо вжэ «э плачу, нэ сміюсь»... «Доля, дэ ты? Нэма никого»...

Нет бумаги, нет времени и писать нечего. А, может быть, и было бы что написать, если бы свободно села писать. Но я и так пишу всегда наспех, ночью, когда все спят и так как ложусь последняя, то Феня прозвала меня «копухой» (долго копается). Но Феня не сердится на меня. Она очень добрая и относится ко мне исключительно хорошо. Со мной и с О.И. она вполне откровенна и говорит, что думает. Меня так и подмывает, чтобы записать ее — Фенину рифму: «с..ть велят по килограмму, а хлеба дают по 200 грамм... окуль возьмешь килограмм?». «Не сердись, Елена, да уж очень распирает сказать тебе»...

5 марта.

Нет керосина, ни свечей, часто изба в подвале, где есть каминок, освещается, добытым откуда-то медвежьим салом, Нарымская экзотика. До 1941 года было лучше, но немногим.

8 марта.

Сегодня международный день женщины — совпал с первым днем Великого Поста. «Господи и Владыко живота моего! Дух праздности, уныния, любоначалия и празднословия не даждь ми... Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви даруй ми...» Вспомнила церковную службу... и здешнюю наглухо закрытую, обезглавленную церковь, без креста.

Как-то однажды Феня показала мне проходившего рыжего мужчину, со свернутой налево головой. Нос почти касался левого плеча. Сказала, что это тот, что снимал крест с церкви, а потом играл на гармошке, сидя на куполе. По ее словам, вскоре после этого, его «ударил паралич».

Сегодня женщины, особенно молодежь, веселятся после работы. Женщин освободили двумя часами раньше. У меня работы очень много, и я работала и вечером, т.е. пришла после 1 часа ночи. Эта сумасшедшая работа хранит меня от дополнительной работы «Кати» — но сколько времени я выдержу такую жизнь? Когда конец войне? Красная армия продолжает успешно продвигаться вперед. А ведь это ведет к развязке. Хочется верить, что весной или летом немцев отбросят. Тогда станет реальной возможность увидеть мамулень-ку и сестру. Я так переутомлена, что засыпаю в 5 минут.

14 марта.

Здравствуй, моя седенькая старушка! Я помню сегодня о тебе и мысленно весь день с тобой. Жива ли ты? И что с тобой? Наверно, сегодня вспоминала обо мне... Нет меня и нет подарков от меня. А я живу еще пока. Постарела, сморщилась, пошел 41-ый год, появилась седина, пропала память, отяжелели ноги, ослабело зрение...

Слушала по радио о немецких зверствах в Курске — волосы дыбом, ужас. Тоже читала в польской газете, которая доходит до нас редко и с большим опозданием. Сегодня читала рождественский номер. У нас, кажется, начинается паспортизация. Амнистия предвидела трехмесячный срок обмена наших удостоверений на паспорта. И только теперь местные власти потребовали списки всего нового контингента опять (в который раз), всё считают, переписывают. Читать некогда, но в доме появилась книга: «Обрыв» Гончарова. Как-то вечером, при последнем керосине О.И. вслух почитала немного. Как я соскучилась по книге! Я забыла, слушая, обо всем: о войне, Нарыме, о всех бедах. Что стоит теперешняя наша жизнь? Да и можно ли ее назвать жизнью? Кончаю.

17 марта.

Первый час ночи. Пришла с работы. Принесла немного раздобытого керосина. В свободную минуту (суббота) и ежедневно в вечерний перерыв (от 6.30 — 8.30) будем хоть по несколько минут читать после обеда на десерт «Войну и мир». Такое наслаждение послушать полчаса. Я лежу, а О.И. читает. За пару шелковых чулок я достала «Бесы» Достоевского, и, как гордый собственник, говорю — «моя»; жаль, что много страниц выкурил муж Фени.

А вот стишок из яслей: «Я связала варежки бабушке Варварушке. Думала, подумала и дарить раздумала... Отошлю на фронт бойцу — вдруг достанутся отцу... Ну, а если не отцу, так другому храбрецу. Будет рад и он, и я и Варварушка моя». Этот стишок прекрасно декламирует моя тетка — четырехлетняя девочка. Вместо если, она говорит «еслиб».

Вчера по приказу Верховного Командования эвакуировали Харьков. Я уже писала, что в Костареве живет одна польская семья. Дневником дочери заинтересовался приезжавший наш делегат из посольства. Она уже вытребована и работает в посольстве в Куйбышеве. Теперь мать уже получила деньги и ждет документы и визы на выезд, очевидно, к дочери, в Куйбышев. Стоят морозы, вьюги, бураны, но ведь по-нашему март и дело должно идти к весне. В спешке время идет быстро. Я уже обзавелась деревянным чемоданом и сундуком, т. к. мои старые от всех перетасовок и путешествий пришли в негодность.

В Парабели в артели металлистов работал заведующим хлебопекарней латвийский адмирал — Спады. Высокий, плечистый, борода лопатой, как у Киржака. Как-то был он у нас, в конторе. Жаловался, что память у него совсем пропала. Видно не старость причина, а перемена профессии. Недавно его осудили на два года... за выпуск недоброкачественного хлеба: сырой; и за то, что не следит за чистотой, в хлебе нашли не то мыш, не то кузнечика. Осудили и угнали в Колпашево. Оттуда навряд ли вернется — режим очень тяжелый. А многие говорят, из тюрьмы выпускают. Очевидно, какая-то амнистия для уголовных. Одна из женщин поджидает мужа. Был осужден за вредительство на 10 лет. Но осужден, по рассказам, невинно.

Рассказывают, что в годы, когда преследовались и судились троцкисты — сюда в Нарым, в окрестности нашего Тарска и Путина (куда я чуть-чуть не попала) привозили тысячи людей, и они в Путине гибли от лихорадки и гнуса (мошка). Люди, спасаясь от гнуса, сидели в воде по бороду и умирали от лихорадки... Давно хочется написать хоть несколько слов о гужевом транспорте... Я ежедневно из окна нашего Рыбкоопа вижу 6-8 женщин (польки, румынки, бессарабки, реже латышки), впрягшихся в сани, нагруженные кирпичом или тесом. Возят они этот кирпич с Кировского завода в Парабель — 4 км. И так каждый день. Нормальная работа. Сегодня я могла бы еще много писать, но уже второй час, а завтра надо считать, подсчитывать колонны цифр о рыбкоопских приходах-расходах. В нашем Рыбкоопе есть «закрытый» магазин, где есть и икра, и балыки, и сахар, и чай, и шоколадные конфеты «Сказка». Там «отовариваются», т.е. получают продукты, только избранные. Однажды я, к концу месяца, снимала «остатки», т.е. все перевешивала. Я была в числе и в качестве комиссии. Вместо 400 гр. сахару (ежемесячный паек) я взяла 400 гр. конфет «Сказка», давно забыли вкус шоколадных конфет. По приходе домой пили чай с моей старухой (О.И.) со «Сказкой». Всю зиму в Рыбкоопе нам в связи с ненормальной ночной работой давали настоящий крепкий чай с печеньем.

19 марта.

Меня вызвали с работы и велели отправиться срочно домой за документами (удостоверение и амнистия) и вернуться в Парабель за паспортом. Стол для получения паспорта. Придя в паспортный стол (он же отделение милиции и НКВД) увидела, что всё двухэтажное здание кишмя кишит — везде очереди и всё наши люди (поляки). Все были утром срочно оповещены о немедленной явке. Явились и работающие, и стар и мал, и труженик и иждивенец. Каждый получил для заполнения большую, со многими параграфами анкету. Кто, что, где, когда, как... дедушки, бабушки, прабабушки, кто из знакомых и родных живет за границей и т. д. После не легкого дела выполнения анкеты — в конце ее выяснилось, что я получаю (как и все остальные) не польский... а советский паспорт!.. Я обомлела. Посольство есть, функционирует, недавно были телеграммы оттуда, есть наша уполномоченная. Никаких известий или указаний на этот случай не было. Как же посольство будет опекать, если мы стали советскими подданными? Что будет с нами?! Дойдя до последнего пункта, где надо было расписаться в получении советского подданства, — я категорически отказалась. Ведь я польская подданная и, принимая сов. подданство, теряю свое польское подданство. А ведь у меня на руках документ о том, что я амнистированная польская гражданка и удостоверение подлежит в течение трех месяцев обмену на польский паспорт. В ответ на мои возражения мне стали объяснять, что я, принимая участие в голосовании в Верховный Совет, сама голосовала за присоединение Западной

Белоруссии и т. д. Я возражала: Ведь этот документ об амнистии и польском подданстве я получила здесь, у вас, в этом же здании, из ваших рук; ведь наше посольство есть, и я не могу отказаться от своего подданства. Меня повели в другую комнату. Там было другое начальство. Началось повторение в присутствии двух начальников. Затем пошли еще в одну комнату и еще в другую, уже этажом выше. И везде всё одно и то же. Я своё — начальство своё. Я еще раз вспомнила всё пережитое в этом доме, в этих комнатах, при защелкнутых механическими замками дверях и Нику, его тюрьму и была тверда: я от своего подданства не откажусь.

И так эта торжественная церемония «вручения подданства» продолжалась от 10 часов утра до сумерек. Меня водили без конца из одной комнаты в другую. Наконец к начальнику Куни-ну. Тут разговор закончился: «Я вынужден вас арестовать!» Я почти обрадовалась — напряжение нервов начинало превышать мои силы, и я была рада, что, наконец, отдохну. День кончился, кончились мучения. Кунин позвонил, и пришла стража. Меня вывели. В коридоре еще стояли наши люди, с паспортами в руках. Меня отвели в одиночку, во дворе этого дома. Когда, наконец, защелкнулся замок, и с грохотом закрыли двери на железную штангу, — я свободно вздохнула — можно хоть немного придти в себя и сосредоточиться. Я ни минуты не сомневалась, что поступила правильно. Это ни что иное, как акт насилия над нами и горе тем, кто паспорт возьмет. Я — на правильном пути. Мне больше, чем кому бы то ни было, нельзя отказываться от своего польского подданства. Ведь я не смогу спасти Нику. Я поступила правильно, и я облегченно вздохнула.

Одиночка была малая, темная, вверху была щель в окне, в дверях глазок для наблюдателя. Параши не было и пришлось постучать, но мне сказали, что уже выводили... В конце концов дверь открылась и стражник вкатил ногой вонючий бочонок. Я так же ногой остановила его... «А ты привыкай, привыкай, руками — нечего»... Было холодно, и я всё время шагала туда и назад. Ночью меня опять вызвали и водили в сопровождении стража и волка к начальству — не одумалась ли я. Но я была тверда. На следующий день опять водили, опять то же. Я сказала, что хочу видеться с нашей доверенной. Через несколько часов ее привели. Свидание произошло в кабинете Кунина. Разрешил говорить по-польски. Я спросила ее, правда ли это, что она ночью, с 19 на 20-е получила паспорт? Правда. А какой — польский или советский? — «Советский», был ответ. — А имели ли вы по этому поводу какие-нибудь инструкции из нашего посольства? — спросила я. — «Нет, не получила». Я поблагодарила — больше говорить было не о чем. Я утвердилась в своей правоте. Меня увели.

К принесенной в миске бурде и куску хлеба я не притронулась: была сыта своим духом и размышляла, то стоя, то шагая. Днем падало сверху немного света и, приглядевшись к стенам, я увидела, что все они исписаны различными записями быв. заключенных. Нашла какой-то гвоздик и тоже написала дату и за что вызывали и как начальник сказал:

«мне жаль вас, но я вынужден отправить вас в Колпашево». Я была непоколебима и попросила вызвать О.И., чтобы она дала мне что может из белья. Я решила, что лучше попасть и кончить жизнь в Колпашевской тюрьме, чем очутиться на 20 лет во власти этих «людей».

Прошла еще ночь. Днем пришла опять доверенная с О.И. Меня вывели, и обе они заплаканные сказали, что не уйдут без меня, что абсолютно все в Костареве уже получили паспорта.

Оказалось, что все приняли, кроме меня одной. Отказ 800 человек — это какой-то акт, имеющий значение. Протест одной — кончится очень скоро в Колпашевской тюрьме и не будет иметь значения. Когда 19-го к концу дня я объяснила свое упорство тем, что хочу вернуться туда, откуда приехала, мне ответили: «Такие как вы не возвращаются. Вы бунтовщица!» «Нет! Я действую только от себя и только за себя...» И вот теперь что же мне делать? Надо было принять решение. Колпашево — это последний путь, протест без результата и конец всему. Я уже слышала, что тот представитель из посольства, который мне давал совет лавировать и удирать на лыжах, если умею ездить, — уже умер в Колпашеве. Оттуда мало кто выходит. И я решила, что этот выход ничего не даст...

Пошла наверх, оставив в приемной ожидавших меня товарок по несчастью. Нервы не выдержали, и я при первом слове расплакалась. Мне предложили холодной воды... и торжественный акт принятия советского подданства состоялся: я отдала дрожащими руками свою амнистию и подписала согласие в получении советского паспорта... Через полчаса я имела паспорт, при чем национальность была указана белорусская... Возвращались втроем молча. Каждая думала о своем. Был вечер субботы. В воскресенье, я «отдыхала», а в понедельник пошла в Рыбкооп, вперед зная, что уже там работать не буду. «Передайте стол», коротко бросил заведующий. Получив справку о работе в Рыбкоопе, где указывалось, что работала в качестве счетовода по такое-то и уволена на основании кодекса закона о труде, ст. такая-то, параграф такой-то — пошла домой. Необходимо было придти хоть немного в себя, помыться, зачинить белье, залататься. А там подумаем о работе, т.к. безработной жить нельзя, если бы даже было на что жить...

26 марта.

Сегодня видела во сне покойного отца, очень плохо одетую сестру и Нику. Брови и волосы у Ники были светлые, давно не бритый. Потом ушел и скоро вернулся в обычном виде: лицо видела ясно, близко и проснувшись не открывала глаза, желая продолжить сон, но в избе, в 4-х шагах от меня, отделенная ширмой, стояла уже неделю Фенина корова с маленьким теленком, появившимся на свет 3 дня тому назад, тут же в избе. «Буренушка» замычала и сон отошел, действительность напомнила о себе. Буренку Феня взяла в избу из-за сильных морозов, боясь заморозить теленка. Изба теперь и аша представляет Ноев Ковчег. В Нарыме случается и не такое...

27 марта.

Склад делегатуры нашей, где были нерозданные запасы, присланные из Американского Красного Креста, продуктов и одежды, — опечатали. Жаль, что люди не успели воспользоваться, шерстяные чулки и белье лежат, а люди мерзнут.

16 апреля.

Я не отдыхаю, т.к. работаю дома: всё грязное стираю, пользуясь снежной водой, переделываю «туалеты». Опять вернулись скворцы и на сей раз поселились в нашей скворешне. И опять весна и опять свершилось какое-то чудо, и сама не знаю я как и откуда и цветы, и мечты... и любовь. Завтра вербная суббота и душа хочет затеплиться весенней, пасхальной радостью...

Дети из польских детских домов в Томске возвращаются к родителям. Прошли 500 км пешком. С началом навигации все уедут, имея визу в Куйбышев. Позавчера ходили хоронить нашего слесаря. Лопнул нарыв в ухе. Осталась жена 60 лет и дочь. Копая могилу, наткнулись на гроб (не было видно, что копали могилу). Земля мерзлая, а потому решили гроб вынуть; углубили могилу и поставили гробы один на другой. Кто-то сострил по-польски: «хорошо, что поляк наверху»...

Сегодня О.И. пошла в кино, а я осталась дома с Достоевским. Люблю Достоевского. На фронтах без перемен.

24 апреля.

Великая Суббота. Выпал снег. Льды прошли и ожидается первый пароход. У меня нашлись акварельные краски и покрасили яиц. Вызывались молодые одиночки для посылки в Нарым на шпалзавод.

26 апреля.

Польскому послу в СССР Ромеру — Молотовым вручена нота о прекращении дипломатических отношений с СССР.

9 мая.

Я, наконец, устроилась на работу чернорабочей в подсобное хозяйство в больнице. Все мои попытки найти работу где-нибудь в конторах, редакции и в других учреждениях по счетной части — оказались безуспешны. Сразу охотно было принимали, но, прочитав мою «справочку», просили зайти через 2-3 недели... Наконец, я догадалась в чем дело. «Справочка» оказалась желтым или черным паспортом. А при физической работе справки с прежней работы не требовалось. Привилегия рабочего класса! «Получай 15 в день и жуй...» (Маяковский). И я воспользовалась этой привилегией: приду с работы и свободна! А в Рыбкоопе работой по 15-17 часов в сутки я уже сильно ослабила свое зрение, память притупилась, спина согнулась. Довольно, надо переменить профессию! Добросовестно я смогу и тут работать. Когда

пришла в больницу, главный врач предложил мне работу сиделки-санитарки. Надо делать всё, не исключая ношения трупов в мертвецкую. А я, ожидая врача, заглянула нечаянно в оконце избышки во дворе больницы — это была мертвецкая: там на столе были нагромождены мертвецы, и я попросилась в подсобное хозяйство. — «Вам будет тяжело». — «Справлюсь — я сильная». Согласился. «Хозяйственник», одноглазый, довольно добродушный дядя, осмотрел меня и сказал: «Тебя как звать?» — «Елена». — «Так вот, Елена! Ты подбери себе бригаду из ваших поляков, рулить умеешь?» Я сообразила и сразу говорю — нет, рулить (управлять лодкой) я не умею. «Будете возить дрова для больницы... 10-титонной лодкой. Туда на веслах с течением...»

Нашла я только двух: захудалую слабую женщину и 19-летнего бессараба,— ну и я. В первый день работы было холодно, ветрено, то дождь, то град, то снег, то солнце. Поехали мы за 5-6 км в лес за дровами. Парень рулил, а мы гребли. В лес надо было с реки Парабель свернуть в широкий лесной ручей. Нагрузили 5 кубометров и отправились назад уже по течению, но ветер был встречный, и 4 раза садились на мель. Напрягаем все силы, а лодки сдвинуть не можем. К вечеру приехали и в нескольких метрах от берега опять сели на мель и основательно. Пришлось транспорт оставить на ночь, т.к. все разошлись. Бессараб по колено в воде вышел на берег и приехал за нами душегубкой. На утро меньшей лодкой перевезли дрова; по крутому берегу на руках перетаскали их наверх, на кухню (больница стояла на крутом берегу реки), в контору, прачешную, амбулаторию и т.д. Потом пилили, рубили, потом копали огород и сеяли морковь. В Парабели оживление: пришли первые пароходы, тоже садятся на мель. Приехали фронтовики, уезжают новобранцы. Уезжает и наш хозяин, Феня собирает его.

12 мая.

Я побежденная, покоренная, но рада, что избавилась от Рыбкооповской атмосферы. Сегодня слышала остяцкую шутку: кака кулянка (гулянка), рас не было траки (драки). Не знаю, долго ли так смогу жить.

13 мая.

У меня без перемен, а ведь в действительности их так много. Хочу еще вернуться к паспортизации. У нас она была проведена молниеносно быстро, в «три мига», с 19-го по 21-е марта, и я считала, что над нами в Костареве и Парабели совершенно очередное насилие: при аресте в Польше у нас отобрали абсолютно все документы; по прибытии на место ссылки все получили документ, начинавшийся словами: ссыльный или ссыльная такой-то, такая-то, сроком на 20 лет. Затем отобрав этот документ, вручили амнистию, и мы опять стали польскими гражданами, с указанием места рождения. 19 марта 1943 г. у нас опять отобрали амнистию и вручили советское подданство. А месяцем позже, 26.IV.43 г.

я прочла о разрыве дипломатических отношений с Польшей. Нас считали, переписывали, давали моральную и материальную поддержку, а что же теперь? Мы «добровольно» и единогласно «безропотно» приняли чужое подданство. И мой протест — ничтожная капля — пропал без пользы. 19.III. я никак не предполагала, что произошел акт такой губительный для нас. Теперь, видимо, 20 лет — «актуальны». «Заест тебя мошка, через 10 лет выйдешь за остяка...» Еще вернусь к паспортизации. В отдельных поселках, где были наши люди, она проводилась месяцем позже, т. е. в апреле. Когда «паспортный стол» развернул работу в поселке Новикове, расположенном от нашего Костарева за 100 с лишним километров, где между прочим, жил мой б. коллега-учитель, он тоже отказался принять советское подданство и его с женой и дочерью арестовали и этапным порядком в мороз — пешком прогнали больше чем 100 км к нам, в Парабель, в ту же предварительную тюрьму. В тюрьме, случайно получив газету, он из нее узнал о прекращении дипломатических отношений и понял, что сопротивление бесполезно. После этого, вместе с другими они все «торжественно» получили подданство. При встрече, выйдя из «холодной», он рассказывал мне, что они так страшно переутомились, идя этапом по тяжелой заснеженной дороге (он болен астмой), что войдя во двор тюрьмы, он сказал: «дома»... Мой поступок поднял меня в глазах наших людей на целую сажень, а в Костарева жена нашего сапожника — полька, видевшая как меня под конвоем отводили к вечеру «на отдых», со слезами сказала: «поляки ей этого не забудут», но сама стояла еще в очереди и, получив паспорт пошла домой. А мой поступок не был геройством: это был естественный протест, крик души, инстинктивная самозащита.

Только я и несколько человек знали, сколько нравственных пыток вынесла я за эти почти два года в стенах этого жуткого дома, и потому для меня этот поступок был естественной потребностью. А результаты поступка уже начали сказываться: увольнение с места работы, как бунтовщицы, и «документик-справочка», по которому, как зачумленную на работу никто принять не хотел или права не имел — параграфы, статьи и пункты, перечисленные в справке — для меня являются нерасшифрованной тайной, но советские чиновники — осведомлены. И, прочитав справку, сразу меняют тон. Хорошо, что от физических тружеников не требуется «справочек». От всех переживаний в голове сумбур. Трудно думать. Остается сказать: поживем — увидим! Всё зависит от хода войны, а она принимает грозные размеры.

Все дни дождь, холод, буран. Обь бушует. Много жертв. Сегодня анатомировали в больнице утопленницу. Она на лодке провожала брата на фронт. Лодка опрокинулась и спасти упавшую не удалось. Ей 25 лет. Я видела ее в мертвецкой. Лицо страшное. Санитары и санитарки обходятся с мертвецами, как мы с дровами в лодке. Неосторожное движение и тело падает с глухим стуком со стола на пол. Хорошо, что я работаю по хозяйственной части, несмотря на то, что водяные пузыри от первой поездки за дровами еще не сошли.

17 мая.

Всё то же. Холод, дожди. Работа идет плохо: часто, промокнув до нитки, идем домой. Вода в Оби прибывает, разлилась очень широко. Обласки часто опрокидываются. Вчера, в воскресенье работали за рекой (там огороды больницы) и когда возвращались, волны бросали нашей лодкой (не обласком). На днях, в мартовских газетах прочла о смерти Рахманинова. Умер в Америке. Пишут, что в последнее время часто отдавал доходы с своих концертов на оборону своей первой родины. Родина — глубокое слово. Она может дать много и может взять много... Вчера К.Л. должна была вернуть неразумной матери свою приемную дочь. Дело в том, что мать узнала, что при наличии 9-10 человек детей мать в Советском Союзе получает единовременную денежную награду, и потому потребовала ребенка назад. А К.Л. так уже привыкла к ребенку и девочка тоже.

Теперь в Парабели движение — много приезжает народа. Цены поднялись. Ведро картофеля — 100 рублей. Пароходы увозят всё новых и новых призывников. Тунис освобожден от немцев.

19 мая.

Ездим ежедневно на работу три новые товарки по лопате: Феша, Поля и рижанка Валя. Наш «благородный» огородник — одноглазый молодой еврей из Волковыска — Арнольд (торговавший в лавочке) стал вдруг знаменитым агрономом и теперь командует нами, заложив руки за спину. Я не выдержала и сказала ему пару слов правды. Дружба врозь. Прочла в газете от б.V.43 (у нас это еще очень «свежие» новости) выступление Вышинского о польско-советских отношениях и о причинах разрыва. Образовавшаяся после амнистии армия Андерса бережет себя, не торопясь на фронт.

23 мая.

Всё еще сеем огороды: свекла, репа, огурцы, садим, поливаем, с 8 утра до 8 вечера, час на обед. Обещали варить за рекой обед: похлебка из картофеля и кислой капусты (15 грамм капусты и 500 грамм картофеля). Предложил завхоз соленую конину, но мы отказались. Сегодня я работала одна, сеяла, потом принесла 69 ведер воды.

26 мая.

Сажали картофель. Я весь день копала, а привилегированные работницы бросали картофель в лунки. По радио на фронте ничего существенного. В Вашингтоне происходит конференция союзных держав; в текущем году врагу будет нанесен мощный удар.

3 июня.

Ожидаются холода. Продолжаем сажать картофель и капусту. Вчера я неводником (лодка) ездила за Обь. Надо было перевезти корову. Завхоз

командует: «Елена, давай, сведи корову к лодке». А я побаиваюсь коровы — большие рога, злая. Кое-как привела. Очевидно, корове я показалась заслуживающей доверия. Поместили «пассажира» в лодку. Мужчина рулит, а мы двое гребем. Пока пересекли Обь, нас около километра несло. Были моменты более чем неприятные, когда моментально застывало все в теле. На самом глубоком месте беспокойный «пассажир» начинает биться, ступать на край, лодка наклоняется и достаточно мгновения, — мы в воде. Мелькают обрывки последних мыслей. Но буренушка утихомирилась и — все живы. Так было несколько раз. Все вспотели. Вернулись, напилили дров за несколько минут до грозы. Жутко на Оби в ветреную погоду.

6 июня.

(Воскресенье). Взяла выходной, чтобы посадить свой картофель за рекой, на отведенных мне 70-ти метрах. Купленные семена принесла к пристани, лодки не оказалось, а тут подошла гроза. Промотались весь день, устали, а дела не сделали... О.И. (моя старуха, иждивенка) устроилась неожиданно на работу счетоводом-кассиром в Райлесхозе. Вторая неделя адских холодов. В шерстяных чулках, американской зеленой шинели и 2-х платках холодно. Мерзнут ноги. Грозы, град, дожди с холодным ветром. Сажали, пололи гряды. На воздухе аппетит волчий — 600 гр. хлеба в один присест. Организм истощен, жиров нет. Чеснок и зеленый лук плюс колба (листья похожие на ландыши, в большом употреблении).

7 июня.

Есть слухи, что нас около 20-го будут куда-то переселять. Будет образована польская колония. Теперь вывозят латышей и бессарабов в Колпашево, Тарск и Инкино. А нас куда? Хорошо ясновидящим.

10 июня.

Да здравствует дождь! Работы нет за рекой. Дома. Вымылась, убралась, залаталась, смазала обувь дегтем. Сварила суп и в ожидании трудовой интеллигентки О.И. сажусь почитать Тургенева. Это минуты короткого отдыха, когда невольно забываешь о всех мытарствах и о том, что ты подневольный раб, а не свободный человек. Через 9 дней исполнится два года жизни в «другом районе», как объявили мне при аресте ночью 19.V.41 г.: «Сможете писать письма и посылать посылки, работать будете по специальности». Никто из нас не знал, что ни одному слову верить нельзя. А бедный Ника, еще дома, читая в советских газетах объявления о том, что нужны инженеры-землемеры, счетоводы и т. п. для работы на дальнем севере, в Колыме — был готов отправиться туда вместе со мной добровольно, по собственному желанию. Перерыв. Вынуждена заказать себе здешнюю обувь — чирки, что-то вроде опорок. Они из мягкой кожи, не пропускают воду, смазываются дегтем, закрывают ноги до щиколотки. Удобны во время сенокосов. По радио:

бои местного значения. Подписка на второй заем. Подписала 1%-месячный заработок — 225 руб. Наличными внесла 100 рублей.

13 июня.

Выходной (Троица). Вчера устала до крайнего предела. Высадила и полила 1.200 штук капусты. После работы всё же сажала свой картофель, едва ворочая лопатой невспаханный дерн. Уже около недели боль в спине мешает ходить. Вечером едва приползла домой. Сегодня ради выходного были на базаре, купили ведро картофеля, молока и даже - первый раз за всё время — несколько яиц. Испекла свой хлеб.

15 июня.

Первый день мошки. Ноги в волдырях; всё тело, где накусано, горит и чешется. Дождь — укрыться негде. Посадила, наконец, свои три ведра картофеля, оставаясь после работы, как и в прошлом году. Мучилась, пыхла, потела, садила и гадала: чет — нечет — буду ли собирать? Сегодня была военная комиссия для бывших польских граждан от 18 до 50 лет. Уедут, видимо, на днях. По радио прекрасная скрипка — она умеет плакать. Хочется почитать, но безжалостный рассудок не позволяет, велит стирать, латать, копошиться, точно навозный жук. Лягу, — всё болит от усталости. Хочу забыться и заснуть.

17 июня.

Приехали ленинградские артисты. О.И. пошла, а я свой билет отдала Гале — усталость взяла верх.

20 июня.

Вчера ездила за Обь и вернулась с полпути — было слишком рискованно. Одноглазый Арнольд всё больше допекает. Я не хотела разбрасывать навоз руками т. к. для этого есть вилы, а он меня заставил. Мразь — не человек... Утром была на базаре; продавала свои пожитки и покупала «жратву» всякую, между прочим, пучок зеленого лука, но самое главное, в первый раз за 2 года (только два года) купила букетик цветов, вроде ландышей, розового цвета.

26 июня.

Сегодня я была за Обью на лесозаготовке — все босые и в коротком, без брюк. Пилой спускали осины и березы, обрубали сучья, затем пилили на 50 см. куски, ставя в кубометры.

После большого перерыва сегодня видела во сне тебя, Ника. Ты в присутствии одноглазого взял меня на руки и понес куда-то от Арнольда. Я пыталась остановить тебя, но ты пошутил: «Вам не удобно? А мне очень удобно». Лицо было довольное, улыбающееся. Я проснулась в каком-то радостном подъеме. Вечером зашел сослуживец О.И. из Лесхоза, вернее ее начальник — Василий Васильевич. Было отрадно

видеть культурного человека. Сразу произвел хорошее впечатление, хотя не слишком разговорчив. Одет по-нарымски — скромно. Просидели долго, т.к. задержала сильная гроза. При свете молний различали лица, за окном лило. Здесь изумительно красивы закаты и прекрасны утра. В субботу была в тайге. Какая красота! Лес лиственный, масса цветущего, ароматного шиповника. На лугах высочайшая трава, с множеством цветов.

28 июня.

Лесозаготовка отложена. Окучиваем картофель. Сегодня с 14-летним мальчиком пилила на берегу реки, у больницы, в грязи по колено, 4 кубометра дров.

1 июля.

Окучивали, вернее пололи невероятно заросший картофель. Я положенную норму 0,05 га на 1 день выполняю в два дня. Из 8 человек нормы никто не выполнил. Уже нестерпимо жарко. На днях призывали девушек от 18 до 24 лет. Годной оказалась и дочка нашей Фени — Галя — строевая. Феня очень озабочена. Даже печь не топила. Теперь тут белые ночи: всю ночь светло. Но жизнь не такова, чтобы видеть и наблюдать красоты. На днях призванные девушки уедут. Фронт. Люди убивают друг друга, а по радио прекрасная музыка Шопена. Успела уже вымыться. Я бронзового цвета. Никакие пляжи не дадут такого загара. И крем не нужен. Сгорает кожа на солнце и сходит, вырастает из-под нее новая, точно на уже. Но в зеркало смотреть избегаю. Уж больно «хороша».

3 июля.

Я мобилизована исполкомом на сезон сеноуборки от больницы вместе с двумя 19-ти летними девушками (мы все одинокие) в Городищенский сельсовет. До Нарыма пароходом, дальше лодкой. Нарымское словцо «гну́с» — значит мошка. Была на пристани. Расписания нет. Надо приходить с вещами и ждать. Говорят в течение 2-х суток «должен» быть...

4 июля.

Сегодня выходной день и всех формальностей, — прописка, расчет, увольнительное удостоверение — получить нельзя. Собираюсь. Новые чирки смазала дёгтем, напекла хлеба (всё за велосипед). Купила за 400 руб. килограмм масла, деревянный чемодан, штаны (теннисные, мужа О.И.), сетку, скипидар от гнуса, а учиться владеть косой... буду на месте! Не стать привыкать. Лесозаготовка шла сверх ожидания хорошо. А моей мобилизацией, как я узнала, я обязана «одноглазому». Но, может быть, сон будет в руку: Ника, видно, на расстоянии чувствовал, что он издевается надо мной и вынес меня на руках от него.

6 июля.

Я еще дома. Всё нет парохода, срок продлен до 8-го.

7 июля.

Приехали три парабельских грации. Было странно после 2-х лет покупать билет в кассе. Куда? — В Нарым... Здорово! Нехорошо, но здорово. Приехав, одну из нас оставили с вещами, а мы две пошли разыскивать. Зашли в поселок, да не тот. Комары съели нас дотла! Духота. В шинели, с котомкой на спине. Наконец отыскали. Остановились у председателя колхоза. Завтра идем на покос. Глухой поселок. Радио нет. Сенокос продлится 2-2,5 месяца. Есть плюсы. Поселок рыбный. Жена председателя колхоза — рыбачит.

8 июля.

Первый день работы. Ставили «силос». Звучит по-гречески, а означает зимний корм для скота. Косили траву и складывали ее в свежевыкопанную яму, утрамбовывали, и яму закрывали дерном и землей. Жара, слепни, комары и гнус — все нарымские удовольствия, не хватает лихорадки. В течение дня 3-4 раза дождь. Вернулись, а в комнату через выбитое стекло налетело за день столько комаров, что сна не предвидится.

11 июля.

Всё дожди, духота, мокнем до нитки. Косим, когда можно. Нам здесь дают по литру молока и ^ кг. творогу. У хозяйки покупаю свежую щуку. Время тянется ужасно тоскливо. Ночью от комаров надеваю сетку, а ночью еще едят клопы. Я почти не сплю, всё жгу свечу, собираю их с себя: разбегаются они, а через минуту опять нападают. Сплю на полу, на чистом собственном тюфяке с сеном, подушка тоже из сена; но клопы — это неизведанная пытка. А лезут они на меня из-за перегородки, где спят хозяйева с дочкой, и они храпят!..

12 июля.

Моих шумливых товаров отправили косить за Обь. Меня, как пока не косящую, оставили здесь. Сегодня день Петра и Павла. Молите Бога за нас.

13 июля.

Весь день косила. Начали поздно. Колхозницы получают 400 гр. хлеба, а мы мобилизованные по 600 гр. плюс молоко и творог, и потому я сдала экзамен. Я в покосе всегда шла последняя и пока дойду покос до конца, — меня все, отдыхая, ожидают. Вернувшись варила уху рыбную. На ночь уложили в нашей комнате еще какого-то молодого человека из комиссии по призыву лошадей. Нарым — не Европа — здесь всё можно.

15 июля.

Идут дни. Особенно тоскливо в дождь, когда мокнем и не работаем. Встаю с восходом солнца. Нет уже часов, их бессовестным образом украл «инженер» Воробьев. Он такой же инженер, как я королева. Вошел в доверие, сказавшись сродни полякам (по бабушке). Соврал, что умеет чинить часы, и я, обрадовавшись доброму человеку, дала для починки часы плюс У^А килограмма южного табаку. Через несколько дней узнала, что мой воробей улетел с моими часами. А мне без них так плохо. Сегодня утром смотрю, а рядом со мной спят большие парни — сопят как паровозы. Председатель почти всегда кого-нибудь должен принять на ночь. За это время я уже привыкла ко всему. Неделя без радио, очевидно идут сильные бои. Несмотря на тяжелую работу (я ночью не могу спать от клопов и переутомления) и обстановку — мне здесь среди лугов лучше, чем в Парабели. Ходим косить далеко и идем лугами, которым нет конца. В солнечные дни луга представляют сказочную красоту. Разнообразие невиданных мною цветов. Трава по пояс. Вспомнила родные места. Там, наверное, солнце еще не взошло. Живы ли они там? Что ждет нас всех? За стеной злая мачеха ругает свою 15-летнюю падчерицу. Противная баба — льстивая, жадная и хитрая — мегера. Вечером пришла почта, писем нет. В «Сталинском Знамени» прочла короткую заметку о гибели Сикорского и других членов генерального штаба в Гибралтаре. Самолет упал, и все погибли. Катастрофа была 5.VII, а сообщение 15.VII. Мне стало жутко от этого неожиданного и печального известия. Сикорский — наш оплот и надежда — погиб и чувствую, что эта катастрофа — не несчастный случай. Кому же он стоял на пути?

17 июля.

Нарым, говорят, в 1.000 км. от Томска. Сегодня вдвоем на обласке мыплыли по реке Луке (приток Оби) до небольшого мыса, где ломали тальник. Я, как шимпанзе, в штанах и чирках, лазила по деревьям тальника, кривым как вербы, сломанные ветки связывались лыком в венки и развешивались для сушки. Это зимний корм для скота. Меня сопровождал 11-летний мальчик-сирота, помогал мне, наклонял ветки, драл лыко и звал меня... бабушка! Это в первый раз меня называли бабушкой — «на, возьми, бабушка, я тебе лык надрал». По приезде, два года тому назад, мне говорили: «давай, девка, возьми» и т. д. Через год я приосанилась и стала тёткой, а сегодня уже бабушка, несмотря на мои голубоватые штаны. Два года Сибири свое сделали.

18 июля.

Пришла с работы раньше — заболела. Часа в 2 пошел дождь. Мы бросили косы, сели на корточки, положив на голову и плечи охапки скошенной травы, которая несколько охраняет от дождя. Через 10-15 минут стали косить, я почувствовала в спине, между лопатками неловкость — думала оттого, что держала траву на голове руками. После обеда прошла два покоса и вдруг коса выпала из рук. Ой! всю

спину прокололо и двигать руками не могу. Пошла домой... Это тебя, мать, прострел взял — определила мою хворобу рыбачка. Надо деда Орефия позвать — поставит банки. Это единственный доктор-банщик, но дед Орефий ушел на заседание сельского исполкома. Хотела на всякий пожарный случай черкнуть два слова О.И., но уже не могу: мне всё хуже. Высокая температура и не могу раздеться. Лягу — как была. Промучилась всю ночь. Утром позвали дедушку Орефия.

19 июля.

Стащили с меня кое-как платье и дед, осмотрев меня, сказал: «да тут негде и банку то, мадам, поставить!» Банки его были громадные, я таких никогда не видела. И не удивительно, что в эти его банки втянуло все мои богатырские плечи с лопатками. Ни охнуть, ни вздохнуть. Всякое движение вызывает боль.

25 июля.

Уже второй день на работе. Обошлось без больницы, но боль еще не прошла. Вместо больницы попросилась на более легкую работу. Не буду косить, а только копнить и сгребать. Сегодня солнечно. Во сне виделась со всеми своими ясно и хорошо и на сенокос пошла бодро. Колотье почти прошло. Боже! Сохрани нас всех! Дай им и мне силы! Я до сих пор берегла и копила табак и папиросы для Ники. Испортились — пришлось ликвидировать.

26 июля.

Опять гроза. Сегодня убило молнией 13-летнего мальчика. Их было двое, удили рыбу на озере, среди лугов. Началась гроза. Побежали. Ударила в грудь, и он упал. Молния крестообразно рассекла землю. Мальчик остался лежать на месте; второго только оглушило, отбросило. Когда мы пришли, левая рука обуглилась, тело в черных пузырях горело.

28 июля.

После вчерашней грозы пришло солнечное яркое утро. Чудесная картина! Мы шли широчайшим лугом, а по обеим сторонам прекрасная, девственная тайга. С одной стороны луга лежит, как зеркало, — озеро. Луг — это богатейший ковер со множеством ароматных цветов. Над нами яркое солнце и голубое небо. С другой стороны — березовая роща. Давно не видела такой красоты. Вид берез всегда меня и веселит, и трогает, и умиляет, и вызывает самые хорошие воспоминания. Я была очарована в это утро! Не чувствовала тяжести шинели, мешка на спине и косы, не державшейся на моих узких, несуразных плечах. Я намеренно отстала, шла далеко сзади и любовалась картиной. Мир так прекрасен. Вечером опять той же дорогой возвращалась, идя далеко за всеми.

29 июля.

Ежедневные грозы. Укрыться на лугу негде, и я внесла предложение устроить шалаш. Нарубили 4 пары кольев, веток, устроили шалаш, прикрыли свежей травой и прекрасное убежище готово: одобрили. Небольшой дождь вполне безопасен в шалаше. Выходили сухими. Но сегодня лил 2-3 часа, сидели в страхе, т.к. удары грома трещали над головой. Промокли в шалаше и согревали друг друга, сбившись в кучу. Нас было сегодня только шесть.

3 августа.

Некогда, некогда, некогда. Страда. Приходим поздно, уходим рано, без огней. Я уже копню по 20 копен в день и к вечеру едва шевелюсь, а до ночлега надо идти 5-6 километров. Обеды варим на покосе по очереди. Я конины не ем и приношу свою еду. Получаю письма от О.И. и отвечаю ей. Спать хожу из Нового Городища в Старое за 3/4 километра. Удрала от клопов и сплю на втором этаже в амбаре. Прохладно ночью, но идеально просторно, чисто. Ни клопов, ни комаров. Из председательского дома уйти не могу из дипломатических соображений (рыба), а питание при такой работе — вопрос важный. Но порой, когда слышу ее проклятия по адресу бедной девочки — готова отказаться от ее рыбы. «Ах, ты, змея! Ноготь бы тебя проколол, паразит ты проклятый. Отец молил тебе маленькой смерти у Бога — почему ты не сдохла?» Иногда я ухожу, иногда вмешиваюсь... Мне кажется, что я могла бы скосить ее противную голову. Как и чем помочь этой несчастной девочке?

4 августа.

Мне надоело ежедневно чистить щук и смотреть на их хищные головы; глаза рыбачки-мачехи похожи на щучьи. Чищу рыбу всегда у реки, и чайки ждут меня, ожидая добычи. Почти нахально вырывают куски, кружатся над самой головой. Их крик действует на меня неприятно. Было 2-3 дня солнечной погоды и опять дождь. Он идет в день 4-5 раз.

6 августа.

Сегодня опять солнечный день. Косим далеко от дома. Уже с утра я по дороге на место косьбы наслаждаюсь окружающей красотой. Мы шли гуськом узкой тропинкой, среди цветущих трав и местами из-за травы были видны только головы идущих. Не видала я таких лугов. Пришли на место и оказалось — моя очередь быть «стряпкой», т. е. остаться на месте и варить обед для бригады — махонину (конину). Устроила треног, разожгла огонь и пошла к озеру за водой. Я была даже рада, что можно несколько часов побыть одной. Так тяжело быть постоянно на людях. Последнее время я довольно часто получала письма от О.И. и даже несколько раз приписывал Василий Васильевич, в котором мы сразу почувствовали доброжелательного человека.

Василий Васильевич, или как я его назвала «Василий 2» был одинок. Первая жена умерла уже давно, умер и взрослый 19-летний сын. Теперь он давно жил бобылем, был совершенно не приспособлен к условиям теперешней голодной жизни. Не будучи партийным, не пользовался «закрытым магазином» и голодал, как все. Мы, как женщины, больше приспособились, жили одним днем — продавали или меняли, что было менее нужно или, в наших условиях, совсем не нужно и кое-как питались. Когда он навел нас раз и другой до моего отъезда на сенокос, выяснилось, что живет он одним хлебом, пайком и воздухом. Был порядочный, скромный и сразу внушил нам доверие: с ним мы говорили откровенно, по душе, и он почувствовал искренность, прямоту и бескорыстность нашего к нему отношения. На третьем году нарымской ссылки эта встреча для нас была некоторой наградой за мытарства.

Уезжая, я на прощание пригласила его на скромный «костаревский» ужин; полакомились американским кофе из благотворительного груза («благгруз»). После моей болезни в Городище («прострел») Василий Васильевич в письме к О.И. прислал первую записку. В следующем письме через неделю прислал свою незаконченную лирическую поэму о березке и бурьяне.

И вот сегодня, будучи «стряпкой», не обливаясь обычным потом, я состряпала, как умела, ответ на мужскую поэму о березке, когда пошла к прекрасному озеру через цветущий луг-ковер. И это свое «состряпанное» произведение послала Василию Васильевичу.

9 августа.

Тоска. Вёдра, хорошей погоды всё нет как нет. Вечно мокнем; досушить и сметать собранное сено не удастся. Всё тонет в грязи. Наши труды гниют. Поставлено 105 стогов, а нужно поставить 600! Почты не было. Не пошли косить — «льет». По словам хозяйки на пристани много пароходов, барж с людьми. Я всегда ищу и надеюсь, что могу на дороге, на пристани, в толпе с баржи встретить Нику...

12 августа.

Опять дома. На цепи воют от голода 4 голодных собаки. Когда хозяин не рыбачит, собаки не получают никакой еды и воют. Я готова выть вместе с ними. Даже писать не хочется. Сегодня, если прояснится, хотя бы попробовать сметать стог из сырого сена. Нам надоели уже все сельскохозяйственные опыты... Нет известий, ничего до меня не доходит. Так хочется, чтобы сразу был взят не только Орел, но всё! и чтобы кончилось это людское безумие.

17 августа.

Солнце. Спас. Я уже забыла какой это праздник... «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить»... Вместе с солнцем, после волны безнадежности, сегодня подъем и бодрость. Барометр пошел вверх. Идем косить. Работали за рекой, напротив поселка. До броду надо было

идти 3 километра и на обратном пути переехали обласком, а тенистые берега решили пробрести. Закатали штаны, сняли обувь и пошли тинистым илом. Противное ощущение, когда не знаешь сколько войдет ноги: до колена или до бедра. Рядом прыгало множество разных болотных птиц, не удиравших от нас. Видно принимали нас за новую породу и тоже «болотных». Облепленные тиной — сели в обласки. Мошка покрыла голые части тела и за 10 минут переправы искусала нас жестоко. В 4-х километрах отсюда стоит домик, в котором отбывал царскую ссылку И. Сталин. Теперь там музей. Я не имею желания посещать его. Условия ссылки в царское время были несравненное гуманнее: политические ссыльные были предоставлены себе и еще получали денежное пособие. Мы для 600 гр. хлеба должны переносить всё...

18 августа.

Второй день солнце. Настроение по погоде. Завтра Преображение. Записываю со слов инвалида, недавно вернувшегося с фронта. Перед 7-ым подразделением боем он увидел сон (из шести выходил невредимо). Явилась его мать, умершая 20 лет назад и принесла ему новый пиджак, оказавшийся без правого рукава. На его вопрос — почему так? Мать ответила: «не хватило, сынок, сукна — носи покуда так, я тебе пришью». На следующий день ему в бою осколком оторвало правую руку.

19 августа.

Погода — успешно работаем. И мошка и гнус «едят» нас усиленно. После дня, места изъеденные мошкой — сплошной волдырь с невероятным зудом. Продолжаю ночевать в амбаре без клопов.

Вернулись девушки из-за Оби, и мне стало хуже: тесно спать, галдят... Пишу реже, но писем всегда поджидаю. О.И. тоже с В.В. поехали на сенокос. Я стала плохо спать, — болят руки, ревматизм отозвался и вообще переутомилась. Тяжело косить и косить... и хотя стараюсь питаться возможно лучше — непосильная работа берет свое.

25 августа.

В связи с брудершафтом, выпитым с О.И. в ответ на ее письмо «состряпала» я свой ответ «Сестре»: «Слыхала ль ты, сестра, про Обь-реку?»

27 августа.

Косило нас 8 человек. Налетела гроза. Сильная, отбросили подальше от себя косы-литовки, а сами вырыли в большом стогу, каждая нору для себя, спрятались и луг опустел — точно ни души. Нас 8 человек «начинило» стог кругом (стог был громадный) и когда прошла гроза — я услышала рядом через сено храпение. Я, укывшись в сене, сделала окошечко для воздуха, наблюдала грозу. Было хорошо и не хотелось выходить из уютного, душистого укрытия.

28 августа.

Успение Божией Матери. Стирала и ставила темно-зеленые заплатки на коленях своих когда-то голубых штанов. Идем косить вручную — косилки испортились.

29 августа.

Штурмом взят Харьков.

30 августа.

Часто вижу теперь во сне своих, но сны тяжелые, и днем я под их впечатлением не удержалась — попросила погадать. Свидание будет, но еще не скоро, а ты, Ника, болен, в казенном доме и «меня в мыслях содержишь»... А мне предстоит еще многое...

В бригаде меня называют мужиком (из-за брюк). Идет наш «мужик»! Настоящие же мужчины на покосе у нас лет по 12-16 — остальные на фронте. Управляет колхозом председатель и старики да женщины. Потому от беды и я стала «мужиком».

3 сентября.

Сегодня ночью постучали в оконце нашего амбара, вызвали меня и сообщили, чтобы к 7 часам утра быть в сельсовете — отправка в Парабель на комиссию военкомата! Всё здесь происходит ночью! Только что получен пакет, призыв касается польских граждан. Конечно, уже глаз не сомкнула. Опять новая полоса жизни, — уже в мыслях путешествовала. Была — узнала. Мой год 1903 подлежит призыву. Собираюсь. Куда же это теперь бросит меня судьба? И какие еще удары предстоят мне?

6 сентября.

Утром пошла в военкомат. Принял меня какой-то военный чин, очень строго грозя арестом за позднюю явку: «вас арестовать следует; почему являетесь сегодня, а не вчера?», и грозно воззрился на меня. А я бесстрашно отвечала: «прежде чем арестовывать — посмотрите мои документы, я два дня просидела на пристани». «А вы что же думали — за вами самолет пришлют. Явитесь 13.IX.43 с документами». И вот я жду этого срока, собираюсь. О.И. колеблется. Обсуждаем и не знаем на чем порешить. Вопрос не легкий: польским гражданам опять (это действует Ванда Василевская) меняют паспорта... Сегодня снимались и брали справки о месте рождения. Италия капитулировала. Союзники высадили десант. Красная Армия заняла Бахмач и Конотоп. Немцы быстро отступают. Сегодня солнце яркое, все мы возбуждены. Я собираюсь; трудно сосредоточиться: хаос дома и в мозгу...

9 сентября.

Сборы мои продолжались недолго — всё имущество могу сразу без посторонней помощи переносить сама. Не нужен мне рикша, так как сама стала рикшей. Получила расчет от колхоза; справку-характеристику о том, что норму не выполняет «по неумению», хлеб на 3 дня и отправилась на пристань, где пришлось прождать двое суток. Было время подумать о том, какая страница испытаний предстоит теперь, какой сдвиг? Призвали на военную службу мужчин, потом девушек, взяли спецпереселенцев, считавшихся элементом нелояльным. Теперь дошла очередь до нас, до недавно ссыльных и призвали 1903 г. Это значит не только молодых. Что день грядущий мне готовит?

Наконец пришел пароход. К Парабели подошли в густые сумерки. Раздался мощный пароходный сигнал. Выйдя на пристань и пробираясь сквозь сутолоку, — слух мой вдруг пронзила, как электрический ток, знакомая мелодия польской солдатской песенки. Оказалось, что из Парабели и окрестных поселков к пароходу подходила группа наших людей, получивших, как я, призыв и уже сегодня уезжавших в Новосибирск пароходом, которым я приехала. Мы встретились и успели еще проститься. Среди уезжавших была Нюся, жившая с нами в одной избе (молодая, лет 23), шла добровольцем. Уезжали все мужчины. Я, просидев двое суток на пристани в Нарыме, — опоздала. Среди провожавших была О.И. Маленькая, похудевшая, хромая, заплаканная. Она волновалась, что я уеду сегодня, и она останется одна. Песня, прощание, слезы — взволновали меня, и я не умела разобраться в своих чувствах: мне хотелось вскочить со своим мешком на пароход и скорее ехать куда-то подальше отсюда, вырваться, казалось, на свободу. .. Глядя на плачущую О.И., сердце обливалось кровью. Мне было искренно жаль ее, но выезд из Парабели это шаг к свободе, к чему-то новому, быть может к встрече с Никой. И проводив пароход, мы поздним вечером дотащились домой, измученные нравственно и физически.

10 сентября.

Иран объявил войну Германии.

13 сентября.

Я остаюсь — «переросла» на 8 месяцев. Добровольцев уже не принимают. Мучительные дни колебаний и решений. Суета. Условная ликвидация «несложного», но всё же необходимого «имущества». Немцы отступают. Взят Нежин.

16 сентября.

Взяты Новороссийск, Новгород-Северский. Союзники воюют в Италии. Занята Сицилия. Американские и английские войска воюют совместно и приближаются к Неаполю. Бадолио капитулировал.

22 сентября.

Занят Чернигов. Красная Армия бомбардирует Гомель, преследуя отступающих. Освобождаются знакомые по 1918-1920 годам станции: Семеновка, Злынка, Ромны, Сновск, Мена...

29 сентября.

Именины мамы и Сони, и третий раз, третий год... Ради О.И. и Василия Васильевича я устроила нарымский праздничный обед: суп из мясных консервов, купленных 3 года назад еще в вагоне (я всё приберегала для встречи с Никой — и одежду, и белье, и съестное, и папиросы). На второе оладьи из тертого картофеля и чай со сдобной лепешкой. На столе полевая ромашка. Надела еще старое свое платье и обувь, и хотела забыть, что два года я одна... В сумерки стали вспоминать виденные пьесы.

На днях были взяты Злынка, Новозыбков. Сюда мы когда-то в 1918-1920 году, ездили менять полученную в счет жалованья русскую «махорку-жилку № 8» и соль (паек) на хлеб. То были 4 года страшного голода. Выдержали. Миновала нас эпидемия повального тифа и в 1921 году мы вернулись. Теперь Гомель опять занимается Красной Армией. А что же там? Там линия фронта, боев. Я смертельно устала от всего окружающего, от бесконечной тоски и тревоги за близких и от страданий окружающих меня людей. Страдает столько миллионов людей... На днях была у Фени в Костареве — она ходит как тень: проводила мужа на фронт, уехала дочь Галя, того и гляди возьмут последнего и единственного сына-подростка 16-ти лет. Уехала на фронт наша Нюся, жившая у Фени. Мы съехали с квартиры, и она ходит, плачет и не может привыкнуть к пустоте и тишине дома. А ведь ушедшие на войну могут не вернуться.

14 октября.

Покров. Земля замерзла слегка. Еще два парохода пойдут вверх. За это время мы много раз были готовы уехать. (Теперь мы имеем право передвигаться по области). И всё-таки, в конце концов, окончательно послушались голоса рассудка и остались здесь до весны, т.к. трогаться к зиме, куда-то в неизвестное, где никто не ждет — в наших условиях — очень рискованно. Но, решив остаться, мы тоже не были уверены, правильно ли поступили. Василий Васильевич нас удерживал, ему особенно тяжело было бы расстаться с О.И., сразу покоровшей его сердце, но пути наши были разные. Из Костарева, Парабели и соседних поселков уехали и всё еще уезжали наши люди и было невыразимо тяжело, грустно, тревожно провожать уезжавших. Щемило сердце и слезы неудержимо лились при каждом проводах. Призывали на помощь рассудок, заглушали тревогу сердца и перестали колебаться: до весны. А там увидим. Вас. Вас. удалось устроить нас в одном доме. Муся продолжала работать счетоводом, а я пока вроде трудового дезертира. Устраиваю зимние запасы, квартиру, а там, очевидно, тоже начну работать. Был проект устроиться в этом же Райлесхозе уборщицей, но

штат «скрестили» (сократили). А было бы удобно работать на месте и вместо одноглазого огородника иметь дело с культурным человеком, первым за три года. А этот «порядочный чудак» стеснялся предложить мне эту работу и предварительно советовался об этом с О.И. — можно ли? К сожалению, из этого ничего не вышло — не суждено, видно, быть уборщицей.

29 октября.

Ушли все пароходы. Нет почты, снег. Опять 7 месяцев летаргии. А, может быть, я зимой, не тронувшись из Парабели, получу известие от Ники или о Нике? Что с ним? Минутами хочется потерять способность думать, чувствовать и жить. Суббота сегодня. А всё же и я попала в «сень лесхоза». С понедельника стану «нештатной уборщицей». К.Л. уехала добровольцем в армию, но, доехав до Новосибирска, дальше не тронулась. И там теперь занимает такое же, как я, амплуа. Значит мы ничего не потеряли, оставшись здесь. Все мои розыски высланы отсюда — уехав — потеряю нить. Не надо сегодня говорить. Лягу.

9 ноября.

Кончились 2-дневные празднества октябрьской революции. Отдыхали и мы (втроем). Мне не надо было колоть дрова, топить и убирать заплеванную комнату. Ежедневно, убирая плевки, я еду за границу. Дорого мне обойдется «сень Лесхоза». Ежедневно приходит много посетителей — в большинстве инвалиды Отечественной войны — безрукие, безногие, серые, землистого цвета лица. Они курят, харкают, сплевывают на пол, не глядя на мои плевательницы — нововведенные мною несколько дней назад. Василий Васильевич рано утром (когда никто не видел) помог мне колоть дрова, показав, как надо пользоваться большим колуном и клиньями. Он живет в этом же доме с другой стороны, а мы около конторы, но комнаты наши смежные и вечером, на сон грядущий, мы слышим его плачущую скрипку.

В эти два дня он много рассказывал о себе, начав с детства (его звали дома «Василек», а когда вырос — «Васячий»).

А я назвала Василием 2 или — В2. Первая жена умерла, умер и взрослый сын, а потом ему встречались женщины, сами, односторонне его выбиравшие — он по натуре очень нерешительный и несмелый. Когда одна из женщин «выбрала» его, то сказала: «Васенька», я не могу без тебя жить». — «Ну, что ж, живи», ответил Вас. Вас. И она осталась жить и... управляла им. Одна из его жен бросилась на него с ножом и... искалечила. Спас его от нее его начальник, отправив немедленно в долгую командировку, а затем дал перевод в отдаленный угол. С тех пор он ее не видел, но признался, что боится ее тени. Теперь живет бобылем, не умеет приспособиться к современным условиям жизни и живет еще примитивнее нас; часто голодает, не умея и не желая пользоваться правами и привилегиями ответственного работника.

Теперь, живя в одном доме, мы решили в свою очередь, чем можем, — скрасить его незавидное существование и принять его в качестве столовника, чтобы хоть частично отплатить за его участие и помощь. Соединили наши хлебные пайки. Он, как ответственный работник, получал 600 гр. хлеба, я, как физическая, — тоже 600 гр., а О.И., как счетный работник (гнилая интеллигенция) — 400 гр. Хлеб — основной продукт питания, так как картофеля очень мало, а жиров еще меньше, но мы, как женщины, скорее умели что-нибудь предпринять и «состряпать». В этом же доме жила семья, привезенных, как и мы, — румын. Супружество и теща. Вас. Вас. устроил их на работу и дал квартиру еще до нас. Румын работает. Женщины пока не работают. Ну, и для полноты картины еще одно лицо в этом доме живущее — конюх Вас. Вас. — тоже женщина-красноармейка — Маруся с ребенком. Короче говоря, Вас. Вас. приютил у себя сколько мог обездоленных людей, «меченных», и мы с каждым днем всё больше ценим в нем порядочного и доброго человека.

В эти два дня много и откровенно говорили, и многое взаимно узнали, раскрыв наболевшие души. Вечерами за отсутствием керосина сидели впотьмах при пылающей трубке Василия Васильевича; коптилку, дававшую больше копоти, чем света, зажигали во время ужина. Читать при ней невозможно. Радио здесь нет, почта приходит редко.

7 ноября. Взят Киев, а Гомель еще раньше. В Москве закончилась конференция союзников.

18 ноября.

Моя жизнеспособность идет всё больше и больше на убыль. Нет уже сил удержать бодрость. Я рублю, колю, варю, мою, но всё думаю и думаю. Не хочется писать.

3 декабря.

Видела сон, которого нельзя забыть из-за его ясности и содержания. Я с большим трудом какой-то длинной дорогой по глубокой вязкой грязи иду. Оглянулась, а за мной по этой же дороге также идет много, много женщин. На мне жутко черное, глухое платье, очень длинное, а на ногах, поверх туфель большие калоши Ники. Под длинным до земли платьем я ни обуви, ни калош не вижу, но знаю, каждый шаг чувствую, что калоши потеряла, нащупываю ногой, вытаскиваю ногу и опять то же, шаг за шагом. Вижу, что длинное платье, закрывающее ноги, — в грязи и жалею, почему же я не приподняла платья. Рядом со мной появляется знакомая женщина. Она протягивает мне руку и говорит: «я вам помогу», и помогает мне выбраться куда-то на берег. Выйдя, еще раз оглядываюсь и вижу длинную вереницу одних только женщин и удивляюсь, что платье мое в такой грязи не запачкалось, кроме маленького краешка. Смотрю и удивляюсь: ведь я каждый шаг делая по такой грязи ногой наступала на платье, а оно новое и чистое. Потом я увидела себя в каком-то доме, в большом зеркале во весь рост в том же платье и белой фате. Я должна венчаться — не знаю с кем. Вдруг я вижу

необыкновенное окно: большое, очень широкое и не как обычно, а на уровне земли и с этой стороны окна, где-то- ниже — стоит Ника и смотрит на меня — вижу его лицо и грудь. Выражение лица вижу ясно: довольное, радостное. Смотрит на меня и говорит: «Я всегда любил тебя в черном... тебе идет это платье». Я попросила его купить какие-то билеты, и он ушел. Сон кончился, но спать я уже не могла до утра, старалась разгадать и понять значение сна.

4 декабря.

Я верю в некоторые сны. Вот раньше, ты, Ника, на руках вынес меня от одноглазого огородника и здесь после длинной грязной дороги ты был мною доволен, значит я пройду и не запачкаю платья, несмотря на непролазную грязь. Вспомнила сон, когда я несла гроб, не выдержала тяжести, упала в грязь. Ну, как не верить! И сны меня поддерживают. Но этот последний был особенный: черное платье жуткое, траурное, а Ника как бы навсегда одевает меня в это черное платье. Но взгляд его был радостный. И сон не уходит у меня из памяти. Я всё время под его впечатлением, помню его и хочу объяснить. Тяжелая, вязкая дорога, по которой идем только мы — женщины, это наша общая судьба женщин, разделенных с мужьями. Дорога кончится, и я выйду на сухой берег и встречу Нику. Где-то в глубине моего сознания страшная мысль: на мне жуткий траур, сам Ника оставляет меня в нем и вижу его за необычным окном в глубине, как-то внизу. Мне страшно. Мне страшно, и я отчаянно отгоняю эти мысли, молюсь и плачу...

19 декабря.

Прошел еще один твой день, Николенька. Хочется писать, высказать всё, всё и даже это недоступно — кончается бумага, надо беречь последние листки. Нет и керосина и условий — не бываю одна. Достали книги, но читать невозможно. Война и — не до удовольствий.

22 декабря.

Наш Райлесхоз уплотнили — поместилось еще одно учреждение (Собез) и мне прибавилось работы. Пимы мои проносились (у нас зима). Зачинить нечем — промокают, ноги стали тяжелые, лицо опухает. Плохо сплю. В морозные дни дышится легче. Встретила бывшего главбуха: Мих. Мих. из Заготсырья. Я тащила в мешке кедровые шишки, — подвез меня и предлагал вернуться к оставленной работе, но до весны недалеко, а в его обещание исправиться и не преследовать меня — не верю. Он много раз поздним вечером будил весь дом, требуя, чтоб я пришла к нему «на одну минутку». Бухгалтер нужен и в Собезе, но я предпочитаю убирать грязные полы и колоть дрова... под сенью Лесхоза.

1944 г.

13 января.

Давно не писала. Прошел еще один «Новый Год». В этот раз встретили мы его у себя, в нашей «каюте» втроем с В2 и в канун и в Новый Год. Не работали — годовой отчет, а вечером порешили «попраздновать». Вас. Вас. достал «дубняку», и он меня погубил. После 2-ой рюмки я совершенно опьянела, со мной случилась первая в жизни истерика. Я была причиной испорченного «новогоднего» вечера. В.В. в свой «дубняк» прибавил зубровки. Здесь растет зубровка. Сегодня канун Нового Года по ст. стилю. Все работают, а я первый раз одна дома и сейчас будет полночь. Сделала все работы: наколола дров, вымыла коридор и без 10 мин. 12 была дома. Пишу при крошечной копилке. А Новый Год пожалел, видимо, что я одна и тихонько уже вошел и сам меня встретил... Суждено ли мне встретить еще Новый Год в кругу близких моих?! Есенин говорит: «Не жалею, не зову, не плачу»... а я и жалею, и зову, и плачу в этот грустный одинокий Новый Год.

У нас теперь нет ни газет, ни радио. Сибирь глухая в полном смысле. Слышала, что Красная Армия уже перешла в одном месте б. польскую границу. Нет времени пойти куда-нибудь на радио. К Фене слишком далеко, а я уже «уходилась» и нет во мне прежней молодой прыти. Много делаю механически, так как надо сделать, даже почерк «устал» — стала писать безобразно, себя не узнаю и записывать стала реже. Мысль отупела от постоянной физической усталости и безнадежного однообразия. И «наряды» наши под стать. Ко всему я уже привыкла и мне не кажется странным, когда у женщин (и у меня самой) из-под юбки видны «штаны». А в общем мой костюм, особенно на улице достоин негатива: зеленая шинель, под которой мой излатанный полушубок, из-под шинели обтрепанная, когда-то шелковая юбка, а из-под юбки, между юбкой и пимами «штаны» из байкового американского одеяла. Шапка-пилотка коричневая, шинель зеленая, юбка когда-то черная, штаны серые, а на ногах рыжие пимы. Рукавицы цвета охры с разноцветными заплатами. Наши нищие в Польше были одеты приличнее. Идут мои «интеллигенты» из конторы. Кончаю мой новогодний вечер.

1.1.1944. Споры из-за границ Польши. Польское правительство обратилось за посредничеством к союзникам. А ведь осталось так немного, чтоб стало возможным, если не увидеть, то хоть узнать о судьбе моей старушки и сестры! Живы ли они?

23 января.

Говоря о польско-советских отношениях Иден выразил уверенность, что надежда на хорошие отношения не потеряна. Молодая латышка, шедшая в Парабель из своего поселка замерзла под самой Парабелью. Она тоже разделена со своей семьей. И вот закончила свою жизненную дорогу, не успев выйти на сухой берег. А на этой дороге во сне я видела много нас, женщин. А какой дорогой идут мужчины! Кто дает право одним людям судить, казнить, управлять судьбой множества других людей?!..

24 января.

Скорее бы весна! Хоть зима в общем легкая. Живем всё хуже. Наше меню: утром чай из шиповника в любом количестве с хлебом. В обеденный перерыв картофель, величиною с грецкий орех (самый крупный), отваренный, в мундире, с солью и кислой капустой или чесноком, и кипяток. Вечером обед: суп из картофеля, капусты, моркови, брюквы, хоть немного заправленный каким-то жиром с луком. Если сидим за полночь, то в час или два еще чаепитие из термоса: хлеб с солью или с брусникой. О. И. не может есть кислого и ей выдается микроскопический кусочек из 400 гр. конфет, полученных по карточкам вместо сахару (два гриба, как говорится, в борщ не полагается: или сахар или конфеты) и то конфеты «по благу». Если бы во мне был жив мой прежний юмор, можно было бы много посмеяться. Жиры у нас вышли, и я никак не могу на базаре загнать (продать) что-нибудь из нашего «имущества». В полчаса мои руки и ноги превращаются в ледяные сосульки, и я деревянными ногами ни с чем возвращаюсь домой. Когда я приезжим из колхозов крестьянам предлагала что-нибудь из своей «галантереи», они мне отвечали: «мы сами барахло продаем» и указывали на висящие на руке кальсоны или юбку. Смотрю сочувственно и отхожу пристыженная. У меня совсем нет способностей к торговле и потому и жиров взять не откуда.

30 января.

Сегодня во сне Александра Константиновна гадает по картам О.И., которая лежит на постели. Ал. Конст. быстро веером открывает пять карт, и мы с ней, взглянув, ужаснулись: все пять карт черные, начиная с туза. Я делаю Ал. Конст. знак, и она карты смешала, а на вопрос О.И. что вышло, — мы солгали, что это я себе гадала. Сон неприятный, жуткий.

31 января.

2.11.44. 31.I. меня вызвали в паспортный стол и объявили, что пришел ответ из Москвы от I Специального Отдела и от Берии (я писала много на его имя) через Новосибирский Специальный Отдел по розыску моего мужа. Мне не дали бумагу, а только прочли, что ты, Ника, умер 26.XI.1942 г. в Устьвышлагае. Где это — ни объявлявший, ни я — не знаем. Умер, и нету тебя больше. Но я не хочу верить, я буду ждать тебя даже тогда, когда все ждать перестанут: и, может быть, я буду права. Возможно всё, но могут быть и ошибки. А, может быть, бумажку написали здесь, чтобы я перестала искать, беспокоить их. Почему не дали мне ее в руки, и только, когда я вернулась еще раз с улицы и попросила извещение, — сказал, что адресовано на отдел и положил передо мною, а я переписала дату и слово Устьвышлаг. В какой это области чекист не знал. Бумагу он положил на стол, не выпуская ее из рук. Я прочла имя, отчество и фамилию, год рождения Ники и дату смерти — 26.XI.1942 в Усть-Вышлагае. Какие были печати — не знаю.

Николенька! Единственный мой! Неужели ты и вправду отошел уже по ту сторону окна, выпив свою чашу страданий? Значит, не даром мне приснилось черное платье... «тебе идет это платье»...

27 мая.

Прожито еще несколько месяцев. Не писала. За это время пережито много тяжелых минут, оскорблений, унижений, пролито украдкой много слез и несколько раз жизнь была на волоске, а смерть стала как-то ближе, понятнее, иногда была желанной. Хочу вкратце описать, что произошло со дня, когда мне объявили о смерти Ники. Я поверила, а порой не верю в то, что его нет. Польское посольство не могло и не успело помочь, а помочь было трудно. Я знаю, что Ника никогда не отказался бы от своего русского подданства. Тогда, как враг, он осужден и смерть — конец страданий. Но если извещение о смерти только средство укротить и пригвоздить меня? То еще есть надежда на спасение. Я была слишком поражена, чтобы посмотреть, кем написано было извещение. Очень скоро после этого рокового дня «паспортный стол» опять привлек меня к работе. Меня стали преследовать на улице, завлекать в дом, так как добровольно я не являлась. Я стала, выходя на улицу, менять верхнюю одежду, чтобы меня не узнали. За мной приходили на дом. Я переменила тактику: пользуясь переменной очередного «хранителя», прикинулась тупой идиоткой, но всему есть конец. Василий Васильевич, благодаря своим взглядам, человеческому отношению к людям, их страданиям, — попал в опалу. Мне было поручено смотреть за ним. Маруся-конюх, в его Райлесхозе (не помню фамилии, но пусть эта Маруся будет многотысячным именем, собирательным — имена их Ты, Господи, веси) получила через сельсовет извещение, что б. красноармеец — ее муж — расстрелян, как изменник родины за желание поддаться в плен, ... а она объявляется врагом на рода. В.В. должен, конечно, ее сразу уволить, а у него рука не поднималась на бедную, обреченную жертву. Куда бы ни тронулась она со своей справкой (вроде моей) нигде ее не примут на работу. А у нее ребенок. Нет места врагу народа, — врага надо уничтожать. И на каждом очередном заседании Исполкома В.В. спрашивают — уволил ли уже? Уходя на каждое заседание от нас, он прощался: «Ну, до свиданья, друзья мои, иду на Голгофу, быть может не увидимся». Точно также прощалась каждый раз и я, так как не было уверенности — вернусь ли ночевать домой. Часто на вопрос, заданный той или иной сибирячке, где ваш муж? Слышишь: — А кто его знает, уж год, как вышел из дому и не вернулся. Каждый невернувшийся оказывался врагом народа и так или иначе платил свой счет.

Однажды В.В. накануне заседания видел сон: во сне он видит, что из противоположного угла комнаты появляется страшный черный паук; он смотрит на В.В., растет на его глазах, заполняет собой всю комнату, у паука шевелятся сотни колоссальных ног; глядя на В.В., он

приближается к нему... и В.В. просыпается от собственного крика в холодном поту.

На следующий день В.В. заставили уволить Марусю, и мое место нештатной уборщицы поставлено В.В. в строку — его бы могла занять полноправная гражданка, «имеющая право на труд». Не всякая гражданка заслуживает право убирать заплеванные полы и колоть большие бревна. Марусе Вас. Вас. дал совет: — «Тебе один выход: выйди замуж, перемени фамилию и будешь жить...» И Маруся оставила Парабель, пошла искать счастья в той стране, где так вольно дышит человек.

Я добровольно взяла на себя обязанность убирать комнату В.В., так как до сих пор делала это Маруся-конюх. Однажды понесла очередную почту Райлесхоза, а на обратном пути попала в паспортный стол, хотя эту улицу я всегда обходила. Мои нравственные пытки продолжались несколько часов, допоздна. Я пробовала освободиться ссылкой, что я на работе, и лесничий опросит почему не убрала комнаты и т.д., что я живу в одной комнате со счетоводом (О.И.) и счетовод опросит, где я столько времени была... «Ничего, ничего, не бойся, мы завтра и счетовода вызовем». И действительно, О.И. была на следующий день вызвана в «паспортный стол» для проверки хлебных карточек. Конечно, я придя домой, предупредила обо всем. О.И. продержали в паспортном столе 5 часов, посмотрели для отвода глаз карточки, вежливо извинились, что побеспокоили и отпустили, но она была только в паспортном столе. Наконец, пришел и такой день, когда я, не видя иного выхода, решила или освободиться или погибнуть. Становилось не под силу, а цели уже не было. Я категорически заявила, чтобы меня больше не вызывали, не требовали — не приду и следить за людьми не буду. Оторопели. Не ожидали. Ушли на совет. Пришли втроем. Подошел четвертый. Мне грозили:

— Вам здесь слишком хорошо, вам место в тундре.

— Если вы через десять лет приедете навестить меня в тундру, я скажу вам тоже самое. Но я знаю советские законы: запугивать нельзя, а вы меня запугиваете тундрой... Я не боюсь и вашей тундры!

— Ну, чего нам возиться с ней, — под конец сказал один.

Конец, мелькнула мысль и глаза остановились на их револьверах в кобурах. Сидевший напротив, взял лист бумаги, стал что-то писать — затем протянул мне.

— Подпишите.

Я хорошо помнила, что за подпись платить надо дорого и лучше не подписывать. «Я, такая-то, объявляю, что признаю власть Гитлера и т. д.» Дальше я не читала.

— Это ложь, и я не подпишу вам этого, и разорвала

Точно голодные стервятники бросились они на меня, разъяренные от злости.

— Как вы ведете себя в стенах НКВД?!

— Можете меня арестовать, но не имеете права запугивать!

Я была уверена, что не выйду из этого дома, но мне было уже всё равно — я не чувствовала страха, а скорее вызывала судьбу. Так, зажатая в руке птица, чувствуя свою беспомощность, отчаянно клюет держащую ее руку.

К столу сел другой палач и тоже стал писать. Писал долго. А я ждала развязки. Кончив, подал мне. Опять стала читать. Не верила себе, не верила глазам: было написано пространно с ссылкой на статьи закона и §§, что я с сегодняшнего числа порываю всякую связь с органами НКВД, обязуюсь сохранить это в тайне. Не помню дословно, но таков был смысл.

— Вот это я подпишу вам, — сказала я и, подписав, направилась к двери. Я шла и не верила, что меня в спину не пристрелят или во дворе не набросится собака-волк. Никто не остановил...

Проходили недели, месяцы, есть было нечего. Приближалась весна. Порешили, что я отправлюсь в те поселки, где живут наши люди и где есть возможность за белье, обувь и одежду получить картофель и муку. В.В. нашел мне попутчика — тоже Василия — конюха из Леспромхоза. В ту сторону доедем катером, имея свою лодку, а назад по течению вернемся вдвоем лодкой, около 250 километров. Остановлюсь я в поселке Новикове, где живут знакомые. Они мне помогут. Оттуда пойду пешком в Тарск. А путешествовала я так с 25 апреля до 14 мая 1944 года.

После 6-7 дней путешествия (5 дней катером и 70 км. пешком) я дотащила до Новикова, пришла к знакомым. Не имея смены белья, не могла лечь в приготовленную постель: по мне ползали вши. Мой спутник, конюх Васильке, рыжий детина, сделал мне неожиданно на обратном пути предложение: стать его женой, обещал «всякие блага». Я, понятно, вежливо, но решительно отказала. Он оставил меня одну с грузом, а сам воспользовался лодкой и уплыл. Частных пассажиров на пароход и на катер не пускали, и я решила вернуться на плоту. Это был небольшой плот, на котором вез такой же груз средних лет мужчина — уроженец Одессы, были; еще мальчик лет 12 — Афоня, старик-поляк и какой-то нерасторопный мужчина. Одессит оказался инициатором этого путешествия, ехал, как и я, почти до Парабеди, как и я не имел другого способа передвижения и взялся доставить этот небольшой плот — перевоза свой ценный багаж. Я показала ему свои документы и упросила не отказать, принять на плот.

Отправка утром. «Капитан» нашего корабля, как я его назвала, велел привезти с собою охапку соломы. Доплыла я утром до плота с охапкой соломы и с своим грузом (2 пуда картофеля и 2 пуда муки) на обласке. Река бурлила. Погрузились, устроились при помощи «капитана». Рядом с палаткой была устроена еще моя, на охапке соломы. «Капитан» предупредил, что ехать будем 6-7 дней, так как он должен еще в нескольких местах задержаться. Выбора не было. Я была довольна, что принял. На нашем плоту была небольшая душегубка, несколько досок, толстый канат, шесты, багры. Посередине устроили место для костра и

уже горел очаг. Старик-поляк устроил себе шалаш из кедровых ветвей. Последние приготовления, распределение обязанностей и, наконец, отпустив державший нас канат, плот тронулся и скоро бурное течение, широко разлившейся грозной реки, вынесло нас на ее середину. Оглушил меня шум бешено рвущейся вперед воды. Мы должны были кричать, чтобы услышать друг друга. Налетали волны, обдавали нас брызгами. Мы неслись быстро, не имея ни малейшей возможности управлять нашим небольшим «судном». Спереди было что-то вроде руля, но даже все наши соединенные силы не в состоянии были изменить направление в разбушевавшейся стихии. Что я сделала? Но отступать было поздно. Надо было каждому исполнять возложенные на него обязанности «матросов». Одни готовили топливо, вылавливая несущийся по реке материал: доски, поленья, подхваченные во время половодья водой; другой был у костра (спички были дороги и ограничены), варил. А когда нас окружила тайга — всякую минуту грозила опасность быть сметенными нависшими над водой ветвями деревьев. Один из нас зорко смотрел вперед, предупреждая об опасности. И тогда все мы падали пластом на мокрый плот, цепляясь друг за друга и за бревна. В течение первых часов смыло, как перышко, шалаш старика и сам он чудом удержался. С наступлением вечера «капитан», выбрав как бы залив в реке, выслал туда Афоню в лодке с канатом, который он закрепил за ближайшее дерево. Когда мы доплыли, Афоня бросил нам канат, и мы, вцепившись в него, стали притягиваться к первому ночному причалу. Все были измучены и рады отдыху. Ночь дежурили у костра по очереди. На следующий день тоже самое. Ночи были холодные, морозные. День, второй, третий, кое-где остановка. День и ночь не раздевались, и потели и мерзли. Было солнце, была весна, но такая безрадостная. Лица грязные от дыма (грелись у костра), заросшие, обветренные морозом и ветром. Однажды к вечеру налетела буря. Не удалось задержаться у выбранного места, сразу стемнело, поднялся ветер, налетела страшная гроза с проливным дождем; костер погас, удары грома раздавались почти одновременно с ослепительными молниями и тогда каждый из нас на мгновение видел искаженные страхом лица остальных. Одна из молний осветила впереди нас нависшее дерево. Припали к плоту — пронесло. Каждый про себя прощался с жизнью. Затрудняюсь сказать сколько продолжалась гроза, была черная ночь. Ветер утих и то, что мы ничего не видя, неслись вперед, уже не казалось опасным, после пережитых часов. Все промокли до костей. Разожгли костер, сварили чай («капитан» угостил настоящим чаем) и первый признался, что не думал уже пить чай, не верил в то, что мы не разобьемся и не пойдём ко дну. Трое из нас устроились кое-как на отдых, а мы дежурили у костра, глядя перед собой, высматривая опасность. Пережитые часы, близость смерти сблизили нас, мы невольно почувствовали взаимное доверие и, уже не боясь, рассказывали друг другу многое. Я дежурила, а «капитан», ловчее повара, приспособился и пек вкусные лепешки из грубой пшеничной

муки, раскатывая тесто бутылкой. Лепешки пеклись на куске жести. Оказывается, и он пережил немало. Под истрепанной одеждой притаился измученный, усталый русский человек, не находящий ни отдыха, ни покоя, ни спокойного сна...

На девятый день мы расстались навсегда. Двенадцатилетний «матрос» Афоня доставил меня на обласке 7-8 км., уже не по Оби, а по притоку — Полою до Парабели. Такова история приобретения за 250 км. двух пудов картофеля и двух пудов муки.

Дома меня не узнали: лицо распухло, почернело. Здесь я застала невероятную новость: нас куда-то вывозят. Польское правительство заботится о нас и дает нам лучшие условия жизни. Мы едем куда-то на юг. Но только польские подданные. Ни румын, ни латышей это не касается. Срок — ближайшие дни. Лихорадочные сборы. Стирка, сухари из привезенной муки. Кто-то пустил слух, что мы едем на юг, в теплые края, и я была готова отдать остающимся товарищам по несчастью все теплые вещи. Но дальновидные люди остановили меня. Неизвестно куда мы едем.

Наш отъезд был печальным событием для бедного «Васячего». Мы сжились за это время, взаимно поддерживая друг друга нравственно и друг другу помогая. Мы уезжали в неведомое «завтра», ожидая чего-то нового. Он оставался затравленный (из-за нас), одинокий, беспомощный. Мы советовали ему уехать куда-нибудь подальше.

Нас несколько раз переписывали, считали, составляли списки. Приближался срок отъезда. Разделили по-братски привезенные продукты на три части: две нам и одну треть В.В. Продали, что было можно из нашего имущества, купив немного жиров, и на прощание, почти в канун отъезда я нажарила оладышков из тертого картофеля. Через стену (наш телефон) несколько раз стуком приглашали Василия Васильевича на завтрак. Он откликнулся, но не шел, и я решила отнести, пока не остыли, ему в комнату. Вошла, оказывается он еще и не вставал (а всегда был пунктуален). На мой вопрос, он не отвечал, из-под закрытых глаз катились слезы. Бедный Васячий...

30 мая.

28 мая. После трех лет жизни здесь мы выехали из Парабели на большую пристань. Было около 5 часов вечера. Светило солнце. Ехали на пристань пятитонным неводником. Ночевали на пристани под голым небом, разложив костры. Несмотря на полушубок, шинель и истоптанные пимы, я продрогла. Пароход был обещан на понедельник 29.V. Еще ходила в Парабель с последним «прости». Прошла еще ночь, но уже перетащилась под крышу в барак. Под утро пришел «Тарас Шевченко». Погрузились, как обычно, в трюм и 30.V.944 г. в 9 часов утра тронулись.

1 июня.

Приехали в Томск. Ждем распоряжений, куда и как плыть дальше, до Новосибирска или до Черемошников — для погрузки в поезд. Бестолочь

— никто ничего не знает. Вечером велено было выгрузиться и ночь опять провели под голым небом (тысяча человек).

2 июня.

Нас грузовиками перевезли в город, на улицу Розы Люксембург. В доме грязь, клозеты не действуют, краны текут, теснота. Оказалось, что это карантин. К вечеру выдали еду на следующий день. Была избрана комиссия. Я в качестве переводчицы. Ходили, хлопотали, узнавали о всякого рода снабжениях. В таких антисанитарных условиях начались болезни. Случай сыпняка. Нельзя общаться с городом.

6 июня.

Все еще составлялись разного рода многочисленные списки и никак нельзя было установить точного числа людей. По спискам выходит одно, по талонам на обеды — другое. Мертвые души.

7 июня.

Людей всё прибывает. Прибыло еще 200 человек. Списки, описки, описки...

14 июня.

Мы всё еще в Томске. Ночью обещан эшелон.

17 июня.

Суббота. Тронулись из Томска. Продукты на дорогу получали вчера всю ночь. Ночью, определенное число магазинов, в самых отдаленных частях города, работало до утра, а мы всю ночь простояли в очередях с мешками для продуктов. Того, что было обещано — не получили. Получили сырой хлеб на рассвете.

17 июня. Суббота. Тронулись из Томска по полудни. После 3-х лет нас везли в таких же товарных вагонах, хотя теперь и не в запломбированных, но везли, как людей, которые не имеют права знать куда их везут. И тем не менее все мы радовались, все воскресли. Стараюсь следить за направлением поезда, но маленькая школьная карта, какую имею, не позволяет еще ничего понять. Проехали Барабинск, Омск, Петропавловск. Потеплело. Солнышко. На остановках дети я взрослые рвут зелень и цветы, украшая вагоны.

22 июня.

Челябинск. Говорят — едем на Воронеж. Пятилетней девочке Маше отрезало ножку. Во время остановки она залезла под вагон, мать не досмотрела — поезд тронулся. В поезде есть «санчасть» и сестра, но нет ни бинтов, ни ваты, ни йода. Девочка осталась в Челябинске, в больнице. Мать с другой девочкой поехали дальше. Впечатление угнетающее. На остановках обеды и мойка. Моментально появляются котелки, разводится огонь, и люди питаются, варят, кто что имеет. Мы сварили картофель. Мы в ста километрах от Оренбурга. В Оренбурге

обедали: суп за 35 копеек (просяной на постном масле). Жара, много подсолнечников. Степь. Верблюды, много коз. Наши обеды — мутная вода, даже начальник эшелона сказал, что деньги с нас берут даром (обед 1 рубль). Наш эшелон — 70 вагонов (наш 59-ый), бросает, трясет точно в лихорадке. Подъезжаем к Саратову. Проехали Волгу. Сразу появилась зелень, дубы. Станция Ртищево. О.И. ушла за обедом, так как я всё пишу бесконечные списки по вагонам, нас ведь вагонами будут отцеплять. Обед был такой, что даже мы, выдавшие виды, есть не могли. Спасал собственный, привезенный на плоту, картофель и хлеб.

28 июня.

Все устали, угнетены неизвестностью. От нас отцепили 10 вагонов. Едем дальше, ночью убыло еще четыре вагона. Станция Колено — отцепили 8 вагонов с украинцами. Вагоны выхвачены из середины. Теперь на нашем и еще четырех вагонах написано мелом: «Бутурлиновка». Это, говорят, место нашего назначения. На ст. Тальван наши пять вагонов отцепили. Говорят, что до нашей Бутурлиновки 40 километров, до Воронежа — 180.

29 июня.

Уже граница Воронежской области. Станция Макшеевка. Отцеплен первый вагон. Станция Поворино. Отсюда, по слухам, наш эшелон пойдет по двум направлениям: на Воронеж и на Борисоглебск. Все встревожены будущей судьбой, каждому хочется заглянуть в свое будущее, а пока что, хоть знать, где нас отцепят. На вагонах какие-то иероглифы. Всюду толки, суды-пересуды. Я устала, надоело мне мое окружение... Простояли весь день. Опять описки, списки надоели до отвращения. Спрашивали, допрашивали, писали на вагонах новые цифры: наш был 59-ый, теперь 2 29/У, на других 1

1 июля.

Суббота. Выгрузили в Бутурлиновке, ночевали в разбитом бомбами клубе. Восемь пар громадных быков длинным караваном, черепашьям шагом отвезли нас за 12 километров до совхоза того же имени «Бутурлиновец» (красный). Глушь и степь. Под налетевшим дождем разгружались в маленьких домишках, обмазанных когда-то глиной. Воды употреблять нельзя (отравлена), а хорошей не привезли. Нас сорок семь человек, а состав был 70 вагонов. Мы разбросаны и никто не знает, где кто остался. Вечером привезли пол-литра снятого молока и 16 кг. творогу.

2 июля.

Перед приездом директора совхоза нам выдали по 300 гр. хлеба на два дня (хлеб из овсяной, ячменной муки и подсолнечных жмыхов), 300 гр. пшена и по 300 гр. свежего ароматного меда. Расположились все на траве. Директор, как и полагается, хорошо упитанный, сытый, сел на

табурете посреди нас. Расспросил в чем наши нужды и желания. Затем подошел к существенному вопросу: еще идет война, победа, несомненно, будет за нами, но теперь мы помогаем вам... а вы должны помочь нам! Нам нужны рабочие руки. Работа — всякая: прополка, сенокосы, силосные работы, хлебоуборка и т.д. Уехал... Опять у разбитого корыта.

8 июля.

Объявлено постановление исполкома: наши два вагона (24 семьи) и 12 семейств отослать в соседний совхоз «Ударник». Опять собрали нас перед домишками — они торчат на горке, среди глухой степи. Мы молча выслушали постановление. Было что-то безотрадное, жалкое, горькое в этом молчании, так как некоторые уже приступили к работе. Правление совхоза выразило желание оставить тех, кто уже работает. Вопрос оставили открытым до завтра.

9 июля.

На следующий день, 9.VII, пошли пешком в город — 12 километров. Обещанные волы ушли уже в 5 часов утра. Купили сообща чулым (куль) картофеля, отыскивали волов и первый раз в жизни я попробовала управлять ими (окрик — «цоб» означает налево, «цобэ» — направо). Я проехала только десять метров — волы не слушались; пришлось за пять рублей нанять кучера. Картофель стоил 675 руб. Ждем решения...

14 июля.

Николенька! сегодня твой день рождения. Тебе исполнилось 48 лет. На днях так ясно видела тебя во сне с таким знакомым выражением! Сегодня утром ходила за водой (и здесь вода далеко в степи — родниковый колодец). Около 1/3 км. Поблизости целая плантация цветущих подсолнечников. Как хороши они в солнечное утро. Почему мы не вместе?

17 июля.

Приехал агроном и записал меня — согласилась быть учетчиком во время жатвы комбайнами. Мои обязанности: учитывать ежедневно убранную площадь каждого комбайнера, количества зерна, горючего у комбайнеров и трактористов и записывать рабочие дни рабочих бригад. Жить надо в бригаде, в степи, если близко, то могу ночевать дома; но расстояния большие. Совхоз имеет 2.000 гектаров. Комбайнов шесть, тракторов — четырнадцать. Жалованье — 170 руб., котел общий.

20 июля.

Взято Гродно. Была в конторе на инструктаже. Принесла сводку Совинформ бюро за 17.VII. Взята с боем Беловежа. Увидев эту сводку — я не слышала того, что говорил мне бригадир.

23 июля.

Начала работать. В бригаде 45 человек и в том числе нас трое польских граждан. Проработали четыре дня. Среди степи построили «курень», по-нарымски «стан». Это обыкновенный шалаш из вербы, покрытый соломой. Ночью пасшиеся быки разорили его — устроили второй. С работой справляюсь, но ходить приходится весь день очень много. Вечером двухметровой меркой площадь убранную меряю каждому отдельно.

Машины постоянно портятся, темп работы слабый; все работают без обычной жатвенной горячки. Питание утром — постная гороховка или болтушка из гречневой муки. На обед то же, чуть-чуть с маслом; на ужин опять болтушка, хлеба 500 гр. (овсяный, гороховый, ячменный и жмыхи подсолнечника), иногда на обед борщ. Третий день получаем по 200 гр. меду. Сегодня была каша из свеженамолоченной ржи... Челюсти устали жевать целое зерно. Ответственные рабочие получают на обед 100 гр. мяса в супе.

28 июля.

Взяты Белосток, Львов, Станиславов. Да! Вчера нам было объявлено, что в Варшаве уже избрали новое польское правительство — вопрос только в освобождении Варшавы. Сегодня видела во сне сестру, неясно, плохо. Что с ней и где она ? Жива ли моя мама, старушка? Написала три открытки домой на разные адреса. Буду писать ежедневно на другие адреса. Может быть, кто-нибудь откликнется.

29 августа.

Пишу в степи, на куче соломы. Прошел месяц — писать некогда. Дома только ночью. Ухожу в 7 часов, возвращаюсь в 9-10 впотьмах: некогда мыться, некогда думать. Работает 6 комбайнов, между каждым 5-6 километров расстояния; быки ходят шагом; на комбайне подъезжаю редко, остается: иногда лошадь агронома или бричка директора или на бочке водовоза.

5 сентября.

Возвращаюсь усталая. Коптилка дает копоть вместо света; при ней мы передвигаемся, как привидения, мы живем в первой избушке, о двух небольших оконцах, которые заложены кирпичами. Живем мы вдвоем с О.И.

17 декабря.

Вот прошло три с лишним месяца, как не брала в руки карандаш. Сегодня две коптилки и двойная копоть. Что же пережито за это время? И ничего и много. Прошло лето и осень в вот уже зима. Зима здесь хуже сибирской. Продолжительные холодные ветры, очень сильные, пронизывающие через одежду и стены нашего жилища. А мы всю осень были точно на луне и думали вот-вот уедем. Начальство наше тоже,

видимо, не думало об условиях нашей зимовки. Уже в октябре получили из Москвы, из Союза Польских Патриотов, ответ, что наша реэвакуация начнется с весны 1945 г. и то в первую очередь семьи военных. Надо было подумать о зимовке. Жилища плохие, со щелями, топлива нет и никаких запасов. Уже в мороз, грея руки в кипятке, стали некоторые из нас месить глину с песком и навозом и наспех обмазывать ею снаружи стены наших домишек (местный обычай). Обычно дома еще снаружи белят известью. Сделали это неумело, состав глины приготовлен по плохому рецепту и глина на морозе полопалась. Одно окно заложили кирпичами, замазали глиной, а в два оставшиеся состряпали зимние рамы. 3.XI я еще работала при молотье комбайнами, потом до 19.XI при вспашке зяби тракторами. 14.XI выпал первый снег, а 20.XI мороз сковал землю и тракторы уехали на зимовку в мастерские ремонтироваться.

Топливо своими силами я заготовила под окном избушки — маленький стожок соломы (возов 5, по здешнему воз — гарба). Солома почти один осот, пыль вылетевшая из комбайна. Стог сложен неумело, дожди промочили, а как это будет гореть, греть? Продырявлена крыша, не покрыта, и хотя я истратила много сил, чтобы затянуть на крышу доски, солому и 50 ведер земли, вода протекает. В избе нашей сырость, некуда спрятать полученный картофель. Решили под полом, в избе устроить погреб. Надо было выбрать сто шестьдесят ведер земли. Полученная капуста уже не уместилась и ее пришлось заморозить. Солома быстро подошла к концу и надо организовать заготовку хвороста. Лесов здесь нет. В глубоких ярах растут кусты какие-то и дубняк. Всё уже покрыто снегом, топоров у нас нет, только два на всю колонию. Яр глубокий и надо на себе вытаскивать приготовленный хворост наверх. Скользко, ноги едут вниз. Нас организовал совхоз — 85 человек. Работали до пота два дня и на нашу избу пришлось \Vi воза, с соломой этого хватит на две недели. А дома предстояла еще рубка сучьев: сырорастущий дубняк и терн пищит, капает сок и не горит. Мучение! Температура низкая, топим два раза в сутки, за ночь вода и картофель замерзает. Спим с повязанными головами, в носках и часто встаю с ледяными ногами. Ночью чувствую по лицу ходит ветер, накрываемся всем, чем можно. До весны далеко.

По степи рыскают волки и за водой ходим компанией. Сегодня волк был шагах в 30 от нашего колодца. Да, правительство о нас позаботилось! Спрашивается невольно: за что всё это? И кому это нужно, что мы так страдаем? В конце ноября я видела сны, из которых выходит, что и мамы уже нет, с таким чувством я просыпалась оба раза. Я с сестрой в большом лесу днем, но свет такой, как при затмении солнца. Мы молча пилим толстую лежащую сосну, и я знаю, что это на крест маме. Я во сне вспоминаю, что маме не нравятся громадные, большие кресты, и лучше из березы. Смотрю перед собой и вижу среди сосен несколько берез, на этом просыпаюсь. Видимо, и мамы уже нет. Мы не произнесли во сне ни слова. Второй сон: в нашей квартире одна кафельная печь, она стоит посередине. Мама с сестрой в тех комнатах,

которых я не вижу. В комнате, где я стою, нет пола — стоит темная вода. И вдруг с треском печь разлетается, летят кирпичи, печь погружается в воду. Я кричу маме и сестре, чтобы они опасались, но их не вижу. Печь рухнула и будто под нею провалился погреб. Я боюсь этих снов. Они меня преследуют и впечатление оставляют страшное. Все жду писем...

Во время обеденного перерыва (один час) нам из управления совхоза кто-то читал газеты. Я радовалась продвижению Красной Армии: освобождались близкие мне районы, а один из комбайнеров, рослый плечистый детина, привыкший есть сало и галушки в сметане, оглянулся вокруг себя — нет ли кого и сказал: «Послушайте! Ну, вот вы поедете домой, залечите свои раны и как-то там будете строить свою жизнь... а скажите, с чем мы останемся?! Вы ведь видите нашу жизнь! У моего отца свиньи, ей Богу, ели лучше, чем мы с вами теперь. И я и моя семья голодаем, а я и моя жинка день и ночь, не покладая рук, свой огородик ночью обрабатываем...» Сказав то, что накипело, он вдруг испугался — не ошибся ли во мне. «Ведь время-то знаете какое».

В бригаде ко мне, вое без исключения, даже агроном за мои «сводки» относились хорошо. «Жинки» часто угощали ломтем, принесенных из дому сочных арбузов. — «Давай, поешь маленько»... Недавно в свободную минуту опять перечитывала «Бесы». Верховенский предсказал: «придут, возьмут и фью — исчез человек». Послезавтра, Николенька, опять твой день, а о тебе ни звука. Пришли — взяли и исчез человек... Пять семей уже получили письма из дому. Польское эмигрантское правительство в Лондоне подало в отставку.

17 декабря. Здравствуй, Николенька! В твой день солнышко было яркое и мороз настоящий, Никольский. День к вечеру.

Ждала, как и каждый день письма, но и ради твоего дня — не получила. Ох, Ника, Николенька! Умолк ты и нет тебя...

1945 г.

2 января.

Начался еще один год. Нечем отметить прожитых дней. Дома грязь, копоть, сырость, темнота и холод. Хорошо, что ночь укорачивает эту «счастливую жизнь»! Из Брестской тюрьмы — многие мужчины дома. Муж нашей сибирской «польдоверенной» — жив. Под Варшавой бои. Будапешт почти взят. В палате общин Черчилль и Иден по вопросу о Польше выразились: «создалось положение досадное и мрачное, а перспектива соглашения относительно границ — призрачная»... Меняем остатки лучшего белья и платья на жиры и молоко. О.И. вяжет светр за дрова. Я, не имея понятия о шитье, сегодня, взяв за образец мужскую рубашку, тоже взялась за шитье (машину ручную мне одолжила красноармейка, а я ей за это тоже буду шить!)

3 января.

Сегодня во сне я спешила в числе других на аукцион, где продавались николаевские какие-то вещи. Мы шли цепью, держа друг друга за руки. Передо мной кто-то незнакомый, сзади Ника. Я поскользнулась с крутого спуска, где было много людей и крикнула: «Николай, ты удержишься?» Ника не ответил, но по-прежнему держал меня за руку.

25 февраля.

Девятнадцатого пришло письмо от сестры. Мама умерла в 1943 году. Перед смертью говорила: «Не надо плакать»... Мамусенька моя! Ты тогда, прощаясь со мной, говорила: «Ведь мы с тобой больше не увидимся». Я потеряла тебя и не нашла Николая. Судьба бывает жестока. Но за что?

14 марта.

Мама! Сегодня первого марта по старому стилю. Твои именины, а тебя давно уже нет! Я не могу молиться. Это так страшно молиться за упокой! А я молилась за сохранение всех страждущих, плененных, путешествующих и недугующих. За стеной в истерическом плаче В.К., она тоже получила письмо — ее муж расстрелян в 1941 году. Умерла ее мать, мать ее мужа, любимый брат, а двух братьев увезли немцы. Каждое письмо приносит такие страшные известия... Быть может, и не надо плакать, а окаменеть — жизнь стала страшнее смерти. Давно ходят слухи о нашем отъезде. Десятого марта нас срочно переписали. По слухам — отъезд в апреле.

19 марта.

Весна. Вчера была в Бутурлиновке (в одну сторону на лошади, назад — пешком). Продала последние (еще из Белостока) туфли и кожаный портфель Ники и за эти деньги (1000 рубл.) купила прежде всего мыла, немного постного масла, луку и так как это была масленица — разорилась на 200 гр. колбасы...

10 апреля.

Взяты Гдыня, Крулевец, бой под Веной. Получила письмо от двоюродного брата. Сестра без работы и, видимо, больна. Ежедневно стали приходить письма. Письма были в пути по четыре-шесть месяцев. Говорят, что репатриация отложена на три месяца, и что репатриации подлежат только поляки и евреи... Белорусеов, украинцев, румын и латышей это не касается. Пути Господни неисповедимы. А ведь я везде в списках четыре года фигурирую, как русская...

Ежедневно утром я хожу далеко в степь за сухим бурьяном для топлива. Так как весь наш поселок, не имея топлива, собирает его в большом количестве, то ходить приходится всё дальше. Поселок стоит на горе и в ту сторону належке идти хорошо. Бурьян выше человеческого роста. Я складываю на веревку громадную охапку, затягиваю петлю и с

большими усилиями забрасываю охапку на спину и отправляюсь домой. Расстояние около Vi км; донести без отдыха невозможно, а поднять вязанку в полпути, будучи уже усталой, дорога шла в гору — невозможно. Сильный ветер еще затрудняет положение. Ветер вертел моей ношей и заодно и мною и не было сил удержаться на ногах. На пути в степи стоял, оставшийся после военных действий бетонный бункер и я свернула немного с прямой дороги, подошла к бункеру и, не опуская ноши с плеч, оперла ее на бункер, давая отдых плечам, которые резала веревка, рукам и легким. До дому добиралась усталая, вся потная, несмотря на холод, с дрожащими поджилками. А такой принесенной охапки едва хватало на одну топку, причем надо было беспрерывно сидеть у плиты, подкидывать и часто ничего в избе не было видно: всё пропитывалось дымом. И сами мы превращались в копченую, несъедобную воблу. Было до слез обидно, когда наша сытая, обутая и тепло одетая «тетя заведующая», жившая на нашей Охре в достатке и довольстве (по сравнению с нами), встречая меня с ношей, полуучастливо, полу-насмешливо спрашивала: «небось тяжело?» Ей дрова привозились чуть ли не наколотые.

Меня мучит новое полученное известие о том, что вернуться имеют право только поляки и евреи. Получила письма. Двоюродный брат написал, что сестра больна и живет только надеждой на встречу со мной, а сам он, судя по письму, не верит в возможность встречи. А ведь я теперь единственная опора сестры. Читаю, перечитываю полученные письма, стараюсь прочесть многое между строк, ненаписанное и становится невыразимо тяжело. Как теперь всё сложится? Как безрадостна жизнь!

Прочла в старой газете о подписании 21.IV.45 договора на 20 лет о дружбе и взаимопомощи и; послевоенном сотрудничестве между Сов. Союзом и Польской Республикой. В бригаде у нас было внеочередное совещание с докладом директора совхоза. Сообщал, что союзные войска соединились. Москва дала салют из 500 орудий. Окружение Берлина закончено, идут бои в городе... А мы в тылу только работаем: мало вспахали, мало посеяли. Надо улучшить «стиль» нашей работы. Выслушали молча, без энтузиазма и так же разошлись к работе. Сухо, холодно, еще нигде нет зелени. У меня нет обуви, и я всё еще щеголяю в валенках. Устаю от ходьбы. Походка давно перестала быть легкой. Тракторов восемь, между каждым — 3-4 км. и я за день «нашагиваю» не мало; хожу и пахотой и бороздой и жнивьем и дорогой. Случайные лошади (директор, агроном, водовоз, управляющий, кухарка) бывают редко и в большинстве я езжу «самоходом» в пимах. Домой прихожу в 10-11 вечера, смерив горячее в последнем остановившемся тракторе, если нет ночной смены. Самая приятная минута, когда вечером замолкнет последний трактор. Голова и уши так устают от беспрерывного шума. В лунные ночи, возвращаясь с работы одна, — я наслаждаюсь абсолютной ночной тишиной и, кажется, что и на душе становится тише. Я полюбила быть одна, надоел людской гомон, шум и

черные, как сажа, грязные, обездоленные, как и я, люди. 28 апреля Вербная Суббота. Так много вспомнила, много хотелось бы сказать... но некогда — угар посевной... Шум трактора заглушает всё! И всё это во имя хлеба, которого нет! Нет ни травки, ни вербочки. Первого февраля 45 года получила третье письмо от сестры.

В поле было опять «совещание», на котором, вместо первомайского поздравления, всех ругали. Воодушевленные угрозами и руганью — все разошлись в «приподнятом» настроении.

Хаос, беспорядок. Все и все в бригаде (сорок человек), не исключая кухарки, учетчика, котлов и посуды — грязные от копоты, керосина, сажки, масла. Я продолжаю щеголять в валенках, отмеривая до 20 километров в день. Вчера, второго мая, возвращалась домой от Красного до Охры $\sqrt{2}$ км. До восхода луны было ждать долго, и я пошла через яр впотымах, шлепая в валенках по грязи.

5 мая.

Взят Берлин. Арестован Муссолини и Петэн. Сегодня Страстной Четверг. Читается двенадцать Евангелий, и люди с огоньками возвращаются домой. Сколько теплоты в этом обычае! Когда в городе всюду медленно идут люди, стараясь донести непогашенным свой огонек... Слава страданиям Твоим, Господи... А мы здесь так безумно торопимся сеять, пахать... и нам некогда! Когда же успокоимся? И когда эти усталые старики, женщины и парни смогут свободно, никем не понукаемые — оставить трактор, прекратить работу, вымыться и достойно и свободно встретить праздник?! Мы ведь сеем и днем и ночью, и в выходные дни, сеяли 1-го мая и будем сеять в день Христова Воскресения...

11 мая.

Знакомая полька в шесть утра вернулась из Красного и сказала, что война кончена! Тракторы остановлены. Все на митинге. Главное управление нашего совхоза было в «Зеленом» (около 8-9 км.) и туда пришлось отправиться на праздник «Победы». За нами прислан пароконный воз, без сиденья и без соломы... Поехало нас с Охры восемь человек. Пока доехали нас растрясло, прибыли к концу митинга. В зале духота, потные, красные лица. Мы опоздали. Правление совхоза выдало бесплатно на душу 300 гр. муки, чтобы каждый у себя, объединяясь группами, по собственному усмотрению мог веселиться. Водка по желанию в ларьке за наличный расчет. Мы на Охру вернулись уже пешком, притащив с праздника кусок сырого мяса в 9 кг. на 23 человека и столько же муки. Муссолини казнен и труп его выставлен на площади. Арестованы Геринг и Гимлер. Впечатление дня — сплошная усталость; нам предлагают садить огороды и готовиться к зимовке. Еще письмо от сестры. Спрашивает, кто к кому должен ехать?.. А я столько раз писала, чтобы ждала меня. Оперативные сводки Совинформбюро прекратились. Списать трудно: письма идут долго, а события

мелькают. Тоскливо, чувство усталости, бессилия, манит небытие, как успокоились вы, близкие, и уже несуществующие. Вам уже всё безразлично, а мы еще мечемся, желаем и ничего не можем.

24 июня.

Достигнуто соглашение об образовании временного польского правительства. За это время (больше месяца) писать было некогда.

6 июля.

Недавно я видела сон. Я выхожу из громадного здания. Со мной две спутницы. По мере приближения к выходу я вижу дым и пламя. Пройти уже нельзя. Я поворачиваю и вижу, что дорога, по которой я шла, вся залита водой. Наводнение. На моих глазах тонут животные. Пробую глубину и не ощущаю холода воды; захлебываюсь, вижу, что и тут перейти нельзя. Вода всё надвигается, но чувства страха нет. Вдруг вижу стоящую доску, кладу ее на воду и, как бывает во сне, край достигает какого-то сухого берега, и я благополучно преодолеваю препятствие. Просыпаюсь. Если доискиваться значения, то предстоит еще и огонь и вода, но выйду на какой-то сухой берег... берег жизни...

Писем от сестры нет. Времени свободного нет.

16 августа.

О.И. получила письмо от своей сестры из Ленинграда, склоняющее ее остаться тут. Я хочу уехать, но за меня всё решит его величество случай — ехать или нет. Тяжело и безрадостно. Весь день льет дождь. У меня мигрень — сижу и латаюсь. Только на письма и дневник времени всё меньше, а заплат надо ставить всё больше. «Пятый годик пошел...»

Погода для уборки катастрофическая, администрация совхоза беснуется; к нашим домишкам примыкают с одной стороны огороды с подсолнечниками и кукурузой. Вчера открыли дверь, а волк отскочил и спрятался в кукурузе. Рыскает по степи и ищет поживы. Видно, на огонек пришел. Летом перед каждым домиком и местные и мы ставим кирпичные печурки для варки. Волк, видно, и почувствовал запах жилья и пищи. Зимой, таская воду, я часто их видела, но не так близко.

18 августа.

Получена телеграмма. Меня вызывают в Воронеж к 28.VIII на трехдневный семинар. Японии до 20.X поставлен второй ультиматум: сложить оружие.

22 сентября.

Вдвоем с Р. носили в бутурлинскую милицию наши заявления о выходе из советского гражданства. Не приняли из-за отсутствия пяти булавок, которыми нужно было склоть индивидуальные заявления вместе. День был не базарный, купить ничего не удалось, и мы вернулись ни с чем до вторника 25.IX.

25 сентября.

Отправились опять, булавки найдены, заявления сданы, но когда я попробовала попросить расписку в получении принятых от нас заявлений, — не рада была, что возбудила такой гнев власть имущих. Я посмела не поверить, сомневаться, требовать расписку... Ушли довольные, что нас не арестовали за мою дерзость.

18 ноября.

Неделю назад прибыл на Охру сотрудник милиции — остановился в нашей крайней избе и заполнил наши анкеты, касающиеся оптации — в Верховный Совет, принял документы (кто имел), подтверждающие бывшее польское подданство, две карточки, подпись... опять булавочка... всё сколото. Переночевал на Охре и завтра увезет в Воронеж, в отдел виз и регистрации. Ради такого торжественного момента было принесено в нашу избу от Р., привезенная из Семятич лампочка керосиновая № 5, с заклеенным бумагой лопнувшим стеклом (у нас никто ламп не имел, а только коптилки) и так как сотрудник милиции был не слишком грамотный и как будто немножко навеселе, то я предложила ему свои услуги и пока не подошли наши охряне, перекрестясь, на первый огонь записала себя самое... Руки у меня дрожали, когда я, отложив свой паспорт, стала ему диктовать последующее. Изба стала наполняться нашими. Через три дня пошли мы к директору совхоза по хозяйственным делам: за картофелем, вопрос топлива, чтобы «дожить» до отъезда. И узнали, что по радио в тот день передавали... о продлении на год нашей репатриации. Умолкаю... «Не беспокойтесь, никуда вы не поедете...»

25 ноября.

Сегодня я пишу поздним вечером. Днем, весь день с утра, таскали с О.И. валежник. В свободные минуты я мысленно уединялась, но с ношей думать трудно. Теперь О.И. спит, а я присела: всё тело ноет от усталости.

Наш отъезд отложен будто бы до 3.VI.46 года. А так ли это — надо дожить и убедиться.

26 ноября.

Если страшная правда останется правдой, то три года, ты Ника, уже не страдаешь. И не дано мне даже знать, какого рода мученическую смерть ты принял. К нам идут. Некогда побыть свободно со своими мыслями.

5 декабря.

Сегодня в Воронцовку. Я приняла в польском детдоме место воспитательницы. Едем вместе с О.И. Будет ли она работать — еще не решили. Еще одна зимняя перетасовка. 30-42 километра (в зависимости от дороги), но всё сложно: ликвидация запасов, переброска багажа. А

здесь было столько вложено труда в ремонт избы, доставку топлива. Сколько же осталось остановок до последней станции?

8 декабря.

Шестого декабря была в конторе на Зеленом. Получила расчет, справку и снабжение хлебом до 15.XII, трудовую книжку и получила согласие на доставку меня до детдома грузовиком. Если буря, авария или смерть не помешают, то 12.XII переедем с О.И. Она пока на работу не нанимается. На Воронцовку я решилась потому, что, по слухам, детские дома уедут в первую очередь. Мы с О.И. продали на базаре все, что было можно, чтобы иметь немного денег, жиров, мыла и т.д.

20 декабря.

Наконец, после острой размолвки с новым директором — вместо машины (даже горючее было оплачено) приехала пара гнедых на розвальнях и в 12 часов дня, простившись с опостылевшей Охрой, мы двинулись через яр. Мороз до 30°. Около 9 часов вечера покрытые белым инеем, дотащились мы до Красного Кордона, где помещался детдом. Попали в тепло натопленную комнату. Охра в прошлом. Полтора года в степи. Переехали в лес, новое место, новые люди: директор детдома — безвольная Мария Леонтьевна — советская гражданка, человек десять служащих детдома. Среди детей очень много евреев.

28 декабря.

Не успев придти в себя, приступила к работе воспитательницы. или, как я назвала, — дядьки. Я сразу утонула в невообразимой грязи, хаосе, шуме и бестолочи. Я получила группу детей V, VI и VII классов и несколько человек VIII класса, около года бывших без воспитателя — «самотеком». Есть среди них женихи, сажень в плечах, слово дисциплина — непонятно; это — беспризорные хулиганы с каторги, подчас становится неприятно, чтобы не сказать — жутко. Но есть и хорошие дети. Занята я чуть ли не круглые сутки. Хочется помочь детям, завести лад, порядок, начать перевоспитывать. Их поведение приводит в ужас. Мои воспитанники напали на погреб, куда сложили овощи для кухни, сломали замок и съели или спрятали морковь и брюкву. Я стала беседовать с ними, укоряя за поступок, а они мне хором по-польски: «Если бы мы жили по вашей морали — данным давно подошли бы с голоду». «Если бы вы посидели в наших шкафах, то не говорили бы с нами так»... И всё-таки их строго осудить было нельзя. Я не оставляла их ни в спальне, ни во время приготовления уроков. После звонка они уходили в классы на занятия, и тогда я могла заняться другим. Я отвечала за их одежду (меховые шубки), постельное белье и прочий инвентарь. А воровство совершалось просто на глазах, простыни шли на обмотки, шубки продавались на еду. На кухне были большие злоупотребления, и изголодавшиеся дети получали недостаточные порции.

1946 г.

5 января.

Пришла моя очередь ответственного дежурства (24 часа) и я решила поработать для блага детей, призвав их на помощь. Я с детьми получила продукты, взяла все на ключ, весила и делила хлеб, сахар, жиры; не отходила от котла, нажив в двадцать четыре часа врагов в лице кухарки, кладовщицы и других воров, но завоевала большие порции для детей и приобрела их симпатии и послушание. Не знаю насколько меня хватит. Работать по 16 часов, всё время на ногах, в холоде и грязи, сесть негде, везде вши...

К усталости, крику детей, их болезням надо прибавить холод и дым в квартире, недостаток сна и сильную простуду. Большинство детей простужены, даже большие дети ежедневно мочатся в постели (простуженные мочевые пузыри), на всех печках и шнурках сохнет мокрое белье, которое невозможно ежедневно менять. Это ужас, а не детдом, какой-то бедлам! Едва ли я долго здесь выдержу! Весь персонал дома — шайка воров, обкрадывающих обиженных судьбой детей.

8 февраля.

Складываюсь! Еду опять на Охру для выезда домой. Р. телеграфировал, чтобы немедленно приезжать, так как они трогаются 16.11.46 г.

Подошли как раз выборы в Верховный Совет, и хоть мы поинформировались у прокурора, что нас, как иностранных подданных, они не касаются, — в последний момент узколобая директорша нашего детдома объявила мне, что если я вместе с другими служащими детдома утром, в пять часов (еще глухая ночь) не пройду пять километров и не подам свой голос, — она ручается мне, что я в эшелон не сяду... а если и сяду, то меня снимут. Не помогли никакие разъяснения, ссылка на выясненный вопрос прокурором — лицом компетентным — просьбы... — осталась непреклонна! Ей необходимо выполнить план голосования на 100%! Я едва сдерживала свою злобу и неудержимое желание избить ее. Но делать было нечего! На помощь пришел Пушкин: «Плюнь, да поцелуй ручку у злодея». И пришлось по глубокому снегу, ночью трепаться пять километров до своего пункта, чтобы опустить в урну свой конверт со списком. Было обидно за свои ноги и за свое человеческое достоинство. Стахановцам, пришедшим впотьмах, издалека, первыми (мы были в их числе) были предложены какие-то бутерброды, от которых я демонстративно отказалась, зато директорша была мила, предупредительна и стала хлопотать о лошадях, которые доставили бы меня до Охры.

На Охре я застала подъем и дорожную суматоху. Все жили уже на связанных узлах, сундуках и чемоданах, в большинстве опустошенных.

На Охре среди нас жила красноармейка Шура с пятилетним ребенком. Кроткое, безобидное существо, не выдавшее в жизни ничего, кроме беспросветной работы и нужды. Это она не могла правильно назвать

меня и почему-то называла «Любима». Она предложила мне свою ручную машинку для шитья, давая мне возможность заработка зимой. Она же поведала мне свою тайну: ее муж за попытку попасть в плен перед самым концом войны был осужден на 10 лет работы в шахтах. Ему не разрешено было даже повидаться с семьей. А так как она была неграмотная, то и переписываться не могла. И за время, пока я мила на Охре, я писала письма ее мужу и читала ей полученные от него. Она радовалась полученным письмам, тому, что осталась жива с ребенком, радовалась, что у нее есть кормилица-коровка. И жила надеждой, что когда-то свидится с мужем. Уже не виделись они пять лет, и ребенок родился в его отсутствие. Теперь предстояло 10 лет разлуки. Шура и муж ее были единоличниками (не состояли в колхозе) и потому жизнь ее во многих отношениях была еще тяжелее жизни окружающих.

Но надо было видеть, как преобразалось ее исключительно некрасивое, всегда грязное лицо, когда она приходила ко мне с нераспечатанным еще конвертом и говорила: «читай, Любима!» По мере чтения из глаз ее капали радостные слезы, а лицо светилось счастливой улыбкой. Она была счастливее меня... На следующий день после письма она, обычно, присылала мне через своего сынишку горячую лепешку или пирожок, которые я заставляла его тут же съесть. Шура была крайне неряшлива и нечистоплотна, но сердце у нее было большое и любящее. Когда она плакала, лицо ее никогда не изменялось, когда радовалась, — лицо становилось привлекательным, несмотря на некрасивость.

14 февраля.

Наконец, на трех парах быков наша группа тронулась к станции железной дороги. Первые сани были украшены советским и польским флагами.

В сумерках мы погрузились в товарные вагоны с «полатями» из досок, с железными печурками. Только теперь не было у эшелона людей с винтовками, двери вагонов были открыты настежь. К нашему вагону подъехал директор совхоза сказать свое последнее «прости»...

Прошло пять лет. Те же люди в отрепьях, заплатаных одеждах производили впечатление нищих, тряпичников. Когда-то жизнерадостные — теперь это были люди с опустошенной душой, больным сердцем, поруганным человеческим достоинством. Не хватало многих: голод, холод, непосильный труд и смерть не позволили дождаться возвращения. Не хватало и всех тех, кого расстреляли.

15 февраля.

Тронулись. На попутных станциях подбирали поджидавших наших людей. На какой-то станции формировался состав, выдавались продукты, платная и бесплатная помощь в виде одежды. Люди озверели: в очередях доходило до рукопашных схваток, слез, истерик, криков... Не хочется писать об этом — гадко. У меня от тоски болит сердце. Хочется

тишины, покоя, хочется лечь, закрыть глаза и не думать; но в вагоне крик, споры и не с кем перекинуться словом.

О.И. успела переслать из Воронцовки письмо, а добрая Шура не поленилась пронести двенадцать километров, из Охры, на плечах, весь удой молока, чтобы мы еще успели на дорогу попить свеженького. Она тронула своей заботой и отзывчивостью в нашем вагоне даже самых нечувствительных, когда, покрытая потом, металась вдоль поезда, разыскивая наш вагон. Прощаясь с нею, я прощалась с частицей России, к которой так всегда стремилась, которую так любила и которая отнеслась ко мне, как жестокая мачеха. «Прощай, немытая Россия!»

Было, но грустно и больно.